

"Один из миллионов (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Глава 1.

- Глеб! Твою мать! Выруби музыку! - в просторной комнате, где царит хаос и беспорядок, раздался голос, который пытался перекричать громкую музыку, льющуюся из тонких, изящных колонок.

Музыка не утихла. Парень двадцати с небольшим лет ворвался в комнату к младшему брату и, с остервенением, выдернул провод из розетки. Все стихло. Тишина ударила по ушам.

- Ты оглох?! - проорал черноволосый юноша в сторону братишки, который раскинулся на огромной кровати, положив руки под голову и прикрыв глаза.

- Нет, я тебя слышу, - тихо ответил мальчик.

- Тогда какого хрена ты лежишь? - старший брат со злостью пнул футбольный мяч, белый в черную клетку, тот отлетел к противоположной стене, стукнулся и вернулся под ноги к парню.

- Ты сам прекрасно справился с задачей, зачем я должен был шевелиться?

Младший брат очень сильно злил и бесил Сашу. Маленький, эгоистичный, избалованный родителями и хорошей жизнью, плюющий на все подросток. Три дня назад брату исполнилось семнадцать, в этом году он закончит школу. Вроде взрослый уже, но ведет себя хуже капризной шлюхи.

- Урод, - злобно прошипел Саша.

Развернулся, чтобы уйти, задел рукой чашку, которая стояла на прозрачной столешнице стеклянного стола. Та полетела на белый дорогой итальянский ковер, пачкая мягкую, словно облако, поверхность уродливым коричневым пятном.

- Са-а-аш, - нараспев протянул Глеб слегка хрипловатым голосом.

Саша замер около двери. Такой ехидный, издевательский тон брата не сулил ничего хорошего. Ясно одно, гаденыш что-то от него хочет.

- Что тебе нужно? - через плечо, не оборачиваясь.

- Сегодня суббота...

Глеб сел на кровати, поправил растрепавшиеся волосы, черные, как у брата, но их кончики были выкрашены в несколько разных цветов, бордовый, темно-синий и белый. Темно-синий отлично сочетался с его большими, синими, холодными глазами, белый подчеркивал

природную бледность кожи, а бордовый добавлял яркости.

- Я знаю, какой день недели, - прошипел Саша, - Еще раз спрашиваю, что тебе нужно?

- Возьми меня с собой, - капризным тоном заявил брат, надув и без того пухлые губки.

- Пошел на хер, - Саша сделал еще шаг к выходу из комнаты брата.

Ему не нравилось здесь находиться. Глеб был слишком странной личностью. Очень порывистый, импульсивный, непоседливый, с каким-то, только ему понятным, взглядом на окружающий мир. Комната соответствовала своему владельцу. Окна огромные, занимали всю стену, во время ремонта пришлось специально увеличивать оконные проемы, штор не предусматривалось, только одно большое стекло. Окно можно было открыть, только сдвинув в бок. В стене находился выключатель, который снимал блокировку, и окно сдвигалось в сторону. Стены выкрашены синей краской различных оттенков. Разводы начинались от нежно голубого и заканчивались цветом ночного неба. То там, то здесь на них пестрила яркая и не уместная абстракция. Различные фигуры били по глазам. Мебели практически не было, только гигантских размеров кровать, постоянно заваленная всякой ерундой, стол и кожаное кресло, такое, как любят бизнесмены, только кресло Глеба отличалось ненормальной раскраской, как и все в этой комнате. Только белый пушистый ворс ковра не отталкивал взгляд, поэтому Саша всегда стоял здесь с опущенной головой, словно он в чем-то провинился перед маленьким демоном.

- Са-аа-аша, - снова протянул младший брат.

Саша замер и постарался выдохнуть несколько раз, чтобы успокоиться. Он был близок к тому, чтобы ударить подростка, но знал, что этого ни в коем случае нельзя себе позволять. Глеб не станет молчать, а побежит рассказывать отцу. Это они уже проходили. Отец тогда был в бешенстве. Саша оказался наказан на две недели и оставлен без каких-либо денежных средств на это время. Для подростка, который оканчивал школу, это было сродни Конца Света.

- Что? - тихо-тихо и спокойно-спокойно произнес старший брат.

- Саш, у меня есть поразительно удивительное видео, где ты трахаешь какую-то бабу на родительской кровати, - Глеб перестал канючить и говорил ровным, четким тоном, абсолютно серьезного и делового человека.

Сашу передернуло. Было. Когда родители неделю назад в очередной раз уезжали за границу, он не смог удержаться и привел девушку домой. Хотя это было строго настрого запрещено. Что будет, если кто-то узнает, что они предавались любовным утехам на родительской кровати, даже представить страшно. Саша стоял молча, но понимал, что он попался и придется теперь некоторое время потакать желаниям этого крысеныша. Глеб тихо, пританцовывая в такт какой-то мелодии, которую он слышал только у себя в голове, подошел к брату со спины и обнял. Он был на голову ниже Саши, поэтому мальчик встал на носочки и положил подбородок на плечо брата. Подул в ушко и прикусил мочку.

- Саш, это будет длиться месяц, только после этого я сотру видео, - прошептал мальчик, внутренне улыбаясь, но на лице не дрогнул ни один мускул.

- Какие гарантии? – брат резко развернулся, отталкивая подростка.

- Мое честное слово, - Глеб опустился на ковер, сложив по-турецки ноги, поднял голову и посмотрел на брата невинными глазами, опущенными черными-черными густыми ресницами. Их было так много, что иногда могло показаться, что мальчик подводит глаза черным карандашом, но Глеб всегда скептически и отрицательно относился к женской косметике, поэтому у мальчика не могло возникнуть даже таких мыслей.

- Пф! Я тебе не верю! – заявил Саша, презрительно сверля брата взглядом голубых глаз.

- Хочешь посмотреть? – Глеб удивленно поднял брови.

- Нет, я принимал непосредственное участие в действии, так что воздержусь от просмотра, - он наклонился к брату, - А ты, небось, себе уже мозоли натер на руках, маленький девственник? – прошептал Саша.

Он хотел смутить Глеба, хотел увидеть предательский румянец на его белых щечках, но ничего из этого не произошло. Глеб только равнодушно качнул головой и посмотрел прямо в глаза брату.

- Месяц, - произнес он только губами.

- Хорошо, - Саше ничего не оставалось, как согласиться.

Юноша, наконец, широким шагом покинул сводящую с ума комнату. Саша, конечно, предполагал, что Глеб не пустил бы это видео в ход. Потому что возник бы закономерный вопрос, откуда там взялась камера. А узнай родители, что младший сынок так невинно забавляется, Глеб сидеть не смог бы долгое время. Но пусть думает, что я испугался. Поиграем. Саша улыбнулся своим мыслям, вернулся в комнату, где теперь в тишине можно было расслабиться после трудного учебного дня, взял ноутбук и написал ребятам, что на сегодня у него хвост.

Глеб выключил на компьютере музыку, воткнул штекер в розетку и поднял чашку. Он был рад, безумно рад тому, что Саша поддался на шантаж. Мальчик не предполагал, что старший брат так легко поведется на этот бред. Не было никакого видео. Было только знание того, что происходило, и то добытое совершенно случайно. Но Саша поверил, это то, что имело сейчас значение. Теперь, когда брат ушел, Глеб не сдержал улыбки, которая быстро отобразилась на красивом мальчишеском лице. Радость переполняла сердце, разливаясь сладким нектаром по всему телу. Он верил и не верил, что сегодня, может быть сегодня, случится то, чего он так давно ждет, то, о чем он так давно мечтает.

Мальчик быстро скинул с себя длинные черные домашние штаны, стащил через голову футболку, открывая на спине замысловатую вязь символов. Родители еще не знали об этой татуировке, а он не спешил сообщать им эту новость. «Alea jacta est»* - гласила надпись на спине подростка.

Глеб быстро принял душ, освежившись перед вечерним выходом, и зашел в дверь, ведущую из комнаты в его личную гардеробную. Широкий коридорчик, по бокам вешалки с разной одеждой, внизу полки с обувью, напротив зеркало в полный рост. Сейчас в гладкой поверхности отражался подросток с забавными разноцветными прядями в черных волосах, замотанный только в темно-синие полотенце, которое открывало косточки и тонкую полоску темных волос в самом низу живота. Тонкая талия, плоский живот с едва намеченными кубиками пресса, еще не сильно широкий разворот плеч. Жилистый, высокий, но сильный, хотя до Саши ему еще расти и расти, что не удивительно. Разница в возрасте между ними почти пять лет. Глеб пристально осмотрел все рубашки, остановился на черной, с легким металлическим отливом. Рубашку заправил в черные узкие джинсы с широким ремнем, остроносые туфли и короткая замшевая черная куртка. Мальчик улыбнулся своему отражению.

Сашу долго ждать не пришлось, брат спустился буквально через пять минут, как Глеб устроился на диване в прихожей.

- Пошли, - бросил Саша, а Глеб послушно поднялся за ним.

Мальчику сейчас было все равно на недовольство и злобу брата. Самое главное, что он добился того, что хотел. Саша не более чем средство достижения цели. Пусть огрызается, сколько ему будет угодно. Настроения это не испортит. Спортивная трехдверная БМВ цвета «мокрый асфальт» приветливо мигает фарами, отзываясь на сигнал, поступающий с брелока, который зажат у Саши в руке. Глебу нравились машины, нравилась езда, но сам мальчик водить еще не умел. Обращаться с просьбой научить к старшему брату он не хотел, лучше подождать год и пойти в автошколу. Взревел мощный мотор и машина сорвалась с места, взвизгнув тормозами перед выездом на шоссе. Саша вел машину агрессивно и уверенно, Глебу была по вкусу такая езда, парень откинулся на спинку кожаного сиденья и смотрел прямо перед собой в лобовое стекло. Впереди под колеса с огромной скоростью ложился асфальт, мигали и пропадали огни, светились красным фары впереди идущих машин, сменялись сигналы светофоров, которые они проезжали.

Наконец, Саша остановил машину, ловко припарковался между огромным белым джипом и длинным черным седаном, больше похожим на корабль. Братья вышли из машины, и Саша повел Глеба в бар, где по обычаю проходил сбор.

- Когда ты писал, что с тобой хвост, я думал, что ты бабу привезешь! - громко крикнул Кирилл, стоило только парням попасть в поле зрения людей сидящих за большим круглым столиком в углу заведения.

Приглушенный свет не напрягал глаза, а тихая спокойная музыка ласкала слух. Людей в баре было достаточно, все же субботний вечер. Они отдыхали, разговаривали, ужинали, пили и

веселились. Глеб быстро скользнул взглядом по сидящим за этим столом людям, но никто из них не захватил его внимания.

- Нет, это мой брат, Глеб, - процедил Саша и опустился рядом с красивой девушкой на самый край дивана.

Глеб только молча всем кивнул и сел на свободный стул.

- Кого еще ждем? - спросил Саша, подзывая официантку взмахом руки.

- Парней, - ответила одна из девушек, рассматривая новенького, но весьма смазливого мальчика хищным взглядом.

Брат Саши пришелся по душе всей женской части компании. Парни же смотрели с интересом и насмешкой. Еще бы, ребенок напросился в компанию к взрослым. Глеб скрипнул зубами, но так же с любопытством рассматривал друзей брата. Всего за столиком до их появления сидело пять человек. Две девушки и трое парней. Кирилл, который говорил пошлости и матерился через слово. Дима, ограничившийся только кивком в сторону Глеба. Серьезный парень с умным лицом в прямоугольных стильных очках одного из известнейших модных домов. Он понравился мальчику, потому что его серые глаза не насмехались над ним. Алексу было плевать на все, он уже выпил пару стопок виски и был в прекрасном расположении духа, поэтому его совершенно не волновал младший братишка друга. Что он есть, что его нет. Безразлично.

- Что вам принести? - громко с профессиональной улыбкой на лице спросила девушка.

- Бокал красного сухого вина, - ответил Саша, перевел взгляд на младшего брата, - и...

- стакан теплого молока ему! - громко заявил Кирилл, тыкая пальцем в Глеба

Все дружно засмеялись, даже на интеллигентном лице Димы появилась улыбка. Глеб сильно сжал под столом кулаки, и улыбнулся, делая вид, что и он оценил шутку.

- Яблочный сок, - произнес Саша сквозь смех и девушка удалилась.

Сволочь! Глеб даже губу закусил до крови, чтобы не наорать на брата. Знает же, что он ненавидит яблочный сок, как и сами красные и зеленые плоды яблони. Саша улыбнулся ему, демонстрируя, что он сделал это специально. Плевать. Ведь сок можно и не пить. Ребята завели какую-то незамысловатую беседу о том, кто, что делал в течение недели, о предстоящей в скором времени сессии. Глеб не принимал участия в этом, он даже не прислушивался, слишком напряжен был мальчик сейчас. Он сидел с ровной прямой спиной и старался держать себя в руках, чтобы не начать оборачиваться каждую секунду, ведь мальчик сидел к дверям спиной. Через пару минут девушка принесла заказ, Саша принялся с удовольствием и видом

знатока смаковать терпкую кислую жидкость, а перед носом Глеба возник стакан с неприятно пахнущей янтарной жидкостью. Мальчик скривил аккуратный носик и сдвинул стакан в сторону. Кто-то из компании закурил. Вера, девушка с каштановыми длинными волосами и красивыми карими глазами. Глеб посмотрел на нее и поймал теплую улыбку. В руках Веры была длинная тонкая сигарета, зажатая между двумя пальчиками с идеальным маникюром. Глеб тоже не отказался бы покурить. Он не пробовал, но слышал, что это успокаивает нервы. То, что сейчас крайне необходимо.

- О-о-о! Не прошло и года! – воскликнул Кирилл, возводя руки к потолку.

Сердце пропустило несколько ударов, Глеб задержал дыхание, пытаясь справиться с нервной дрожью, охватившей все тело до самых кончиков волос. Он слегка повернул голову в сторону, но никого не увидел.

- Привет! – к ним подошел еще какой-то парень с белыми волосами в длинном черном плаще.

Он безразлично скользнул взглядом по Глебу и коснулся мягких, пухлых губ Веры. Сердце Глеба продолжало трепыхаться в груди словно мотылек, бьющийся о стекло лампочки. Мальчик искусал всю нижнюю губу, стараясь унять расшалившиеся нервы, но тщетно. Внутренности завязались в тугой комок, мешая дышать, сердце стучало везде, но только не там, где ему положено, ладони вспотели и вдоль позвоночника пробежали противные мурашки, рот наполнял неприятный солоноватый привкус.

- Вечер добрый! – раздался за спиной мягкий приятный баритон, голос прошелся словно легкое перышко по оголенным нервам.

Глеб шумно выдохнул, хватаясь за стул, чтобы удержать тело на месте.

- Привет, малыш, - шепнули лично ему, а крепкие руки несильно сжали плечи.

Секунда, две, три. Глеб поднял голову и утонул в черных омуты темных глаз, они светились теплом и удивлением.

- Привет, - хриплым голосом отозвался мальчик, растягивая пересохшие губы в улыбке.

- Миш, ты на машине? – спросил Дима, кивая в сторону Алекса, которому, судя по всему, пора домой.

- Да, - парень кивнул.

- Отвези его, если не сложно.

- Хорошо.

Миша подхватил Алекса под руку и стал удаляться в сторону выхода. Высокая крепкая фигура, облаченная в короткую кожаную куртку и темные брюки, растрепанные каштановые пряди волос на голове. Глеб провожал Мишу жадным взглядом до самого выхода. Когда парень вытолкнул пьяного друга из заведения, он обернулся и посмотрел на Глеба, виновато улыбнулся и вышел.

На губах мальчика появилась грустная улыбка. Так мало....Всего лишь только несколько коротких мгновений и он ушел. Запах Мишиной туалетной воды еще витал в воздухе, а его самого уже не было. Глебу стало грустно. Радость и печаль слились в один коктейль, давя на сердце и разрывая грудную клетку.

Компания пробыла в кафе еще около часа. Миша так и не приехал. Они расплатились, расселись по машинам и поехали в клуб, где должно было продолжиться веселье. Глеб думал, что Саша отвезет его домой, но брат не свернул на нужном повороте, проскакивая его на большой скорости.

Около клуба было шумно, грохотала музыка, стояла небольшая очередь из желающих попасть внутрь. Кроме того, поднялся сильный ветер, он шумел в ушах, трепал волосы и проскальзывал под одежду. Глеб вышел из машины вслед за братом и в момент замерз так, что зубы начали отбивать дробь. Вся компания выстроилась в очередь.

- Саш, - тихо позвал Глеб брата, прячась за широкой спиной Кирилла от пронизывающего ветра.

- Что? - парень повернул голову и посмотрел злым взглядом.

- Разве ты не отвезешь меня домой? - Глеб был уверен в том, что брат поступит именно так, у мальчика не было с собой ничего, кроме мобильного телефона, кошелек в карман этой куртки просто не влез бы.

- Нет, - заявил брат, довольно улыбаясь.

- Тогда дай мне денег на такси, - резко ответил Глеб.

- Бог подаст, - шепнул Саша в самое ухо.

- Саш, - Глеб не верил, что брат вот так просто оставит его на пороге клуба и уйдет веселиться.

- Иди, давай, тут недалеко, - рассмеялся Саша ему в лицо.

Глеб растерялся и сделал несколько шагов назад, недоверчиво глядя на старшего брата, ожидая, что тот скажет, что все было шуткой и отвезет домой. Но нет, подошла их очередь, Саша махнул рукой и скрылся в клубе, куда Глебу еще вход был закрыт в силу юного возраста. Мальчик отошел в сторону и замер. Он не знал, куда ему идти. Глеб всегда был домашним мальчиком, предпочитающий книги, нежели шумные тусовки с друзьями, коих и не было. Очередной сильный порыв ветра продул до самых костей. Глеб сжался, стараясь закрыться от сильных порывов, и побрел вперед. Он, конечно, предполагал, что Саша может сделать какую-нибудь гадость. Месть - это то, чем его старший брат никогда не брезговал. Но, чтобы он так подло поступил. Глеб не ожидал такого удара.

Мальчик шел по тротуару, вдоль дороги. Мимо проходили люди, они смеялись, разговаривали, кричали и дурачились. Мимо проезжали машины, проносясь на больших скоростях, не замечая одинокую фигурку, бредущую в неизвестном направлении. Глеб и, правда, понятия не имел, куда он шел. Просто шел и все. Было до боли обидно. Саша всегда к нему плохо относился, а мальчик не понимал почему. Когда был маленький, тянулся к старшему брату, потом негодовал, отчего такое отношение, а в последнее время стал отвечать на злобу злобой, на подлость подлостью, но в душе все равно было горько. Вот и сейчас Глеб с трудом сдерживал слезы тягучей обиды.

Он сошел с главной улицы и теперь брел в какой-то подворотне. Здесь было темно, фонари горели через один, рядом с тротуаром шла автомобильная дорога с одной полосой в одну сторону и с одной в другую. На секунду Глеба ослепили фары встречной машины, которая выскочила из-за угла. Мальчик низко опустил голову и пошел вперед. Машина проехала мимо, но вскоре взвизгнули тормоза и урчащий звук мотора стих. Глеб сглотнул комок в горле и прибавил шаг. За спиной хлопнула дверца, мальчик еще больше ускорился. Послышался звук шагов, который то же увеличивался, а потом человек за спиной сорвался на бег. Глеб испугался так, что из груди вырвался тихий стон и побежал.

- Стой! - послышалось сзади, но мальчик не остановился.

Он бежал, что есть мочи. Главное не останавливаться, твердил себе Глеб. Но бесполезно, он почувствовал резкий рывок за руку, а потом его толкнули в сторону стены. Мальчик ударился спиной так, что из легких вышибло остатки воздуха. Глеб попытался ударить того, кто стоял рядом, но его запястья тут же попали в железный плен.

- Ты чего творишь? - спросил обиженный, но такой знакомый голос.

Глеб резко вскинул голову и посмотрел на того, кто прижимал его к стене.

- Миша? - удивленно спросил он.

- Я, - парень улыбнулся и отпустил руки мальчика, - Что ты здесь делаешь один?

- Иду домой, Сашка не захотел меня отвозить, - пожаловался он.

- Поехали, я тебя отвезу.

Миша стал удаляться в сторону машины, послушно замершей на другой стороне улицы в ожидании своего владельца. Глеб радостно улыбнулся. Мог ли он рассчитывать на такую удачу? Конечно, нет. Но теперь в его распоряжении еще некоторое время в компании того, кто заставляет юное сердечко заходиться в бешеном ритме.

- Глеб, ты чего там застрял? – Миша обернулся через плечо, протягивая руку в сторону мальчика, словно хотел взять того за ладонь.

Глеб отлип от стены и поспешил за другом брата.

Миша, друг Саши еще со школьной скамьи. Он всегда был частым и желанным гостем в их доме. Они часто устраивали с братом различные беспорядки, но Миша никогда не относился к Глебу с той жестокостью, которая была присуща старшему брату. Иногда парень даже заступался за забавного малыша, ведь тот так искренне обижался на брата. В детских невероятно синих глазах отпечатывалась такая боль и обида, что парень просто не мог игнорировать этот взгляд. Будь у него младший брат, Миша бы хотел, чтобы он был похож на Глеба. Мальчик всегда был ему симпатичен. Тихий, кроткий, спокойный. Но с нежной улыбкой на пухлых губах.

Машина аккуратно тронулась с места. В салоне пахло морским бризом, играло радио. Полумрак рассеивался только светом, что попадал в салон от фонарей и огней города. Глеб молча теревил край куртки. Он очень хотел поговорить с Мишей, но не знал о чем. В конце концов, их не связывало ничего общего. Глеб давно понял, что к Мише он испытывает что-то, но что осознал сравнительно недавно. Симпатия маленького мальчика постепенно превратилась в глубокое, теплое и огромное, как весь мир, чувство первой любви. Теперь Глеб неуверенно замирал, когда встречал Мишу, смущался и с трудом дышал. При встрече его сердце, словно кто-то сжимал в кулаке и отключал сознание, лишая какой-либо воли. Тело охватывала дрожь, а ноги становились ватными.

- Глеб, зачем ты потащился с Сашкой? – спросил Миша, поворачивая на знакомую улицу.

- Скучно дома, - ответил мальчик слегка дрогнувшим голосом.

- Твой брат не самая подходящая для тебя компания, - парень усмехнулся, не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги.

- Другой у меня нет, - Глеб пожал плечами, так же всматриваясь в ночь за окном дорогой иномарки.

- Хочешь, я проведу с тобой время?

На секунду Глебу показалось, что у него начались слуховые галлюцинации и нездоровый мозг слышит не то, что говорит парень, а то, что сознание хочет услышать. Мальчик тряхнул головой. Посмотрел на парня, сидящего рядом, столкнулся взглядом с его карими глазами, в которых читался вопрос, прозвучавший некоторое время тому назад.

- Хочешь? - Миша плавно остановился напротив их дома.

- Хочу, - выдохнул Глеб, не веря еще своему счастью.

- Тогда дай мне номер своего мобильного телефона. Я позвоню тебе завтра, - Миша достал iPhone последней модели, упакованный в черный чехол и приготовился записывать номер Глеба.

Мальчик, запинаясь, продиктовал одиннадцать цифр. Миша записал и нажал на кнопку вызова. Прошел гудок, и мобильник в кармане мальчика запел, перебивая радио, тихо играющее в салоне.

- Завтра наберу, - Миша тепло улыбнулся.

- Хорошо, пока, - Глеб ответил на улыбку и вышел из машины.

Он шел до дверей дома на ватных ногах. Может, ему привиделось, и не было ничего. Ветер снова пробрался под одежду, холодя кожу. Мальчик вздрогнул, обернулся, чтобы увидеть, как машина выезжает со двора, и поспешил в подъезд. Внутри было тихо, многие уже спали. Дома Глеба тоже встретила тишина, родителей не было. Парень поднялся на второй этаж квартиры, влетел в свою комнату. Вспыхнул яркий свет. Пятно на ковре исчезло. Глеб скинул с себя всю одежду и забрался под теплое легкое бамбуковое одеяло. Дернул ткань на себя, чтобы закутаться по самый нос. Послышался грохот. Мальчик приподнялся, книжки и еще какая-то дребедень теперь валялись на полу. Глеб устроился на подушке, дотянулся рукой до выключателя, и комната погрузилась в темноту. Только уличные фонари освещали темное помещение. Но Глебу не мешал этот свет. Он боялся темноты, а так можно было легко различить очертания комнаты и тени в углах не превращались в уродливых монстров, что так сильно пугали мальчика в далеком детстве. Глеб не стал ни о чем думать. Не хотел сильно верить в свою удачу. Потому что если это окажется всего лишь иллюзией, ему будет очень больно и тяжело. Он закрыл глаза и моментально уснул.

** «Жребий брошен», нет пути назад, все мосты сожжены. В 44г. до н.э. Юлий Цезарь принял решение захватить единоличную власть и перешел с войсками реку Рубикон, тем самым нарушив закон и начав войну с римским сенатом.*

Глава 2.

Утром в комнату к спящему крепким сном мальчику заглянуло яркое солнце. Ветер за окном стих, рассеяв тучи, что несколько дней висели над городом, не давая солнечному свету согреть его. Мир за большим окном приобрел яркие краски. Небо радовало глаз своей необычайной голубизной. Деревья с молодой листвой светились зеленым светом, на них

расцветали цветы. Даже серый асфальт выглядел как будто ярче и чище. Улицу поглотил шум голосов. Смеялись дети, играющие на площадках, лаяли собаки, хлопали дверцы машин, слышался шум шин. Сегодня все стало ярче и насыщеннее.

Несколько робких лучиков утреннего солнца выскользнули из-за края здания и заглянули в яркую комнату мальчика. Прошлись по спящей фигуре, замотанной в одеяло, осмотрелись, а затем нежно коснулись лица Глеба. Приласкали яркие губы, приоткрытые во сне, мазнули по курносому носику, облизали щечки и, наконец, мягко коснулись сомкнутых век. Глеб поморщился и перевернулся на другой бок, не спеша скидывать с себя остатки сна. Мальчик уже проснулся, но не хотел выскальзывать из нагретой постели. Его тело все еще было расслаблено, он нежился в уютной кровати.

Подскочить на месте и нервно заозираться по сторонам Глеба заставила громкая трель звонка телефона. Мальчик вскочил, выпутался из одеяла и вытащил из кармана куртки мобильник. Звонил Миша. Глеб уставился на экран, не веря своим глазам, но быстро опомнился и мазнул по нему пальцем.

- Привет, малыш! - послышался в трубке веселый голос Сашиного друга, - Не разбудил?

- Привет, - Глеб улыбнулся в трубку, - Я уже проснулся, - он упал обратно на кровать и завернулся в нагретое одеяло.

- Думаю, что не так давно, у тебя хриплый голос, - усмехнулся Миша на другом конце.

- Только что, - сознался Глеб, а в трубке послышался залиvistый смех.

От этого звука по телу разлилось приятное тепло, мальчик не мог и не хотел сдерживать улыбку, расплзшуюся по лицу.

- Ты соберешься за два часа? - спросил Миша.

- Конечно! - Глеб встал с кровати и пошел в ванную.

- Тогда я заеду...

- Нет, Миш, - мальчик перебил его, - давай лучше встретимся в центре, скажем возле Атриума, - Глеб не хотел, чтобы Саша знал, что он проводит время с его другом.

- Хорошо. От Сашки прячешься?

- Да, - грустно сказал мальчик, присаживаясь на край большой ванной.

- Тогда жду тебя у входа в торговый центр, - Миша повесил трубку.

Глеб отложил телефон на тумбочку и посмотрел на себя в зеркало. Бледное лицо со следом от подушки на щеке и горящие предвкушением синие глаза. Глеб до сих пор еще не мог поверить в то, что он скоро увидит Мишу, что проведет с ним вместе некоторое время. Мальчик улыбнулся своему отражению яркой, заражающей улыбкой и начал умываться.

Глеб сразу же оделся, не хотел задерживаться дома ни одной лишней секунды. Сегодня было теплее, чем в предыдущие дни, поэтому парень выбрал белую кофту, светлые джинсы и джинсовый жилет им в тон. Мальчик взял сумку и сложил в нее все необходимое.

- Глеб, ты куда-то собрался? – спросил папа, отрывая на мгновение взгляд от газеты.

- Да, - мальчик подошел к матери, которая готовила завтрак, и легко коснулся губами ее щеки.

- Куда? – отец был не в очень хорошем расположении духа, Глеб невольно сжался, опасаясь того, что ему запретят выходить из дома.

- Встретиться с другом, - тихо шепнул он, мысленно молясь о том, чтобы гнев мужчины миновал его скромную персону.

- Леш, оставь его, - шепнула мама на ухо мужу.

Женщина была рада тому, что у сына появился друг. То, что младший ребенок постоянно сидит дома беспокоило ее. Папа скривился, но больше не стал ничего спрашивать. Глеб быстро справился со своей порцией завтрака, выпил обжигающе горячий кофе, опалив язык и небо, попрощался с родителями, перекинул сумку через плечо и вышел из квартиры. На ожидание лифта не было терпения. Мальчик сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу. Улица встретила его свежим весенним воздухом и теплыми ласковыми лучами солнца. На асфальте еще кое-где остались лужи, как напоминание о непогоде, которая накрывала город еще вчера вечером.

Через пять минут мальчик уже спускался в подземку, две станции и он вышел на курской, а через несколько минут стоял возле входа в торговый центр Атриум. Глеб посмотрел по сторонам, но Миши еще не было. Не удивительно, ведь он приехал на полчаса раньше. Не смотря, на время парень огорчился. Он так ждет этой встречи, что кончики пальцев подрагивают в нетерпении, нет возможности стоять на месте, он всматривается в каждое лицо, жадно ища взглядом лишь то единственное.

- Привет! – раздалось за спиной.

Глеб подпрыгнул от неожиданности и резко обернулся, впиваясь взглядом в розовые губы Миши. Парень вышел из торгового центра, поэтому Глеб его не заметил.

- Привет, - смущенно ответил мальчик, отпуская яркие линии губ Михаила.

- Голодный? - спросил он, легко дергая за яркую прядку волос.

- Нет, я завтракал.

Глеб мелко дрожал от его близости. Миша был приветлив и дружелюбен, но мальчик не мог заставить скованность отпустить его тело. Слишком непривычна и желанна была такая близость любимого человека.

- Тогда поехали в парк, - Миша улыбнулся.

Кожу руки Глеба обожгло прикосновение его ладони. Миша взял мальчика за руку и повел в сторону машины. Глеб, пребывая в легком шоке, безропотно последовал за ним. И вновь его окутал запах морской свежести, которая разливалась по салону. Сегодня на дорогах было много машин. Люди ехали по своим делам, забывая дороги автомобилями разных марок. Глеб смотрел в окно, пытаясь отвлечься от мысли, что рядом сидит Миша. Протяни руку и можно коснуться его теплой руки, сжимающей руль. Видимое спокойствие давалось мальчику с большим трудом, внутри он весь дрожал от напряжения.

- Миш, почему ты решил провести этот день со мной? - внезапно спросил Глеб.

- Ты же сам сказал, что тебе не с кем проводить время, разве нет? - парень повернул голову в сторону мальчика и окинул того странным взглядом.

- Все равно, я же маленький, - вздохнул Глеб.

На это Миша залился громким смехом. Мальчик обиженно засопел и снова отвернулся к окну, рассматривая большой белый лимузин, украшенный лентами и цветами. Кто устраивает свадьбу в воскресенье?

- Глеб, ты мне, как младший брат, поэтому я с радостью потрачу свое время на тебя, - тепло отозвался Миша, закончив смеяться.

Но от этих слов мальчику стало больно. Боль вспыхнула в груди и тягучей волной распространялась по всему телу. Всего лишь, как младший брат, не больше. Так не думать об этом, не думать. Приказал себе мальчик, сглатывая противный вязкий ком в горле.

- Куда мы едим? - спросил Глеб хриплым голосом, откашлялся и посмотрел на Мишу.

- В парк, я же сказал, - пожал плечами тот, - Хочешь куда-нибудь в другое место?

- Нет, мне все равно.

Но до парка они так и не доехали. Пробки могут вывести из себя даже такого уравновешенного и терпеливого человека, как Михаил Павлович Калинов. Парень остановил машину, и они пошли просто гулять по городским улицам. В Москве было шумно, многолюдно, так как и всегда. Это город, который замер в своей спешке. Ни минуты простоя. Мгновение, как короткая жизнь. Постоянно течет. Глеб шел рядом с Мишей, который физически ощущал рядом идущего мальчика, пусть тот и не касался его. Глеб вырос за то время, что Миша не видел его и из нескладного подростка превратился в красивого юношу. Да, Глеб был именно красив. Жесткие черты лица, твердый упорный взгляд, ни капли нежности, только иногда на бледном лице застывала растерянность. Но мальчик всегда легко справлялся со своими эмоциями. Наверно, за это качество ему стоит сказать спасибо старшему брату, рядом с которым нельзя показывать истинных чувств. Саша всегда был слишком жесток с младшим братом, упиваясь его обидой и болью. Мише было не понять таких отношений между братьями, но он никогда не разговаривал на эту тему с Сашей. Но сейчас он мог подарить Глебу несколько радостных часов, что делал с великой радостью.

Вскоре ребята спустились в метро и поехали на Красную площадь. Народ просто кишел здесь, в самом популярном месте. Множество туристов, толпа у почетного караула, ожидающая смены поста. Миша снова взял мальчика за руку, ему нравилось тепло, которое исходило от его кожи, мягко разливаясь по телу. Это тепло заставляло его улыбаться. Он повел мальчика вдоль аллеи. Глеб осматривался по сторонам, хотя наверняка был здесь ни один раз. Они шли молча, просто наслаждаясь компанией друг друга. Мише было легко с Глебом, как ни с кем другим. А волны радости и восторга, исходящие от младшего брата Саши, дарили чувство спокойствия и целостности души. Это то, чего Мише так давно не хватало. Таня ушла два месяца назад, заявив, что он слишком спокоен для нее, а девушке хочется бурного веселья. Миша тогда не вслушивался в слова, которые говорила ему любимая женщина. Он понимал только то, что она бросает его, отчего мир раскололся напополам. Треснул, словно любимая ваза, которую несмышленый малыш случайно столкнул со стола. Все содержимое расплескалось, оставляя пустоту и холод. После того, как за ней закрылась дверь его квартиры, а шкаф остался на половину пустой, Миша потерялся в своих переживаниях. Встречался с друзьями, готовился к сессии, жил и дышал дальше, но не получал никакого удовольствия от своих действий. Парень впервые в жизни был не рад приходу весны. Теплые солнечные лучи не задевали сердце, распускающаяся листва и приковывала взгляд, для него все оставалось серым и неизменным, словно замерев на самом ужасном моменте его жизни. Краски вернулись в мир только тогда, когда в баре, где по обыкновению собиралась вся компания, он увидел разноцветные пряди на голове Глеба. Это заставило улыбнуться, а ответная улыбка мальчика, дала толчок сердцу к тому, чтобы оно ровно забилося вновь. Мише показалось, что он нашел лекарство. А теперь только в этом убеждался, сжимая в пальцах теплую руку.

- Миш, может, передохнем? – спросил мальчик, кивая на освободившуюся лавочку.

- Давай.

Они сели рядом, тесно, прижавшись, друг к другу, отчего по телам обоих прокатился небольшой разряд электрического тока. Глеб откинул голову и подставил лицо лучам яркого солнца.

- Ты уже определился с вузом? - спросил Миша, окидывая взглядом мальчика.
- Да, отец не дал право выбора, - грустно усмехнулся он, - буду обучаться управлению людьми.
- Ясно. А ты сам этого хочешь?
- Нет, я бы пошел на исторический факультет, мне нравится история, еще возможно выбрал бы археологию.
- Индиана Джонс, - Миша легко пихнул мальчика в бок.
- Зря смеешься, я бы хотел быть таким, как он, - с вдохновением выдохнул Глеб, не отрывая взгляда от ярко-голубого неба, - выдающийся персонаж, жаль, что существует он только на книжных страницах.
- Почему ты не сказал родителям, что тебя интересует это направление? - удивился Миша, который привык отстаивать свою точку зрения перед родными.
- Говорил, но они восприняли это, как шутку.
- Надо было быть настойчивее, это же твое будущее.

Сам Михаил учился на рекламщика. Его с детства увлекали яркие короткие видео, так часто транслирующиеся по каналам телевизора, фото в журналах и на щитах на улице. Он поражался тому, как это притягивало взгляд, заставляло человека пойти и выбрать именно этот товар. Реклама - двигатель торговли. Не слова, а прописная истина. Конечно, по окончании школы Миша столкнулся лбами с отцом, который так же хотел видеть в сыне будущего управленца крупной международной строительной компании. Но Миша не хотел уступать. Парень всегда полагал, что будущее принадлежит человеку, и никто не вправе отнимать у него возможности и мечты.

- Могу только позавидовать твоей смелости, - горько усмехнулся мальчик, - ни мне, ни Сашке, не удастся перечить отцу, его слово для нас закон.

- Это неправильно...

- Может, но это наша реальность. Я хочу встать на ноги, а потом заняться тем, что мне по душе, - улыбнулся мальчик, - Тогда он не сможет мне приказывать.

- Надеюсь, что твои мечты сбудутся, - Миша встал и подал руку Глебу, - Пойдем, перекусим, я еще не завтракал.

- А чего же ты молчал?! - изумился мальчик и сам потащил парня в сторону кафе.

Они ловко проскользнули сквозь толпу учеников младших классов. Шумная ребятня бегала и кричала, доводя сопровождающих преподавателей до бешенства. Вошли в здание торгового центра и с огромным трудом нашли свободное место в ресторанном дворике. Глеб остался сидеть, а Миша отправился за едой. Вскоре парень вернулся, неся поднос с кучей разной еды. Он взял пару кусков пиццы, салатов, сладких булочек, кофе и ванильный молочный коктейль для Глеба.

- Ухты! Спасибо! - восхитился мальчик, просовывая трубочку в крышку.

Ванильный, был самый любимый. Глеб с удовольствием втянул в рот сладкую холодную жидкость и прикрыл глаза в блаженстве. Губы Миши изогнулись в теплой улыбке, но мальчик ее не видел, так как продолжал с наслаждением втягивать в себя любимое лакомство. Его губки плотно обхватывали тонкую пластмассовую палочку, черные ресницы подрагивали, а на лице застыло довольное выражение. Миша моргнул, отрывая взгляд от такой манящей картинки, и вернулся в шумное окружающее пространство.

- Сколько я тебе должен? - поинтересовался Глеб, отпуская трубочку и облизывая верхнюю губу. Юркий язычок быстро скользнул по ней и скрылся во влажной глубине рта.

- Не сколько, - ответил Миша и без сил упал на соседний стул.

От таких невинных видов у него почему-то пропало дыхание, и подкосились ноги.

- Как так? - Глеб приподнял брови и удивленно на него посмотрел, вгрызаясь зубами в кусок пиццы.

- Так, я тебя угощаю, - выдохнул парень и сделал глоток кофе, шаря взглядом, по головам сидящих за соседними столиками людей.

Все для того, чтобы не видеть, как белые зубы сжимают лакомый кусок, как скользит язык по губам.

- Ну, ладно, - милостиво согласился Глеб.

За несколько часов, что они провели в компании друг друга, он привык к Мише, к его обществу. Неловкость и смущение пропали, осталась только радость, которую мальчик испытывал каждой клеточкой своего тела. Ему было приятно, когда Сашин друг брал его за руку, крепко переплетая между собой их пальцы. И пусть для Миши в этом жесте не было ничего, что заставило бы сердце ускорить свой ритм, зато Глеб наслаждался его прикосновениями.

- Миш, а у тебя есть девушка? - спросил Глеб, заливаясь краской.

- Нет, - холодно отозвался парень и тоже принялся за еду.

- Почему? - Глеб был рад услышать отрицательный ответ, пусть и произнесенный таким тоном, но в глубине души мальчик надеялся на то, что произойдет чудо и Миша признается ему в нетрадиционной сексуальной ориентации.

Но чудо не произошло.

- Потому что она меня бросила, - грубо сказал Михаил, - Еще вопросы? - он сверкнул на мальчика недовольным взглядом, отчего тот с трудом проглотил кусок пищи и отвернулся.

- Нет, прости, - Глеб специально смотрел в другую сторону, ждал пока плена, застилающая обзор пропадет, и глаза снова станут сухими.

Смена Мишиного настроения расстроила и его. Он понял, что спросил о том, что его не должно касаться никоим образом и парень рассердился. В конце концов, кто Глеб для него такой, чтобы интересоваться личной жизнью. Но мальчик слишком сильно хотел узнать о наличии соперницы, поэтому не удержался и спросил.

- Не обижайся, - Миша почувствовал, что Глеб распереживался из-за его грубости, такое ощущение, что волна тепла, исходящая от него в момент сменилась проливным холодным осенним дождем. Это ощущение Мише не понравилось, он хотел согреться рядом с Глебом, а не мерзнуть еще больше, - просто я до сих пор не могу прийти в себя. Думал, что нас связывает что-то настоящее, чистое, а вышло все, как всегда....

- Прости, - опять повторил Глеб и, наконец, повернулся к своему собеседнику, - а у меня никогда еще не было девушки, - выпалил он, покраснев, как помидор, но надеялся, что Мишу это развеселит. Саша всегда смеялся над тем, что в свои семнадцать он оставался девственником.

- Какие твои годы! - Миша улыбнулся, но в его улыбке не было насмешки или чего-то обидного, она была нежной, дружеской.

Глебу стало приятно, что он не посмеялся над ним, а только поддержал, что ли?

Вскоре с едой было покончено и молодые люди ушли, освобождая свое место другим изголодавшимся отдыхающим. За время, что они обедали, за стенами торгового центра ничего не изменилось. Светило солнце, по небу лениво плыли облака, а люди гуляли, наслаждаясь теплым весенним днем.

- Куда ты еще хочешь? - спросил Миша, приобнимая мальчика за плечи.

- Может, кино? - Глеб совершенно не имел понятия о том, куда можно пойти.

Москва огромный многомиллионный город, в котором несчетанное множество развлечений, но Глеб не знал, куда бы он хотел пойти, а главное не мог угадать, куда бы хотел пойти сам Миша.

- Хорошо.

Миша сводил его в кино. Они купили билеты на приключенческую комедию, взяли большую корзину сладкого попкорна и раздражали других зрителей, громко шурша своим лакомством на протяжении всего сеанса.

К машине они вернулись уже тогда, когда день превратился в вечер. Вывески магазинов, витрины и сами улицы засияли множеством огней. Москва красива в темное время суток, как никогда. Они шли по длинной улице, в конце которой, стояла машина, неспешно, наслаждаясь теплым ветром, дувшим в их лица, голосом города, его ритмом, его жизнью. Пискнула сигнализация, щелкнули замки, Глеб с Мишей забрались в уютный салон. Через некоторое время машина тронулась с места и вскоре остановилась возле дома Глеба.

- Спасибо, - прошептал мальчик в темноте, - Я очень рад, что ты провел со мной этот день.

Он приподнял голову и посмотрел на Михаила снизу вверх. Пределом его мечтаний сейчас был поцелуй. Просто быстрое несмелое касание Мишиных губ. Он жаждал почувствовать его дыхание, тепло и мягкость его губ. Но Миша подарил только ласковую улыбку. Что же, Глеб и этому был безумно рад.

- Пожалуйста, - прошептал он, - Пока.

- Пока, - Глеб вышел из машины, легонько хлопнув дверью, и иномарка мгновенно сорвалась с места.

Мальчик постоял еще некоторое время, оглянулся по сторонам и подпрыгнул на месте несколько раз, выпуская бурю восторга, сжигающую изнутри, в атмосферу. Потом он бегом скрылся в подъезде. Вечер прошел, как в тумане, не задевали даже колкости Саши. А когда Глеб, наконец, очутился в своей постели, мальчик погрузился в свои мечты. Да, этой ночью он будет мечтать. Мечтать о Мише, о его теплых руках, о том, о чем мечтать было стыдно, но так сладко и желанно.

Глава 3.

- Глеб, вставай, - мама бережно потрясла сына за плечо, закутанное в одеяло.

Мальчик завернулся в него целиком, и был похож на куколку, которой вскоре предстоит стать бабочкой с красивыми яркими крыльями.

- Угу, - отозвался мальчик из своего укрытия.

Ему снился человек, которого он любит всем своим юным сердечком, там, в теплой неге сна, Глеб находился в объятиях Миши и никак не хотел открывать глаза и возвращаться в реальную жизнь.

- Глеб, - строго произнесла родительница.

- Уже встаю, - из-под одеяла показалось заспанное личико, такое милое и нежное.

Глаза мальчика все еще были закрыты, в ресницах запутались остатки сна. Он сел на кровати, широко зевнул и потянулся, изгибаясь всем телом. Убедившись, что сын не продолжит спать, мама вышла из его комнаты, плотно прикрыв дверь. Глеб распахнул синие яркие глаза и улыбнулся. Он еще отчетливо помнил каждый момент вчерашнего дня. Каждый взгляд карих глаз, каждое прикосновение теплой руки. Он отчетливо помнил нежный приятный голос, которым он не мог послушаться. Миша. Уму непостижимо, вчера он весь день провел с Мишей! Глеб вскочил с кровати и направился в ванную, чтобы смыть остатки сна и встретить новый день бодро и весело.

В школе, когда Глеб влетел в класс за пару секунд до звонка, многие из одноклассников обратили внимание на изменения, произошедшие с их товарищем. Постоянно угрюмый и нелюдимый мальчик сиял, словно начищенный сапфир, ослепляя всех окружающих своими синими глазами. Обычно темная одежда, сменилась на светлые брюки и бежевую рубашку. Глеб был необычайно мил, когда не прятал лицо за занавеской длинной челки. Преподаватель по истории тоже отметила изменения в мальчике и вызвала того к доске. Ей всегда нравился этот парнишка, умеющий интуитивно отличить правду от вымысла и отыскать истину. Кроме того, он один из немногих, кто жаждал знаний по ее предмету и впитывал, как кубка всю новую информацию. Даже ей было интересно поспорить с Глебом Сладовым на различные темы, где у каждого историка была своя точка зрения. Мальчик и сегодня порадовал пожилую женщину своим блистательным ответом, получил законную пятерку и под завистливые взгляды одноклассников отправился на свое место, на заднюю парту, где сидел в гордом одиночестве, сколько она себя помнила.

Школьный день оказался тяжелым. Впрочем, как и все, особенно сейчас. Скоро предстоит сдача выпускных экзаменов и их, как собак, натаскивали на ЕГЭ. Глеба злила эта программа. Но поделаться мальчик ничего не мог. На самой большой перемене напротив него кто-то сел. Глеб оторвал взгляд от учебников. Перед ним сидела Ольга, самая красивая и востребованная девочка в классе. Круглая отличница.

- Привет, - улыбнулась она.

Глеб ответил на улыбку девушки, но внутри замер, насторожившись. Она никогда не проявляла к нему никакого внимания. Мальчик был для нее, словно еще одна парта, предметом интерьера, не больше.

- Привет, - отозвался он, нервно теребя в руке ручку.

- На последний звонок мы собираемся в кафе, а потом в клуб. Ты с нами?

- Да, - в конце концов, глупо было бы отказываться, вряд ли он увидит кого-то из них вновь после окончания школы.

- Хорошо, - кивнула она, а золотые пряди длинных волос рассыпались по плечам блестящим водопадом, - тогда подойди к Жене, он скажет, сколько денег ты должен сдать.

- Хорошо, - Глеб вымученно улыбнулся и вернулся к своему занятию.

Девушка быстро вспорхнула со стула, оставляя после себя шлейф сладких духов.

Дни до торжественного дня тянулись безумно долго. А самое обидное, что Миша больше не звонил. Глеб часто замирал, глядя на экран мобильного телефона. Молил, чтобы тот зазвонил, а на экране отобразился выученный наизусть номер, но проклятый аппарат упрямо молчал. Тогда мальчик тяжело вздыхал и возвращался к своим делам, которые теперь не занимали даже сотую часть его мыслей. Глеба не волновали экзамены, не волновало поступление в институт. Его волновало только то, что Миша вновь пропал из его жизни. Саша больше никуда его с собой не брал. Брат просто послал маленького надоеду и все, заявив, что ему плевать на то, что Глеб что-то скажет родителям. Братья опять разругались вдрызг и не разговаривали между собой.

В знаменательный майский день светило солнце, весь школьный двор окутали радость, веселье и суета. Выпускники с праздничными лентами, перетягивающими их грудь, выстроились в несколько линеек. Преподаватели произнесли речи, выступил директор, не молодой мужчина с седой головой и седыми усами. Их проводили в дальнейший путь, младшие классы показали свое представление. А затем все разошлись по своим делам. Родители Глеба тоже уехали, а их класс в полном составе отправился в кафе. Там ели, смеялись, вспоминая прошлые годы, пили молочные коктейли и соки. Только Глеб опять померк. Мальчик сидел в дальнем углу и смотрел на прохожих за окном. Ему было грустно и плохо, хотелось встать и уйти, но парень заставлял себя оставаться на месте, пытался влиться в веселую беседу то и дело прерываемую громким взрывом смеха. Но мысли так или иначе возвращались к Мише, и к тому единственному дню, в который друг брата подарил ему свое время. Конечно, кто такой для него Глеб? Просто маленький надоедливый мальчик, не больше. Парень грустно вздохнул, наблюдая, как постепенно темнеет за окном.

В водовороте своих невеселых мыслей, Глеб едва не пропустил момент, когда шумная компания начала собираться. Ребята переместились в клуб, который принадлежал отцу одного из одноклассников. Там была громкая музыка, яркий свет, закуски и море алкоголя. Видимо, отец Макса решил, что они уже достаточно взрослые, чтобы выпить спиртного.

Глеб сидел на высоком стуле за барной стойкой, наблюдая, как отрываются на танцполе его одноклассники.

- Выпей, настроение улучшится, - рядом встала Оля, облокотившись о барную стойку.

Девушка подвинула к нему бокал на высокой ножке, наполненный ядовито-красной жидкостью. Глеб молча взял бокал, понюхал. Коктейль пах клубникой. Мальчик сделал осторожный глоток. Отталкивающего вкуса алкоголя он не почувствовал, во рту стало приторно сладко и все наполнил запах клубники, только внутри все согрелось, что свидетельствовало о том, что алкоголь здесь все же присутствовал. Бармен заведения знает свое дело.

- Спасибо! - Глеб поднял бокал в воздух, салютуя девушке.

Ольга громко рассмеялась, развернулась на высоких каблуках и пошла к своим школьным подругам, виляя крутыми бедрами, обтянутыми черным коротким платьем. Ее локоны покачивались при каждом шаге. Но даже такая откровенная красота не вызывала в Глебе никакого отклика. Он с большим удовольствием наблюдал бы фигуру Миши в этой толпе. Парень подавил очередной тяжелый вздох и сделал еще несколько жадных глотков. То, что сейчас плескалось в его бокале, мальчику понравилось. А после второго бокала в голове появилась приятная легкость. Музыка заставляла двигаться в такт, и вскоре Глеб оставил насиженное место, чтобы присоединиться к общему веселью. Они танцевали, пили, вскоре начали курить, не стесняясь посторонних глаз. Глеб полностью влился в коллектив. Он тоже пил после каждого тоста и не отказался от первой в жизни сигареты, мальчик был уже изрядно пьян. Он громко смеялся над шутками, шутил сам. Люди, с которыми он проучился много лет, отметили, что он оказывается веселый парень и с ним легко общаться. Кто-то щелкнул перед его носом зажигалкой. Пламя лизнуло кончик сигареты, зажатой в зубах. Глеб сделал затяжку и закашлялся, легкие, словно смяли в руках, грудь заболела, на глазах появились слезы. Ему в руки тут же сунули бокал с красной жидкостью. Парень, не задумываясь, осушил его залпом, силясь вдохнуть хоть немного воздуха. Получилось, а потом получилось, и затягиваться сигаретой, наполняя легкие дымом, и позволяя никотину бежать по венам, все быстрее унося из реального мира в мир алкогольного угара.

Глеб с трудом ввалился в туалеты. Мир сошел с ума и теперь качался перед глазами. Он не мог разобрать, где пол, где стены, а где потолок, все слилось в один бешеный водоворот.

- Блять! - простонал парень, хватаясь рукой за столешницу, где располагались раковины.

Его волосы растрепались, рубашка промокла насквозь, пропитавшись потом. Он же блестел и на лбу, переливаясь мелкими бисеринками. Глеб наклонился к раковине, чтобы умыться холодной водой, надеясь, что она принесет облегчение, но почувствовал только резкий прилив тошноты. Мальчик резко развернулся, отчего не удержал равновесие и растянулся на холодном полу, больно ударившись коленом. На глазах выступили слезы, а мир взорвался яркой вспышкой. Глеб громко сглотнул, с трудом удерживая в себе содержимое желудка, поднялся и склонился над унитазом. Его долго рвало, пока на дне не осталось все, что он сегодня отправлял в рот. Но стало немного легче. Парень сел на пол, пачкая белые брюки, утер тыльной стороной ладони рот, размазывая рвотные массы и громко простонал. Ему было плохо, как никогда раньше. Глеба била мелкая противная дрожь, даже пальцы отказывались слушаться, внутренности болели, словно он проглотил кучу острых стеклянных осколков, голова гудела, как после удара бетонной плитой. Хотелось упасть на пол, свернуться в

маленький клубок и исчезнуть из этого мира навсегда. Парень стал рыться в карманах в поисках мобильного телефона, но не нашел его.

- Блять! - снова выстонал он.

Собравшись с силами, поднялся на ватные ноги и, держась за стену, поплелся в зал.

- Дай позвонить! - взмолился Глеб, хватая Женю за руку.

Одноклассник сначала удивленно дернулся в сторону, но потом узрел перед собой еще более пьяного одноклассника, чем он сам, достал из кармана телефон и протянул Глебу.

Вопроса кому звонить не возникло. Вариантов было немного. Звонить родителям было подобно самоубийству. В таком состоянии ему вообще была закрыта дорога домой. Звонить Саше. Глупо, брат все равно не приедет. Глеб набрал одиннадцать цифр, которые мог бы повторить даже во сне.

- Да? - недовольно раздалось в трубке.

Еще бы Миша был бы рад ночному звонку!

- Ми-и-иш, - простонал Глеб, сползая по стене, в которой нашел себе опору несколько минут назад.

Женя дернул его за руку, возвращая в вертикальное положение.

- Глеб? - Миша поразился тому, что слышит в трубке голос Сашиного брата. Он отнял трубку от уха и посмотрел на экран, номер был незнаком. В груди всколыхнулась тревога.

- Миш, забери меня отсюда! - выпалил Глеб на одном дыхании.

- Где ты? - спросил парень, стараясь не пропустить в голос панику, которая сжимала в титановых тисках.

- Где мы? - обратился Глеб к Жене, который так и держал его за руку.

Одноклассник назвал ему адрес клуба, и Глеб продиктовал его Мише.

- Я сейчас приеду! - крикнул Миша в трубку, он уже вскочил с кровати и натягивал джинсы одной рукой.

Парень сбросил вызов и швырнул трубку на диван, стоящий в коридоре. Глеб был пьян, это отчетливо слышалось в его приглушенном голосе. Кроме того несовершеннолетний подросток находился в ночном клубе. Как?! Что он там делает? С кем? Паника все больше захлестывала его сознание, вынуждая двигаться на пределе своих сил и возможностей. Миша быстро одел первые попавшиеся под руку вещи и выскочил во двор. Машина мигнула фарами и тут же унеслась в ночную темноту. Миша еще никогда так не гнал, старясь быть аккуратным водителем и не нарушать правил дорожного движения. Но сейчас ему было плевать на водителей. Его ждал Глеб. Мальчик был неизвестно где, неизвестно с кем, пьяный и, судя по всему, ему было очень плохо. Миша резко затормозил на парковке возле клуба, она была на удивление пустой. Парня слегка утянуло вперед от резкого торможения, но пристегнутый ремень безопасности не позволил удариться лбом об руль. Миша раздраженно сбросил с себя черную тканевую полоску и выскочил из машины. Глеб стоял возле входа в клуб, облокотясь о стену здания. В одной руке подростка тлела сигарета, а во второй была зажата бутылка минеральной воды. Голова запрокинута, глаза закрыты. Миша подошел ближе и буквально увидел, что мальчика бьет сильная дрожь. Он быстро подошел к нему и легким ударом выбил сигарету из руки.

- Миш, - выдохнул Глеб, открывая мутные пьяные глаза.

Парень ничего не сказал, только поморщился. Хотелось вклеить мальчику звонкую оплеуху, но завтра он все равно об этом не вспомнит, поэтому Михаил схватил его в охапку и поволок сторону машины. Мальчик путался в ногах, постоянно норовил упасть лицом на асфальт, поэтому Миша зло схватил его на руки, а мир Глеба в очередной раз сделал замысловатый кульбит. Мальчика замутило вновь, но он с огромным трудом проглотил мерзкий комок. Каким-то седьмым чувством ощущал, что Миша злится. Он бы наверно сам бы на себя злился, если бы мог. Но все, что сейчас был в состоянии ощущать Глеб, это ужасную головную боль, разрывающую все существо на множество маленький Глебов. Миша впихнул его на переднее сиденье машины, пристегнул ремень безопасности, и всунул в руки пакет, на случай, если Глеб все же не справится со своим взбунтовавшимся желудком.

Во время езды, Глеба невероятно сильно тошнило, но он пил минеральную воду маленькими глотками и часто-часто дышал, отгоняя рвотные массы обратно в живот. Не хотел так позориться перед Мишей. Когда машина послушно замерла в незнакомом дворе, мальчик открыл глаза, перед которыми плясали разноцветные круги. Дверь с его стороны резко распахнулась, и Миша вытащил его за шкурку из машины, сразу же взял на руки и понес в сторону подъезда. Мой принц, мелькнула глупая мысль в сознании подростка, но тут же была убита взрывом боли в голове. Глеб протяжно застонал, вцепляясь в волосы руками.

- Плохо? - заботливо поинтересовался Миша, входя со своей ношей в лифт.

- Да, - слабым голосом отозвался мальчик и уложил тяжелую голову ему на плечо.

- Алкоголик, - расслышал Глеб беззлобное замечание.

Потом его аккуратно опустили на широкий диван. Глеб даже глаз не открыл. Миша бережно избавил его от одежды, оставляя только трусы, и накрыл пледом. Парень переоделся сам и

пошел в сторону кухни, которая была соединена с гостиной, и стал намешивать в чашке какую-то мутную жидкость.

- Глеб, - потрепал Миша подростка по голове, - Глеб.

Мальчик открыл глаза и посмотрел на него. Он сидел на диване, обхватив острые колени руками под покрывалом. Его трясло, зубы стучали, а губы приобрели синеватый оттенок. Мальчик никак не мог согреться.

- На, выпей, - он протянул Глебу белую большую чашку.

Мальчик залпом осушил все содержимое, поморщился и тут же побледнел еще больше. Улегшаяся было тошнота, вернулась с новой силой. Еще немного и его вырвет вновь.

- А теперь пошли в туалет! - воскликнул Миша, подхватывая его под руки и вытряхивая из кокона из пледа.

Мгновение и Глеб согнулся над белым унитазом, его снова рвало, тело сотрясалось в болезненных спазмах. Миша присел позади мальчика, с любопытством разглядывая надпись на спине, пока сам подросток с упоением чистил желудок. Но так было нужно, иначе завтра его ждет безумно тяжелое похмелье. Он запомнил надпись на латыни, ставя себе галочку завтра выяснить, что значат эти слова. Наконец, Глеб оторвался от унитаза и сел на пол. Его трясло от холода и слабости. Но это далеко еще не все процедуры. Миша поднялся с тяжелым вздохом, поднял Глеба и повел его в ванну. Там мальчика ждал холодный душ. Глеб орал, извивался в крепких руках, пытаясь избежать соприкосновения кожи и ледяных капель.

- Миш, не надо больше! - прокричал мальчик, заливаясь слезами, - Я понял, больше не буду пить!

- Ну-ка, тихо! - шикнул на него Миша, вновь возвращая под прохладные струи воды.

Парень сам уже промок насквозь, на полу тоже разлилось маленькое море, а Глеб все брыкался. Наконец, пытка кончилась, Миша закрутил краны и оставил мальчика дрожать в ванной. Зато его сознание значительно прояснилось, и мир занял положенные ему места и перестал вращаться вокруг его фигуры. Миша вернулся через пару минут, за которые зубы Глеба успели отбить разные мелодии. В руках парня было огромное полотенце.

- Сними трусы, - сказал Миша, протягивая мягкую ткань.

Глеб смутился, не зная, какой стороной повернуться к Мише, чтобы остаться перед ним абсолютно обнаженным. В итоге, мальчик сначала замотался в полотенце, а потом извернулся стянуть с себя мокрый клочок ткани. Миша только ухмыльнулся, наблюдая за его действиями, искренне не понимая, почему мальчишка стесняется. Можно подумать у него там два члена,

вместо одного.

- Пошли, - Миша взял парня под руку и отвел в свою спальню, - Залезай, - кивнул он на большую кровать.

Глеб не заставил себя долго упрашивать, а быстро скользнул под одеяло и протянул мокрое полотенце. Мальчик свернулся уютным клубочком под одеялом и уснул в мгновение ока. Миша повесил полотенце, постоял несколько минут, наблюдая за парнем в своей постели, провел рукой по затылку, скинул мокрые вещи и забрался к Глебу. Прижал худое тело к себе, мгновенно чувствуя тепло и спокойствие. Миша никогда не обременял себя одеждой во время сна и сейчас каждой клеточкой чувствовал тело мальчика. Выдохнул Глебу в затылок и закрыл глаза. Его накрыл крепкий спокойный сон, Миша давно уже так сладко не спал.

Глава 4.

Утро Глеба начиналось тяжело. Мальчика разбудила тупая ноющая головная боль, сильная сухость во рту и ощущение черной дыры вместо желудка. Он открыл глаза. Обвел комнату, в которой находился непонимающим взглядом и резко сел на чужой постели. Это была не его комната! Синий яркий цвет стен сменился на спокойный бежевый тон, окна в разы уменьшились и на них появились тяжелые темно-зеленые занавески. Парень повернул голову в сторону и наткнулся взглядом на угловой шкаф, этой махины уж точно не было в его родной комнате. От осознания того, что он проснулся не дома, стало страшно. Глеб напряг память, сился вспомнить хоть что-то из событий прошлого вечера, но тщетно. Все ускользало, словно вода сквозь пальцы, а голова начала болеть еще сильнее. Мутный туман, царящий в его сознании, сбивался в тугие комья, приобретающие яркие цвета и пульсирующие острыми вспышками. Он схватился за волосы и застонал. Этого просто не могло быть.

- Вижу, ты проснулся! - громкий веселый голос Миши заставил оставить разноцветные пряди в покое и посмотреть на хозяина квартиры.

- Как я здесь...? - прошептал мальчик.

- Пить надо было меньше, чтобы помнить, как попадаешь в гости к друзьям своего брата, - недовольно отозвался Михаил и протянул мученику стакан с водой, в которой пузырились две таблетки шипучего аспирина.

Глеб осушил стакан залпом, вытер влажный рот и снова посмотрел на любимого человека. Осознание того, что он находится у Миши дома, мазнуло дикой радостью по сердцу. Глеб улыбнулся.

- Чему ты радуешься? - Миша не разделял веселья мальчика, понимая, какие того ждут проблемы дома.

- Не знаю, - Глеб смутился и опустил глаза.

Голос разума звучал с каждой секундой все громче. Парень тоже начинал осознавать, что совершил непростительный поступок. Дома будет пиздец, в лучшем случае, в худшем, отец из него всю душу вытрясет.

- Миш, мне надо позвонить, - выпалил подросток, стремительно бледнея, страх перебирал липкими лапками, ползая по позвоночнику.

- Родителям? - Миша сел на кровать и провел рукой по голове гостя, ероша его волосы.

- Да.

- Я уже позвонил, - парень скривился, вспоминая холодный тон Сладкова Алексея, не сулящий младшему сыну ничего хорошего.

- Спасибо, я тогда домой поеду, - Глеб стал выпутываться из большого одеяла, но вовремя понял, что полностью обнажен.

Мальчик замер, покрываясь густой краской. Он не знал, как попросить Мишу принести ему самую важную деталь гардероба, поэтому быстро вернулся на кровать и прикрылся одеялом. Мишу в очередной раз рассмешило смущение гостя. Но сам парень неосознанно наслаждался голой фигуркой подростка. Еще не до конца оформившаяся, не до конца развитая, но такая стройная, гибкая, вызывающая тепло в груди, которое медленным потоком стекало к низу живота, чтобы свернуться там в комок и ныть, вызывая возбуждение. Миша моргнул несколько раз и принес мальчику его вещи. Глеб начал быстро одеваться, повернувшись к другу Саши спиной. Его щеки горели и покрылись нежным румянцем.

- Глеб, а что значит эта надпись? - Миша не удержался и провел указательным пальцем по словам, выбитым на нежной коже спины.

Мальчик вздрогнул от его прикосновения, повернул голову и грустно улыбнулся.

- Это значит, что я принял очень важное для себя решение, - уклончиво ответил тот, не решаясь перевести надпись на латыне.

- Ясно.

Миша проводил Глеба в ванну и отправился на кухню, чтобы приготовить легкий завтрак. Глеб, смыв с себя остатки похмелья, вышел и решил пройтись по квартире. Спальню он уже видел. Кроме этой комнаты в квартире Михаила была еще одна, приспособленная под небольшой домашний спортзал. Стены этой комнаты были выкрашены в светлый серый тон, на полу серый ковер с коротким и жестким ворсом, беговая дорожка и еще какой-то тренажер, угловой диван с мутной зеленой обивкой, стол, большой телевизор на стене и офисное кресло. Глеб не нашел для себя ничего интересного, поэтому закрыл дверь и вернулся к Мише. Парень крутился

возле плиты. Кухня в квартире Михаила была соединена с гостиной, и места здесь было очень много. Миша не стал захламлять гостиную мебелью. В уютной просторной комнате стоял только квадратный стол в углу и телевизор перед белым диваном, на полу белый ковер, хоть какой-то родной островок. Глеб улыбнулся, ковер в его комнате, так же, как и этот, отличался белизной. Кухонная зона была отделена барной стойкой и черного дерева, наполированной до глянцевого блеска. За ней стояли три высоких барных стула, на один из которых, опустился Глеб.

- Миш, я только кофе выпью, - тихо произнес мальчик, укладывая все еще тяжелую голову на руки.

- Нет, Глеб, - Миша повернулся к нему, размахивая в воздухе лопаткой от сковороды, - поешь нормально, чувствую, что дома тебе будет не до завтрака, - грустно закончил он и тепло улыбнулся, чтобы подбодрить подростка.

Глеб только тихо вздохнул и спрятал лицо в ладонях. Он даже думать не хотел о том, что ждет его за порогом родной квартиры. Мальчик совершил непростительную вещь, не придя домой ночевать. Отец всегда держал их с братом в ежовых рукавицах, и появляться дома позже двенадцати до совершеннолетия строго настрого запрещалось. Глеб тихо вздохнул. Под шкворчание яичницы на сковородке, под возню Миши и под тихий звон посуды, его мысли медленно перетекали на объект его первой светлой любви, который стоял к нему спиной, плотно обтянутой коричневой футболкой. Мише вообще очень шел именно этот цвет. Только подумать, каким идиотом надо быть, чтобы первую ночь в обществе того, от чьего вида екает сердце и сбивается дыхание, провести в бессознательном состоянии?! Глеб тихо-тихо простонал, ругая себя, на чем свет стоит.

- Держи, - перед носом мальчика появилась тарелка с завтраком.

- Спасибо, - Глеб подвинул тарелку ближе, - Кетчуп есть? - спросил он, рассматривая необычайно яркие желтки.

Мальчик быстро получил желаемое и принялся за еду. Миша сидел напротив, рассматривая своего гостя. Глеб стал настоящим красавчиком. Яркие синие глаза сейчас выражали грусть и переживание, милое личико с мягкими чертами лица выражало тревогу. Глеб был задумчивый, а на его лбу залегла складка, которую очень хотелось разгладить, чтобы на белой гладкой коже не было ни единого изъяна. Яркая маленькая родинка над верхней губкой притягивала взгляд. Парень поймал себя на мысли что хочет слизать это пятнышко. Миша быстро опустил взгляд в свою тарелку, чтобы такие странные мысли покинули его голову.

- Миш, спасибо, тебе, - произнес Глеб, слегка улыбаясь.

- Пожалуйста, звони ели что, - парень широко улыбнулся, демонстрируя белые ровные зубы.

Тарелка Глеба постепенно пустела, а вместе с этим приближалось время, когда мальчик отправится восвояси. Миша сам себе с трудом признавался, что ему хочется, как можно

дольше оттянуть этот неприятный момент. Глеб уйдет, и в его квартире вновь станет пусто и одиноко. Сейчас же, когда мальчик сидит за его столом и ест, все кажется правильным. Мише комфортно, ему хочется еще больше насладиться обществом мальчика, его теплом, горящими от смущения щеками, его кроткими, робкими взглядами, которые он часто кидает на парня из-под пушистых ресниц. Мише даже нравились его разноцветные пряди, они вносили краски в образ Глеба, делали его ярче.

- Ты давно живешь один? – Глеб отодвинул пустую тарелку и сделал глоток уже слегка остывшего кофе.

- Когда родители переехали, я не согласился бросать здесь все, поэтому отец купил мне квартиру. С тех пор и живу, - Миша пожал плечами, - уже около двух лет где-то.

- Ясно, я бы тоже хотел жить один, - Глеб мечтательно закатил глаза, представляя, что в его доме не будет Саши, который постоянно донимает младшего брата, отца, которые вечно недоволен им. Родители приезжали бы только изредка. Как замечательно было бы! Но, но...такая возможность у Глеба появится еще не скоро.

- Одному жить не очень то и хорошо, - Миша скривился, выпуская тяжелый вздох.

- Почему? – Глеб искренне удивился такому мнению.

- Одиноко, никто тебя не ждет, приходишь в пустую квартиру, а здесь темно и холодно. Постель тоже постоянно холодная и тишина, она очень действует на нервы, Глеб.

- Ты можешь завести кота или собаку, да хоть змею! – мальчик даже привстал от негодования.

- С большим удовольствием я бы завел себе человека, - Миша хохотнул, прикрывая рот рукой.

- Пф! Разве это так сложно?!

- Сложнее, чем ты думаешь, - красивое лицо парня накрыла тень печали и тоски.

- Почему? – Глеб не понимал, как у такого красивого умного и доброго парня, как Миша, возникают проблемы со второй половинкой. Эх, был бы он более свободен, то непременно осмелился бы предложить свою кандидатуру на роль соседа по квартире и не только...

- Потому что мне не нужна тень, - Миша встал и оперся спиной о плиту, - я хочу чувствовать тепло и взаимность на свои чувства. Я устал от женщин, которые охочи только до денег моего отца, которые видят во мне не того, кто я есть, а только наследника миллионов крупного бизнеса. Глеб, меня тошнит ото лжи и лицемерия! - Михаил сам не заметил, как сорвался на крик, а его голос пропитался болью.

Глеб сжался на стуле, стараясь не стать объектом, на который Миша выплеснет свой гнев и свою боль. Он рад был бы помочь ему, хотел бы стереть все воспоминания и горечь с его сердца, но не мог.

- Может, ты не там ищешь, - робко произнес мальчик, когда Миша замолчал, грудь парня тяжело вздымалась, а воздух со свистом вылетал сквозь крепко сжатые зубы.

- Не там? А где мне искать, Глеб? Может, подскажешь...

- Перед своим носом, - буркнул мальчик, соскакивая со своего стула и направляясь в прихожую.

Сердце Глеба болезненно сжалось, глаза наполнились слезами. Ведь он мог легко дать Мише то, что он просит, то, чего тот жаждет. Он мог подарить именно это настоящее искреннее, горячее чувство, которое отогрело бы душу. Но разве сам Михаил посмотрит на него, как на человека, который мог бы раскрасить его жизнь яркими красками? Нет, безусловно, нет. Он, как и все, видит в мальчике только младшего брата своего друга. Несмышленого ребенка. И даже, признайся Глеб ему сейчас в своих чувствах, Миша бы просто рассмеялся ему в лицо. Поэтому Глеб решил, как можно, скорее уйти, спрятать то, что охватило его с ног до головы. Не показать эмоции, которые скручивают внутренности в тугой ком, который подкатывает к горлу, мешая дышать и говорить.

- Глеб, ты куда? - Миша взял себя в руки и вышел в коридор, мальчик уже стоял в одном ботинке.

- Домой, - только ответил тот, прячась за разноцветной челкой.

- Я тебя отвезу, - Миша никак не хотел расставаться с тем теплом, которое радужными волнами исходило от Глеба.

- Не стоит, - процедил Глеб, но быстро спохватился и добавил уже более мягким тоном, - Я и так очень сильно тебя побеспокоил, я доеду, еще раз спасибо.

Мальчик, наконец, разогнулся, одернул задрвшуюся рубашку и выскользнул за дверь, одарив растерянного парня, милой улыбкой.

Миша еще некоторое время постоял в коридоре с открытым ртом, так как не успел сказать и слова из того, что хотел, чтобы убедить Глеба не отказываться от его помощи. Ему показалось или мальчик чему-то очень сильно расстроился и разозлился? Что же он такого сказал, что так сильно обидел Глеба. Миша еще раз прокрутил в памяти свои слова, но ничего обидного для подростка не нашел. Пожал плечами и вернулся на кухню. Его кофе совсем уже остыл. Миша большими быстрыми глотками выпил чашку и поставил всю посуду в раковину. Что значили слова Глеба о том, что стоит искать перед своим носом? Парень имел в виду кого-то конкретного? Миша ни черта не понял из этой сцены. Но решил не заморачиваться и списал

все на подростковые гормоны. Через неделю начинается сессия. В этом году у него пять экзаменов. Работать необходимо много и упорно. Глеб быстро вылетел у него из головы. Только вечером, когда Миша ложился спать в свою холодную постель, она показалась ему намного уютнее, чем раньше, он притянул к себе подушку Глеба, и перебрался на ту сторону кровати, на которой спал мальчик.

Покинув квартиру Миши, Глеб еще больше раскалил свою злость. Он злился на слепоту парня, на рамки, которые даже не позволяли ему взглянуть в его сторону и рассмотреть его, как возможного возлюбленного. Глеб злился на глупость и невнимание. Дома подросток оказался через полчаса. Вошел в квартиру, громко хлопнув дверью и хотел, как можно быстрее оказаться в тишине своей комнаты. Но объяснение с родителями еще никто не отменял.

- Глеб, - из кухни вышла высокая стройная женщина, не смотря на то, что матери Глеба и Саши было слегка за сорок, выглядела женщина потрясающе, - зайди к отцу, - только и сказала она, вновь исчезнув в мире кастрюль и сковородок.

Глеб поморщился, отец был последним человеком, которого он хотел бы сейчас видеть. Мальчик боялся, что не сдержится и будет с ним спорить, его буря требовала выхода, не желая затихать сама собой.

Глеб поднялся на второй этаж двухуровневой квартиры и постучал в комнату, которая служила рабочим кабинетом отца.

- Можно? - мальчик заглянул в щель, не дождавшись ответа на свой стук.

Отец поднял на него глаза и скривился. Видимо, желание не видеть друг друга было обоюдным.

- Вон, - процедил он сквозь стиснутые зубы и Глеб с радостью исчез за дверью.

Теперь, наконец, он смог укрыться от всего мира, там, где его никто не потревожит. Никто. Кроме родного брата. Саша без стука вошел в святая святых мальчика и разлегся на его кровати. Глеб проводил его злым взглядом, но продолжил скидывать с себя грязную одежду.

- Что ты делал все ночь у Миши дома? - спросил Саша, когда мальчик, наконец, закончил свои дела и завис над ним, желая, чтобы брат убрался с его кровати.

- Спал, - четко ответил он и устроился в кресле, понимая, что брат не исчезнет по взмаху руки, как бы ему этого не хотелось.

- С Мишей? - брови старшего брата удивленно поползли вверх.

- Нет, у него в квартире, - Глеб начал беситься все сильнее, впиваясь пальцами в ручки кресла,

чтобы удержаться на месте, и не набросится на надоедливого родственника.

- М-м-м, - многозначно протянул Саша и сел на постели.

- Что ты хочешь? - устало спросил Глеб, сверля брата злым взглядом.

- Ничего, просто решил узнать, где мой маленький братец провел ночь...

- По-моему, ты и так был в курсе, где я ее провел.

- Знаешь, - Саша не обратил на слова младшего брата никакого внимания, - Миша никак не может найти девушку, ты вообще не знаешь, кто это такие. Ваши отношения выглядят в очень голубом цвете..., - Саша иногда мог быть очень проникательным, но Глеб ни за что бы не сознался брату в своих чувствах.

- Пошел на хер! - огрызнулся Глеб, за что в него прилетела синяя подушка.

- Уже иду, только ты смотри, не переступай через черту, малыш, - Саша поднялся, провел рукой по волосам брата и вышел из его комнаты.

Глеб вцепился руками в волосы и застонал. Неужели, это так видно, что даже Саша обратил внимание на интерес, который испытывает он к Мише. Не может этого быть...

Наказание Глеба не было слишком суровым. Отец просто запретил мальчику покидать дом, если на то нет необходимости. А ее не было. Миша не звонил, а проводить время с кем-то еще, у Глеба не было никакого желания, да и не с кем было это самое время проводить. Парень засел за учебу, просыпаясь с книгами в руках и засыпая тоже с ними. Время до экзаменов пролетело незаметно. Мальчик набрал достаточно баллов, чтобы поступить в тот институт, в котором отец хотел, чтобы он учился. Глеб отвез документы и со спокойной душой направился домой, чтобы и дальше отбывать свою повинность в четырех стенах.

Сегодня был первый день, когда на улице чувствовалось, что наступило лето. Дожди прекратились, небо избавилось от тяжелых занавесей, которые проливали на город множество дождей, и теперь сияло своей голубизной. Солнечные лучики играли в листве, заглядывали в окна, отражаясь от них и рисуя причудливые блики. Глеб вышел из здания института и медленно побрел по аллее в сторону метро. Его волосы блестели и переливались на солнце, а синие глаза были надежно спрятаны за стеклами черных очков. Коричневая прямоугольная кожаная сумка, перекинутая через плечо, била по бедру при каждом шаге, но не доставляла неудобств, дело привычки.

- Глеб! - мальчик обернулся в поисках того, кто выкрикнул его имя, но никого не увидел.

- Глеб! - его вновь окликнули.

Парень замер, озираясь по сторонам. Из небольшой группы студентов, чья сессия подошла к своему завершению, отделилась высокая фигура одного из парней и быстрыми широкими шагами направилась в сторону мальчика. Глеб присмотрелся и с радостью узнал в парне Мишу. Он улыбнулся и приветливо махнул рукой, давая понять, что узнал.

- Привет! Что ты здесь...., - они рассмеялись, потому что начали говорить одновременно и хором.

- Я сегодня сдал последний экзамен! - радостно произнес Миша, его карие глаза светились, а волосы немного растрепались от порывов ветра.

- Ты здесь учишься? - ошеломленно пролепетал Глеб, внутри разливалось сладкое чувство восторга, от того, что ему повезло, и он будет учиться с Мишей в одном институте.

- Да, - Миша согласно кивнул и пошатнулся, перекатываясь с пятки на носок и обратно.

- Я тоже буду учиться здесь! - объявил мальчик, не сдерживая улыбку.

- Замечательно!

Миша был рад увидеть Глеба. Он уже давно думал над тем, чтобы позвонить ему, но не решался. Боялся, что подросток его не так поймет и откажется встречаться, а Миша так истосковался по теплу. Он все еще часто вспоминал, как это, когда Глеб, словно солнышко, обволакивал его своим теплом и уютом.

- Ты сейчас занят?

- Нет, - Глеб отрицательно мотнул головой, ожидая, что парень скажет следом. Он ждал, что Миша позовет его прогуляться. И не разочаровался.

- Пошли, погуляем, - Михаил улыбнулся и поправил сумку, висящую на плече.

- Конечно, - Глеб с трудом сдержал громкий вопль ликования и остался стоять на месте.

Ему хотелось прыгать и кричать о том, что впереди его ждут несколько незабываемых часов в компании любимого человека.

- Я сейчас, - Миша быстрым шагом вернулся к группе людей, которые, вероятно, ждали его, перекинулся с ними парой фраз и бегом вернулся к мальчику.

Он тут же взял Глеба за руку, переплетая их пальцы. Как тогда, в их первую и единственную

пока прогулку. Глеб вздрогнул от этих настойчивых прикосновений, но быстро расслабился, наслаждаясь такой долгожданной близостью.

- Глеб, как тогда, не сильно досталось? – весело спросил Миша, уводя его все дальше от стен института.

- Да так..., - мальчик поморщился, вспоминая о том, что все еще не получил помилования.

- Понятно.

Они дошли до машины, расселись и вскоре влились в плотный поток других автомобилей. В этот раз Миша привез его на ВДНХ. Они бросили машину и растворились в плотной толпе гуляющих людей, которые так же наслаждались летним теплым днем. Глеб сидел на бортике одного из фонтанов, холодные брызги долетали до его спины, посылая по коже множество мурашек, но мальчику нравилось это чувство. Холодные капли остужали пожар, который горел внутри при взгляде на парня, который сегодня составил ему компанию. Миша что-то увлеченно рассказывал об институтских буднях, об экзаменах, которые он не так давно сдал, завершая этот учебный год. Глеб слушал его в пол уха, больше увлекшись бликами в его волосах, радостной улыбкой, то и дело возникающей на губах. Мальчик многое бы отдал, чтобы почувствовать их вкус. Понимал, что маловероятно, что это случится когда-нибудь, но ведь мечтать ему никто не запрещал. И сейчас его мечта становилась реальнее и красочнее, ведь Глеб находился рядом с объектом его запретных желаний.

- Глеб, - Миша помахал рукой перед глазами парня, отчего тот вздрогнул и вынырнул из своих грез, - Глеб, ты меня совсем не слушаешь..., - раздосадовано протянул тот и рывком поднял мальчика на ноги.

- Прости, задумался, - он виновато опустил голову, но надолго его сил не хватило.

Глеб вновь поднял голову, чтобы срисовывать в память каждую черточку любимого лица, которое он видел в каждом своем сне.

- Не прячься за стеклами, - Миша медленно снял солнцезащитные очки с глаз и одел их мальчику на голову, - У тебя такие красивые глаза, - эта фраза смутила обоих, заставив щеки немного покраснеть.

Глеб сделал шаг назад, задыхаясь от близости и попавшего в нос запаха туалетной воды. Это кружило голову, будило что-то яркое и еще неизведанное.

- Пойдем, я тебя покормлю, - заботливо произнес Миша, поглаживая большим пальцем руку мальчика, которая так и покоилась в его ладони.

Они нашли небольшое уютное кафе и с комфортом разместились за столиком. Сели рядом на

один диванчик, соприкасаясь между собой телами. Глеб прикрыл глаза, млея от такой близости. Сердце гулко стучало о грудную клетку, а все его существо требовало быть еще ближе.

Этот день Миша вновь подарил ему целиком. Возвращаясь, домой, мальчик не мог поверить в то, что идет рядом с этим парнем. Слишком нереальными казались последние прожитые несколько часов. Будто сбылась мечта. Радость и восторг смешивались с легкой грустью от того, что еще несколько минут и им придется расстаться. Дом Глеба уже возвышался махиной среди других домов. Вот подъезд, пискнула домофонная дверь, они оказались в душном полумраке. Глеб развернулся и посмотрел на Мишу. Парень молча стоял и смотрел на него горящими глазами. В них тоже плескалась легкая грусть, остальные эмоции, Глеб разгадать не мог, но и оторваться от Мишиных глаз не было сил. Глеб прижался спиной к холодной стене, все так же, не разрывая зрительного контакта. Он тонул, тонул в темном омуте, но ни за что на свете не принял бы сейчас помощь и не вцепился в спасательный круг. Лучше захлебнуться, сгинуть в его душе, чем потерять эту магическую связь. Глаза потихоньку начинали слезиться от того, что он боялся моргнуть, тело сковывало напряжение, тишина закладывала уши. Казалось, что они исчезли из реально мира, чтобы попасть в свой собственный, где нет никого, кроме них двоих. Кончики пальцев подрагивали, руки сводило от желания коснуться его лица, провести пальцем по бровям, погладить тонкую линию губ, а затем коснуться их своими. Глеб вновь уплывал туда, где есть только его мысли и желания. Но добраться до дна и полностью погрузиться в нереальность не позволило нежное прикосновение. Миша не смог и дальше противиться своей необходимости украсть у мальчика частичку теплого света, чтобы унести ее с собой и бережно хранить ее до следующей встречи. Он медленно наклонился и коснулся пухлых сладких губ. По телу тут же пробежала волна дрожи, разливаясь по всем частичкам и клеточкам. Но большего Миша себе не позволил, только легкое касание. Он быстро отстранился, всматриваясь в лицо Сашиного брата. Ему казалось, что Глеб сейчас с криком «извращенец!» быстро взбежит по ступенькам и исчезнет навсегда, лишая Мишу своего тепла. Но этого не произошло. Мальчик так и стоял, прислонившись спиной к стене, смотрел на него глубокими синими глазами, кажущимися еще более темными в полумраке подъезда. Глеб улыбался. Несмело, только уголками губ, таинственно и нежно, словно произошло то, чего он заветно и долго ждал.

- Глеб, - тихо произнес Миша, ожидая более бурной реакции на свои действия.

- Мне пора, - мальчик осторожно провел рукой по его груди и ушел.

Ни единого слова в укор, ни криков, ни обидных, злых слов. Только нежность и спокойствие, которые теперь улеглись в груди Миши и наполнили того теплой пеленой.

Глава 5.

Миша вышел из подъезда и впервые за долгое время чувствовал спокойствие в душе. Только позже, когда он уже оказался у себя дома, в голове стали появляться мысли о том, что он поцеловал парня. Даже не просто парня, а брата своего лучшего друга, мальчика, которого он сам долгое время воспринимал, как младшего братишку. Именно этот радужный мальчик подарил ему то, что не могла дать ни одна девушка. Такие думы смутили Мишу, он растерялся, совершенно не представляя, что ему делать дальше. Реакция Глеба на прикосновение его губ была спокойной, что дает надежду на то, что парень не оттолкнет его, если Миша решится на

что-то большее. Но решиться ли он? Как переступить через грани морали и воспитания? Как решиться совратить, по сути, еще совсем ребенка? Миша тихонько простонал. Он никак не мог разобраться сам в себе. Ему хотелось этого тепла, он хотел постоянно купаться в нем, обрести спокойствие рядом с Глебом, но захочет ли сам Глеб так менять свою жизнь? Это будет означать крах для них обоих. Им придется постоянно скрывать отношения, никто не примет их взглядов, общество осудит, а что будет, если об этом узнают родители, даже представить себе страшно.

Миша долго метался по квартире, сгорая в своих желаниях и противоречиях, но так и не пришел к окончательному решению. Измотавшись, парень опустился на диван, под руку попался телефон. Миша быстро провел пальцем по сенсорному экрану, снимая блокировку, зашел в фотоальбом. С нескольких последних фотографий на него смотрел улыбающийся Глеб. Даже на фото его улыбка выглядела живой и успокаивала, Миша улыбнулся изображению мальчика. Он все же решил не предпринимать никаких действий, которые означали бы что-то большее, нежели дружба между ними. Пусть так, так у него есть возможность видеться с ним, проводить время, согреваться в его компании.

Глеб же был совершенно иного мнения. Этот робкий, несмелый поцелуй, что Миша подарил ему в подъезде, вселил в мальчика надежду на то, что между ними сможет появиться что-то большее. Мальчик был уверен, что рано или поздно Миша почувствует то, что переполняет сердце Глеба, и очень может быть ответит ему взаимностью. Иначе, зачем он его сегодня поцеловал? Губы до сих пор хранили тепло других губ. Мальчик весь оставшийся вечер осторожно прикасался к ним, вновь и вновь представляя, что Миша целует его. А когда он оказался в своей постели, мечты снова захватили сознание мальчика, позволяя мечтать о большем, таком сладком и невероятно приятном.

Утром все мысли Глеба были направлены на то, чтобы вновь встретится с Мишей. Отец все же снял с него домашний арест, он был рад, что сын последовал его желанию и поступил именно туда, где родитель желал его видеть. Мальчик сидел в своей комнате, сжимая в руках синюю подушку, то и дело, прихватывая ее кончик зубами. Рядом лежал телефон, но позвонить Мише у него никак не хватало смелости. Что он ему скажет, когда услышит в трубке «алло», произнесенное любимым голосом? Глеб не знал ответа на этот вопрос. Предложить встретиться он боялся. Боялся, что у Миши есть свои дела, и он откажет. После этого Глеб никогда не сможет набрать заветный номер. Он еще долго так сидел, гипнотизируя одну точку на стене взглядом невероятно синих глаз, пока в его черноволосую голову не пришла одна мысль. Он совершенно не был уверен в том, что ему удастся это осуществить, но все же сорвался с кровати и быстро спустился вниз. Дома никого не было, кроме брата, который сдал сессию и теперь занимался законным ничегонеделанием.

- Саш! - Глеб с громким криком опустился на пол рядом с диваном, на котором дремал брат.

Парень вздрогнул от неожиданности, распахнул глаза и сел, со злостью уставившись на мальчика, что позволил себе его потревожить.

- Чего тебе? - недовольно буркнул он, складывая руки на груди.

- Саш, возьми меня вечером с собой! - взмолился Глеб.

- Нет, - коротко и ясно, но мальчика это не остановило, он знал, как можно дожать несговорчивого брата.

Саша по-своему любил его, не смотря на все ссоры, издевательства и разногласия. Глеб закусил нижнюю губу и позволил жгучей обиде затопить его душу, в глазах моментально появились слезы.

- Саш, - шепотом сказал он и всхлипнул, - Саш, ну, пожалуйста, ты же знаешь, что у меня нет друзей, а я устал сидеть дома, хочу на свежий воздух, - тараторил он, прерываясь лишь на всхлипы.

- Я же сказал, нет, - но в голосе брата уже не было столько уверенности.

- Ну, Саша! - мальчик добавил еще больше трагичности, срываясь на слезы, - Ну прошу тебя, пожалуйста, - Глеб взял брата за руку, - Я все сделаю, пожалуйста!

- Ну, ладно, ладно! Только не реви! - Саша вырвал руку и взъерошил ей разноцветные пряди.

Глеб прекрасно знал, что брат не выносит его слез, раньше он плакал только тогда, когда Саша его, действительно, сильно обижал, но когда понял, какую реакцию вызывают прозрачные соленые капельки, бегущие по белым щекам, начал изредка пользоваться этим. Вот и сейчас мальчик спрятал радостную улыбку, низко наклонив голову, пока Саша гладил его по волосам.

Уехать из дома рано у братьев не получилось, Сашу задержал отец, Глебу же ничего не осталось, как смиренно дожидаться его. Когда взбешенный брат слетел вниз, мальчик быстро поднялся, обулся и вышел вслед за Сашей из квартиры.

- Он, словно чувствует, когда у меня есть какие-то дела! - рычал Саша, бросая машину из стороны в сторону, Глеб крепко держался за ручку в двери и со страхом взирал на дорогу.

- А у тебя есть дела? - мальчику совершенно не хотелось таскаться за братом по его делам, ему хотелось увидеть Мишу, не более.

- Да, сегодня у Веры день рожденья, нужно купить ей подарок, - уже спокойнее сказал он.

- А-а-а, - протянул мальчик.

Они припарковались возле небольшого торгового центра, Саша вышел из машины и стремительно поднялся по ступенькам, Глеб смог нагнать его только внутри. Он едва заметил спину брата среди многочисленной толпы гуляющих и делающих покупки людей.

- Саш, а что ты собираешься покупать, - спросил он, цепляясь за локоть брата, чтобы больше не упустить его из виду. Мальчик боялся потеряться.

- Не знаю, - бросил тот и повертел головой по сторонам, - Хотя, нет, есть у меня одна мысль! - Саша сорвался с места, волоча за собой и младшего брата.

Люди шарахались в сторону с их пути. Глеб мысленно молился, чтобы не столкнуться с кем-нибудь, ему казалось, что брат абсолютно не смотрит, куда идет. У него в голове своя цель, сверкающая красным маячком, окружающих он просто не замечает. В итоге Саша притащил его в кукольный магазин. Глеб поморщился, Вера не маленькая девочка, чтобы приходить в восторг от кукол. Но когда стал осматриваться внимательнее, то заметил, что куклы здесь не простые, которыми любят играть малышки. Здесь было царство разных леди, выглядевших словно живые. Хрупкие, изящные, в красивых ярких нарядах, они стали бы украшением комнаты любой женщины. Глеб с удовольствием стал всматриваться в их красивые лица, голубые, зеленые, фиолетовые глаза, безумно красивые платья, на шеях многих из них виднелись украшения, сделанные из настоящих камней. Саша тоже пристально изучал изумительный ассортимент магазина.

- Девушка, а можно посмотреть эту, - он указал пальцем куда-то за голову продавщицы, - пожалуйста.

- Да, конечно, - она подала брату белокурую красавицу.

Глеб заглянул через плечо брата. Саша держал в руках хрупкую куклолку в длинном обтягивающем красном платье, ее локоны струились по спине, закручиваясь внизу крупными кольцами. Лицо было белым, с большими голубыми глазами.

- Она очаровательна, - шепнул Глеб.

- Считаешь? - Саша слегка повернул к нему голову.

- Да.

- Мы ее берем, - Саша протянул куклу обратно девушке.

Они подъехали к небольшому круглому зданию, уютно разместившемуся среди многоэтажных домов. Саша с трудом нашел место, где можно оставить машину, взял красиво упакованный подарок и направился к дверям. Распахнул одну створку, пропуска я Глеба вперед. Внутри здания прятался уютный небольшой ресторанчик, который был снят на сегодняшний вечер. Полумрак внутри рассеивали большие шары хрустальных люстр, зал был украшен живыми цветами. Лилии, розы, калы, орхидеи переплетались в чудесных композициях, источая нежные ароматы. Запахи цветов перебивали даже сигаретный дым, который клубился под потолком, словно туман. Глеб сделал несколько шагов вперед. В основном зале гуляла большая компания. Парни и девушки сидели за большим круглым столом в самом центре зала, они

пили, ели, шумно переговаривались, смеялись. Глеб увидел Веру, блистающую в своей радости. Девушка была прекрасна, как и кукла, что была куплена ей в подарок. На сцене пела хрупкая миниатюрная девушка с длинными черными волосами. Ее голос ласковой рекой тек по залу, услаждая слух людей, отмечающих Верин праздник. Глеб жадно искал Мишу среди Сашиных друзей, но его не было. Печаль уже успела захватить сердце, когда его обхватили поперек живота и потащили из дверного проема, в котором он застыл. Глеб видел, как Саша преподнес имениннице подарок, как радостно загорелись ее глаза, когда она заглянула в руки красную коробку, перетянутую широкой серебристой лентой. Но брат больше не обращал на него внимания, поэтому не заметил, что Глеб так и не вошел в праздничный зал.

- Привет, малыш! - его резко развернули и прижали к стене в каком-то укромном закутке, скрытом от посторонних глаз.

Глеб поднял голову, и его радостное приветствие тут же заглушилось поцелуем. В это раз Миша не осторожничал, он сразу же сделал поцелуй горячим и глубоким, проскальзывая в рот мальчика языком. Парень словно пил тепло, исходящее от мальчика, присосался, как вампир, не в силах оторваться от сладких губ. Глеб сначала замер, но когда до его сознания дошло, что сейчас происходит и кто прижимает его сильным телом к стене, начал неистово отвечать на поцелуй. От Миши пахло алкоголем, что еще больше дурманило голову, ноги подгибались от жара, прокатывающегося по всему телу. Глеб простонал в губы любимого человека, дрожа и цепляясь за Мишины плечи. Парень тоже не хотел выпускать изящную фигуру из своих рук, он еще сильнее прижал Глеба к стене, с упоением исследуя его жаркий рот, заигрывая с юрким язычком, задрал рубашку и провел ладонью по плоскому животу, срывая еще один стон.

- М-м-м, - Миша отстранился от губ Глеба и спустился к тонкой шее.

Кожа мальчика была нежной, гладкой, и пахла цитрусом. Под руками Миша чувствовал, как напрягаются мышцы живота, спины, пальцами пробегался по ребрам Глеба. Мише безумно хотелось снять с мальчика мешающуюся рубашку, но еще был не настолько пьян, чтобы не помнить, где они находятся. Глеб вернулся в реальность, только когда Мишина рука накрыла оттопырившуюся ширинку его брюк. Мальчик вздрогнул и уперся руками в плечи парня.

- Миш, Миш, - шепотом позвал он, - Миш, хватит.

Парень поднял на него затуманенный взор. Жадно улыбнулся и снова припал к губам. Глеб отвернулся, и губы парня коснулись щеки. Миша обиделся и отстранился, выпуская его из своих рук.

- Миш, ты пьян, - хриплым голосом сообщил Глеб.

- И что? - Миша изогнул бровь, косясь на мальчика.

- Не надо так, - Глеб старался объяснить Мише, что его блажь очень задевает, потому что Миша пьян, но не знал какие подобрать слова.

- А как надо? - Миша снова навис над ним, облизывая губы, - Как ты хочешь, малыш?

- Когда ты будешь трезвым! - бросил Глеб оттолкнул парня и стремительно направился в зал.

Но перед тем, как присоединиться к гостям, мальчик решил зайти в туалет. Это решение было правильным. Одежда Глеба была в беспорядке, волосы растрепаны, глаза горели, а губы припухли от поцелуев, в основании шеи расцветали яркие красные пятна. Миша оставил на нем засосы! Глеб резко наклонился еще ближе к зеркалу, вытаращив глаза, и принялся обводить пальцем небольшие пятнышки. Внутри все бурлило от эмоций. Радость от того, что Миша накинулся на него с поцелуями и злость от того, что Миша изрядно подвыпивший. Сомнения... Сделал бы парень такой шаг, будь он трезв? Но все же восторг от Мишиных действий был куда больше, чем остальные чувства. Глеб улыбнулся своему отражению, подмигнул, привел себя в порядок, поднял воротник рубашки, пряча засосы, и отправился в зал.

Вера с радостью приняла его скомканные поздравления, легко чмокнула в щечку, потом взяла лицо в руки и коснулась губ. Глеб залился краской, от поцелуя девушки он не почувствовал ничего, кроме смущения. Сердце мальчика екнуло только на возглас Миши, чтобы она не совращала маленьких мальчиков. Казалось бы, шуточное замечание, но оно насквозь было пропитано злостью. И ревностью? Глеб удивленно посмотрел на него. Перед глазами вспыхнула картина того, как жарко Миша целовал его, как его теплые ладони гладили голый живот. Глеб покраснел еще больше и быстро ретировался на свое место рядом с Сашей.

Больше попыток утешить мальчика в темный уголок Миша не предпринимал, а Глеб мрачнел все больше и больше с каждой минутой, коря себя за то, что оттолкнул и не смог объяснить причину. Глебу казалось, что он обидел парня и теперь он больше никогда не подойдет к нему.

Домой братья вернулись далеко за полночь, Глеб сразу же отправился спать, надеясь, что Миша все же не сильно огорчился его отказу. Он сильно переживал, корил себя, злился, сжимая в кулаках одеяло. И только под утро, когда черное небо начало светлеть, а яркие звезды гаснуть, превращаясь в маленькие белесые точки, Глеба сморил беспокойный сон.

В этот момент, когда Глеб во сне крутился в кровати в поисках тепла и опоры, Миша распахнул глаза, резко садясь на своей постели. В эту ночь ему снился восхитительный сон. Ему снился Глеб, которого он всем телом прижимал к стене, целовал и ласкал, впитывая его тепло, его солнечный свет. Миша отчетливо слышал стоны мальчика, чувствовал его горячие дыхание, во рту разливался привкус его кожи, а нос щекотал запах цитруса. По телу парня прокатилась волна жара, вызывая возбуждение, а руки словно помнили гладкость кожи, упругость молодых мышц.

- Все слишком реально, - прошептал парень в полумраке комнаты.

Миша встал и побрел в душ, легкий звон в голове говорил о том, что парень вчера перебрал с алкоголем. Прохладная вода смыла остатки мутного дурмана, и Миша понял одну простую вещь. То, что он принял за сладкий сон, было не менее сладкой реальностью. Он,

действительно, вчера страстно целовал Глеба, с силой впиваясь в мягкие податливые губы. Парень со стоном схватился за голову. Что он наделал? Как позволил самым сокровенным и тайным желаниям выбраться из-под жесткого контроля? Сколько же, он выпил, что сорвался? Набросился на мальчика, как дикий зверь, напугав того. Ведь Глеб оттолкнул его. Обида кольнула сердце острой и тонкой иголочкой, но Миша понимал, что Глеб поступил правильно. Что могло бы случиться, если бы мальчик не запротивился, даже представить страшно.

Когда часы показали десять утра парень больше не смог ждать, совесть грызла тупыми зубами, впиваясь в душу и отхватывая от нее кусок за куском. Миша взял телефон и набрал номер Глеба.

- Да? - раздалось в трубке хриплым со сна голосом.

- Глеб, привет, мы можем встретиться? - сердце замерло в груди, ожидая злой отказ.

- Да, конечно, Миш, когда? - в трубке послышалось шуршание, потом звук льющейся воды.

- Давай через час у Атриума снова, успеешь?

- Да, конечно.

Миша приехал за пятнадцать минут до назначенного времени. Он напряженно всматривался в толпу, высматривая фигурку мальчика. В голове проносились слова извинения, он хорошо продумал, что и как скажет Глебу. Только от того, что он вынужден сказать и сделать в душе вновь становилось холодно, Мишу медленно поглощала пустота. Парень гнал от себя эти мысли, заверяя в том, что у него будет немного времени, чтобы впитать в себя еще немножечко тепла Глеба.

Вскоре он увидел мальчика, смущенно опустившего голову и избегающего смотреть на него, хотя Миша был уверен в том, что Глеб заметил его.

- Привет, - шепнул мальчик, подходя к нему вплотную.

Мише показалось, что Глеб ждет его поцелуя, но все же сделал шаг назад, чтобы не поддаваться видимости того, чего нет.

- Привет, - Миша улыбнулся.

Глеб молча смотрел на него, мальчик ждал чего-то, хмурился, кусал губки, но молчал.

- Глеб, - с тяжелым вздохом начал Миша, - То, что произошло вчера..., - Глеб вскинулся, впиваясь взглядом в его глаза, - Послушай, я..., я очень виноват перед тобой. Извини! -

выпалил Миша и зажмурил глаза, чтобы не видеть осуждения в синих омутах.

- Миш, все нормально, - тихо произнес мальчик, его щеки горели ярким румянцем, рука непроизвольно одернула высокий ворот футболки.

В этот момент Миша просмотрел на него и наткнулся взглядом на красно-фиолетовые пятна. Его моментально бросило в пот. Неужели, это он оставил на шее Глеба такие отметины?!

- Прости, - еще раз произнес он и коснулся пальцем одного пятнышка.

Глеб дернулся, отступая на несколько маленьких шагов.

- Все нормально, - повторил он и осторожно улыбнулся.

- Глеб, нам наверно лучше не общаться так тесно, - наконец, произнес Миша последнюю заготовленную фразу, которая душила и стояла комом в горле, но он обязан был это сказать, незачем портить мальчику жизнь.

- Считаешь? - спросил Глеб дрогнувшим голосом.

- Да.

Миша смотрел вверх черноволосой головы, чтобы не видеть этого красивого лица, не вспоминать, как покусывал вчера эти яркие, манящие губы. Люди сновали вокруг них, обходили, ругались, что они встали на самом проходе, но ни мальчик, ни парень не обращали ровным счетом никакого внимания на окружающий мир. Они оба погрузились в свои тяжелые мысли. Молчание давило, вроде все уже было сказано, но никто из них так и не отвернулся, чтобы уйти. Миша не выдержал и все же посмотрел на Глеба. Его нижняя полная губка подозрительно дрожала, щеки надуты, но глаза сухие.

- Глеб, - тихо позвал Миша.

Мальчик моргнул и посмотрел ему в глаза. Столько боли и отчаяния Миша не видел даже в своем отражении, после того, как его девушка ушла. Парень хотел обнять, прижать к себе, сказать, чтобы Глеб забыл все, что он только что наговорил, сказать, что они будут вместе каждую секунду, только чтобы эти ужасные чувства не разбавляли больше сказочную синеву, но Глеб развернулся и молча ушел. Плечи мальчика поникли, он быстрым шагом шел в сторону метро. Ждал, что Миша окликнет его, догонит, но ничего этого не произошло. Мальчик спускался в прохладу подземки, когда по щекам скатились соленые слезинки. Он шел, сквозь пелену, ловил на себе сочувствующие взгляды прохожих, но Миша этого не видел, он ехал домой, до боли, в побелевших пальцах сжимая руль и кусая губы в кровь, чтобы заглушить черную дыру, разрастающуюся в груди с космической скоростью.

Глава 6.

С того дня Глеб с Мишей стойко соблюдали нейтралитет, стараясь не попадаться друг другу на глаза. Миша, уверенный в своей правоте, совершенно не хотел портить Глебу жизнь и стойко боролся со своими душевными потребностями и нуждами в тепле мальчика, в его обществе, в его улыбке, в его глазах. Глеб же закрылся ото всех, отгородился неприступной стеной, ему стало наплевать на весь мир. Он переживал смерть своей надежды, той, чей вкус он только-только распробовал, почувствовал на губах, вместе с прикосновением Мишиных губ. Мальчик мрачнел с каждым днем все больше и больше, даже старший брат никак не мог расшевелить его, на все подколы и Сашины попытки вывести его из себя, Глеб отвечал холодным равнодушием и тяжелым взглядом.

- Саш, что происходит с твоим братом? - Сладков старший всегда пристально следил за жизнью своих сыновей и состояние, в котором уже не первую неделю пребывал Глеб, вызывало у него тревогу.

Кроме того, мальчик не шел на контакт, на все вопросы о том, что с ним произошло, отвечал холодным «ничего» и ни едим слово более.

- Сам бы хотел знать, - задумчиво протянул парень, разглядывая узорчатый потолок в кабинете отца.

Саша встал и подошел к окну, за ним быстрыми ручьями текли плотные потоки автомобилей по темно-серому шоссе, поток холодного воздуха от мощного кондиционера заставил передернуть плечами и сделать несколько шагов вбок. Он сам уже довольно давно хотел знать, что происходит с братишкой, но тот не подпускал его к себе ближе, чем на пушечный выстрел, что и не удивительно, доверительных отношений между братьями не было никогда. Саша очень жалел сейчас о том, что спохватился так поздно, что понял как важно взаимопонимание между ними, когда Глеб скрылся в глубокой пещере от всего мира и его не выманить никакими уговорами или обещаниями. Парень тяжело вздохнул и вернулся в кресло напротив отца. Алексей читал бумаги, которые лежали перед ним на столе, но по далекому выражению глаз было понятно, что ни единого слова не достигает его сознания, все мысли крутились вокруг младшего сына.

- Саш, может, он влюбился? - предположил отец, слегка изгибая правую бровь.

- Пап, честно, я тоже думал над этим, - Саша закинул ногу на ногу и сложил руки на груди, - но у него друзей-то нет, он иногда умолял взять его с собой...

- А ты? - Алексей откинулся на спинку своего кресла и внимательно смотрел на старшего сына.

- А что я? - Саша вскинул взгляд, словно ожидая осуждения отца за любой ответ, и приготовился защищаться, - Я брал его пару раз с собой, да и только. Не думаю, что он успел бы влюбиться в кого-то из девушек нашей компании, - парень пожал плечами, прокручивая в голове воспоминания тех вечеров, что Глеб таскался за ним, но ничего так и не зацепило его внимания.

- Говорил с ним?

- Пытался, - Саша поморщился, вспоминая брата, который сделал вид, что является не чем иным, как еще одной подушкой на кровати и нагло игнорировал каждое слово, - Пап, а что с институтом, он же поступил?

- Конечно, его балов вполне хватит на то, чтобы учиться в любом месте, - махнул рукой отец.

- Но он же, как то упоминал, что хочет изучать археологию...

- В серьез в это веришь? - настала очередь Сладкова старшего презрительно кривиться.

Саша только пожал плечами, поднялся, понимая, что разговор себя исчерпал и направился к выходу из кабинета.

- Саш! - окликнул его отец, когда парень уже потянулся к круглой дверной ручке из черного металла.

- М-м-м? - он обернулся и замер на месте.

- Саш, ты же на выходные собирался на дачу с друзьями, - вспомнил Алексей.

- Собираюсь, - парень кивнул.

- Прошу тебя, возьми его с собой. Там так хорошо сейчас, может, он хоть немного придет в себя.

- Хорошо, - без препираний согласился он и вышел за дверь.

Отчего-то старший брат винил себя в депрессии Глеба. Он чувствовал, что что-то не доглядел, где-то не досмотрел и, вообще, допустил множество ошибок в их отношениях. Глеб уже не маленький мальчик, капризно дующий губки, когда ему не дают конфетку. Он взрослеет, растут и его проблемы. То, что с ним происходит сейчас, пугает. Глеб всегда был странным мальчиком, обитал лишь в каком-то своем собственном мире, изредка выныривая на поверхность и осматриваясь в существующей реальности. Саша очень боялся, что с братом произошло что-то из ряда вон, он даже предполагал, что мальчика могли изнасиловать, но не знал, как спросить об этом. Парень надеялся, что Глеб не предпримет ничего страшного, но все же хотел выдернуть брата из этого унылого состояния, как можно скорее.

- Глеб, можно войти? - Саша осторожно заглянул в комнату к мальчику.

- Когда тебя интересовало мое разрешение? - презрительно спросил он.

Саша вошел внутрь и утонул в полумраке комнаты. Жалюзи были практически полностью опущены, не пропуская дневного света. Отсвет шел только от плоского монитора компьютера, весело мерцающего красивой заставкой.

Глеб сидел посередине кровати спиной к вошедшему, и чиркал большими ножницами с красной ручкой, слышался шорох бумаги. Саша заглянул через его плечо. Перед мальчиком лежала целая куча нарезанных бумажных полосок, белые, со следами серого карандаша и с цветными росчерками.

- Что ты делаешь? - спросил Саша шепотом, чтобы не напугать брата, но Глеб все равно вздрогнул.

- Что ты хочешь? - вместо ответа спросил он.

- Позвать тебя на дачу, через два дня уезжаем.

Глеб медленно обернулся, не веря своим ушам. Неужели, Саша сам звал его куда-то? Но брат не шутил, он смотрел вполне серьезно и с нетерпением ждал ответа. Глеб хотел отказаться, но устал сидеть в четырех стенах. В конце концов, что мешает ему страдать на природе?

- Хорошо, - он слабо кивнул, а Саша тепло улыбнулся ему, потрепал по волосам и вышел из комнаты.

В тот момент Глеб не думал о том, что может столкнуться с Мишей, он старался гнать мысли о нем прочь, потому что не мог выносить их в своей голове, устал захлебываться в боли и давиться слезами по ночам. Зато сейчас, когда дачный участок приближался с каждым километром, что таял под колесами дорого внедорожника, мальчик понял, что может увидеть его. Сердце зашло в радостной истоме, одновременно набирая скорость и разгоняя по телу тупую боль, которая терзает мальчика с их последней встречи.

- Саш, а Миша будет? - тихо спросил он, но брат услышал и перевел на него непонимающий взгляд, на мгновение, отвлекаясь от ленты дороги.

- Обещал постараться, так что, может, приедет, а что?

- Да, так..., - туманно ответил Глеб и отвернулся к окну, пряча выражение своих синих глаз.

В голове Саши зашевелились кое-какие подозрения, но внезапно у впередиидущего автомобиля загорелись «стопы», и пришлось вернуть свое внимание на дорогу. Мысли едва задевающие мозг своими дымчатыми пальцами в момент испарились.

Братья приехали на дачу, когда все вокруг уже утонуло в темноте ночи. Здесь она действительно была темная и непроглядная. Дача, а точнее небольшая усадьба Сладковых находилась на небольшом удалении от деревни, по соседству стояли другие не менее шикарные дома, но в них никто не жил постоянно, хозяева навещали только для того, чтобы отдохнуть, а деревенские с радостью присматривали за хозяйством богатых москвичей, зарабатывая неплохие деньги. Машину ощутимо трясло на разбитой, ухабистой, деревенской дороге, но подвеска скрадывала неудобства, и Глеб ощущал только легкое покачивание, словно он оказался в деревянной лодке на волнах не совсем спокойного моря.

Саша заехал во двор, подогнав машину вплотную к дому, железные ворота закрылись с громким лязгом. Дворик освещался невысокими, по пояс человеку, фонарями-бочонками. Они тянулись вдоль всех аллеек на толстеньких черных ножках-столбах, на вершинах которых крепился бочонок из матового мутного стекла, с яркой лампочкой внутри. Все дорожки, пересекающие зеленую молодую газонную траву, были выложены исключительно плиткой из натурального камня. Тихие шаги двух пар ног, щелчок замка и в двухэтажном деревянном доме в старом стиле, вспыхнул яркий свет. Глеб поморщился, зажмурил на мгновение глаза, потом распахнул их вновь, и отправился напрямиком на второй этаж, в свою комнату.

- Глеб! - Саша заглянул в комнату к мальчику, но в ночной темноте, на узкой кровати, освещаемая только серебристым светом луны, лежала спящая фигура мальчика.

Парень закрыл дверь и спустился вниз. Видимо, ему придется самостоятельно готовиться к завтрашнему прибытию гостей. Саша обреченно вздохнул и поплелся к багажнику машины, чтобы вытащить все вещи. Когда парень перетаскал в дом ведра с мясом, ящики с пивом и вином, пакеты с остальными продуктами и выпил чашку ароматного черного бархатного чая, часы над плитой показывали около трех часов ночи. Саша еще раз заглянул в комнату брата, убедился, что малой на месте и тоже отправился спать.

Утро началось с громкого и настойчивого автомобильного сигнала, Саша выругался и неохотно открыл глаза, комнату заливало яркое солнце, за окном слышалось пение птиц, шорох листьев на ветру и пресловутый «пип», «пип», «пип». Саша встал и подошел к окну, Глеб уже вышел во двор и открыл ворота с дистанционного пульта. Во двор медленно въехал тяжелый ярко-оранжевый пикап. Саша усмехнулся. Машина Кирилла ему не нравилась, сам парень был все же приверженцем классики.

- О, смотрите! - Крикнул Алексей, выскакивая из высокого монстра, - Сашка опять малыша притащил, - Глеб даже бровью не повел.

Саша быстро спустился, не хотелось оставлять младшего брата с этими придурками.

- Привет! - Саша махнул рукой, зевая и потягиваясь.

Глеб мазнул по нему безразличным взглядом и исчез в доме. За пикапом пристроился еще один внедорожник. Отлично, подумал Саша и нажал на кнопку, чтобы ворота закрылись вновь. Теперь все в сборе. Из-за руля второй машины вышел Дима, стильный и модный, как всегда.

Даже на даче, среди своих друзей он не мог позволить себе какой-то небрежности в одежде. Саша улыбнулся друзьям и решил, что ему тоже не помешает что-нибудь одеть, щеголять голым торсом отчего-то стало стеснительно.

- Привет, - по телу прокатилась нервная дрожь от звука низкого голоса, пробирающегося под кожу.

- Мальчики! Ура! Природа зовет! - на кухню влетела веселая Вера.

Девушка была весела и прекрасна, в обтягивающих шортиках и белой короткой футболке, с забранными в высокий хвост волосами.

- Вы есть хотите? - спросил Саша, пытаясь выглядеть гостеприимным хозяином.

- Не-а! Давай пивас! - на кухне появился Алекс.

Когда Глеб убедился, что среди прибывших Сашиних друзей нет Миши, то мальчик решил спрятаться от всеобщего веселья и не путаться под ногами, поэтому он оделся и выскользнул за забор усадьбы. Глеб держал путь в деревню. Еще утреннее солнце весьма ощутимо припекало черноволосую голову, глаза прятались за стеклами солнечных очков, но Глеб все равно не поднимал взор к нему, смотря себе под ноги. Дорожная пыль хорошо утоптана, только изредка проезжающие автомобили дачников поднимали в воздух ее клубы. Странно, что здесь все еще не положили асфальт, подумал мальчик, сплевывая песок изо рта. Глеб прошел несколько улиц, заглядывая за заборы и наблюдая, как люди работают на огородах, низко нагибаясь к земле, которая кормит их. Иногда его облаивали собаки, сидящие на цепи, по дорожкам с важным видом расхаживали гуси, громко переругиваясь. Этих птиц Глеб старался обходить стороной, в детстве он подвергся их нападению и теперь предпочитал видеть пернатых этого вида исключительно на столе в запеченном виде. Еще насколько домов, и он добрался до самого последнего, из белого кирпича с голубой крышей. Глеб вошел в синюю калитку с облупившейся краской. Прошел по плиточной дорожке, из разломов которой пробивалась трава, обогнул домик, который почему-то казался мальчику игрушечным, и замер в начале огорода.

- Дарья, здравствуйте! - громко крикнул мальчик.

Женщина, занятая подвязкой молодых огурчиков, резко обернулась, и ее простое лицо озарила радостная улыбка.

- А-а-а, Глебушка! - встряхнула она руками и быстрым размашистым шагом направилась к мальчику, - Рада тебя видеть, дорогой! - она порывисто обняла мальчика и отступила на пару шагов, - Ты очень вырос, - цокнула она языком.

- Как у вас дела? - смущенно спросил мальчик, не ожидая от женщины такого теплого приема.

Дарья держала несколько коров, чье молоко было безумно вкусным и Сладковы, когда приезжали на отдых от крупного мегаполиса, всегда покупали по несколько литров за раз. Женщине было немногим за сорок, но выглядела она старше, сказывалась одинокая жизнь в деревне. Дети выросли и уехали в город, только изредка навещая мать, а муж Дарьи умер несколько лет назад. Сгубила сильного мужчину водка. Но Дарья недолго переживала, от мужа помощи уже давно не было никакой, только мучения с ним и страдания.

- Все потихоньку, - улыбнулась она, - Ты за молочком пришел?

- Да, - Глеб кивнул.

- Пойдем, налью с утреннего удоя, - она скинула резиновые ботинки и одела босоножки, одиноко стоящие на плиточной дорожке.

Глеб зашел за ней в прохладный дом, где на деревянном полу, лежал полосатый вязанный коврик. Мальчик замер при входе, ожидая, пока женщина вынесет бутылки с молоком.

- Вот, держи, - она протянула Глебу полиэтиленовый пакет с двумя полторалитровыми бутылками.

Глеб протянул ей денежную бумажку номиналом в тысячу рублей, попрощался и ушел. Он отнес молоко в дом, убрал в холодильник, с трудом отыскав место среди бутылок с пивом и другим алкоголем. С заднего двора слышался смех, шум, громкие разговоры, из колонок оранжевого пикапа лилась ненавязчивая музыка, в воздухе витал запах костра. Скоро будут шашлыки.

- О, малой! - в кухне появился Кирилл, - Пошли с нами, там весело, - он обнял Глеба одной рукой за плечи и потащил к выходу.

Мальчик ловко извернулся, покачал головой и поспешил убраться подальше от веселящейся компании друзей брата. Душа требовала тишины и спокойствия. Глеб снова вышел за ворота, но в этот раз он направился в противоположную от деревни сторону. Пересек поле с кукурузой, высокие стебли закрывали его полностью, даже макушку было не видеть. Глеб шел по борозде в тени этих исполинов и медленно потягивал воду из бутылки. Когда кончилось поле, он окунулся в прохладу березовой рощи. Белые стволы с черными крапинками виднелись далеко вперед, над головой от порывов ветра шуршали их зеленые кроны, солнечные лучики пробивались сквозь них, играя под ногами мальчика. Глеб шел вперед, касаясь шершавых стволов руками. Трава под ногами мягкая, зеленая, сочная, разбавленная разноцветными дикими цветами. Воздух свежий, который можно с удовольствием вдыхать полной грудью, если бы не тоска, сжимающая ее.

Вскоре Глеб добрал до родника, вытекающего тонкой струйкой из серого камня, не пойми каким образом оказавшегося здесь. Он набрал ледяной воды в бутылку и с удовольствием сделал жадный глоток, горло опалил холод, зубы свело, и судорога медленно поднималась вверх, доставляя неприятные ощущения. Глеб выдохнул несколько раз, избавляясь от них и

начал пить медленно и осторожно, делая мелкие глоточки, пока не утолил мучившую его жажду, набрал еще воды, до самых краев бутылки и продолжил свой путь. Ему оставалось пройти еще немного. Через минут пятнадцать за невысокими, но густыми кустами, показался берег мелкой речушки. Глеб выбрался из рощи, снял кроссовки с носками и с удовольствием ступил на теплый речной песок. На всем пространстве, что мог охватить его взгляд, никого не было. Мальчик улыбнулся. Именно так он и представлял себе душевный отдых. Воды в речке едва по икры, но она была настолько чистой и прозрачной, что виден был каждый камешек на дне. Глеб бродил по холодной воде с высоко закатанными штанинами и наслаждался окружающим пейзажем. На лице невольно появлялась улыбка, да, здесь ему определенно становилось легче.

К усадьбе он вернулся только ближе к вечеру, привел его зверский голод. Свежий воздух всегда так действовал на его желудок, в котором просыпалась неумная тяга к еде. Глеб всегда что-то жевал, находясь здесь. Сегодня же кроме ягод дикой земляники у него во рту не было ни единой крошки. Всю дорогу мальчик шел под аккомпанемент недовольного бурчания своего желудка.

Глеб вошел в боковую калитку и плотно прикрыл ее за собой. Первое, что попало ему на глаза, машин во дворе прибавилось, места всем не хватало, и вновь прибывшая спортивная машина стояла на газоне. Глеб отлично знал, чья эта машина, поэтому тело мальчика сотрясла нервная дрожь, зубы клацнули, а глаза отказывали принимать реальность. Глеб забыл про голод и хотел, как можно быстрее спрятаться в своей комнате, пока он случайно не столкнулся с Мишей. Но на лестнице его схватили за руку. Мальчик быстро обернулся и с облегчением выдохнул, на него недобрым взглядом сверкал родной брат.

- Где ты был? - спросил он, сжимая предплечье.

Глеб зашипел и дернулся, но Саша не отпустил, а сделал несколько быстрых шагов вверх по лестнице, утаскивая мальчика вслед за собой. Старший брат был зол. От него словно поднимался пар.

- Где ты был? - повторил парень свой вопрос, вталкивая Глеба в его спальню.

- Гулял, - тихо ответил Глеб.

Ему было не уютно, он понимал, что Саша злиться на него, но никак не мог понять почему.

- Весь день?! - Саша почти кричал.

- Да. Саш, да что такое?! - вспыхнул мальчик.

- Я не могу до тебя дозвониться, потому что твой телефон, - он развернулся и ткнул пальцем в кровать, - остался здесь. Ты пропал на весь день. Глеб, еще раз исчезнешь без моего ведома, не знаю, что с тобой сделаю! - рыкнул парень и опустил на кровать брата.

Теперь Глеб понял, откуда такой приступ бешенства. Саша, просто, потерял его. Мальчик почувствовал, как кровь прилила к щекам. Он поступил очень нехорошо. А Сашка испугался. Волнуется. Почему-то от этой мысли, стало тепло. Брат все же не такая непроходимая скотина, как кажется.

- Прости, - Глеб сел перед Сашей на колени и легко коснулся его руки, - я не думал, что ты будешь волноваться.

- Я уже был готов посылать поисковый отряд, чудо! - Саша притянул братишку к себе и крепко обнял, - Не делай так больше, хорошо? - синие глаза братьев встретились, а губы нежно улынулись друг другу.

- Хорошо, - Саша резко поцеловал брата в нос, отстранил того и встал.

- Пошли, ты, небось, голоден, - Саша распахнул дверь и замер в проеме, ожидая, пока Глеб последует за ним и присоединится к всеобщему веселью.

- Можно, я здесь поем? - спросил Глеб, кидая на брата грустный взгляд.

Глеб с радостью бы присоединился и пожарил шашлыков, съел несколько сочных кусков мяса, а потом жарил бы на желтых язычках пламени деревенский хлеб, мягкий и ароматный, такой не встретишь ни в одном магазине города, но появление Михаила останавливало мальчика.

- Нет, хватит хандрить и отсиживаться в четырех стенах, - ответил брат, хмуря брови.

- Саш, ну, Саш, - Глеб заглянул брату в глаза и несколько раз взмахнул ресницами.

- Нет, я не поведусь на твои уловки, - Саша взъерошил разноцветные пряди волос и вышел из комнаты.

Мальчику ничего не осталось, как последовать за ним с тяжелым вздохом. Глеб с замиранием сердца спускался на первый этаж. Душа была рада видеть Мишу, пусть просто обласкать его взглядом, постоять рядом, возможно, переброситься парой слов, но разум еще отчетливо помнил обидные слова парня о том, что им стоит меньше общаться. На ватных ногах Глеб вышел во двор, где на мангале с тихим шипением жарились сочные кусочки мяса, аромат стоял потрясающий. Глеб положил руку поперек живота, приглушая урчание голодного желудка. Компания в полном составе развлекалась. Саша с Димой с ненормальной радостью для людей их возраста, играли в бадминтон, лупя по волану с такой силой, что пернатый страдалец то и дело застревал в сетке ракеток. Остальные играли в карты, сидя за большим круглым белым столиком, который был извлечен из недр подвала, чтобы вся компания могла за ним разместиться. Только Миша стоял возле мангала с задумчивым видом, следя за тем, чтобы язычки пламени не вырвались и не спалили ужин. В руках парня была бутылка темного пива. Глеб подумал, что и ему неплохо было бы раздобыть себе спиртного, так будет проще пересекаться с Мишей взглядом. Мальчик сделал шаг вперед, чтобы попросить у брата, потому

что без его разрешения ему алкоголь не светит, но запнулся о ящик с бутылками. Стекло обиженно звякнуло, привлекая всеобщее внимание. Глеб чертыхнулся сквозь зубы и развел руки, мол, я не виноват, сами понаставили. Интерес к его появлению быстро иссяк и все вернулись к своим занятиям, только Михаил задержал на нем печальный взгляд карих глаз. Парень уже пожалел, что все-таки приехал. Он надеялся, что Саша не потащит младшего брата за собой. Теперь же вместо долгожданного отдыха на природе, ему придется тренировать свой самоконтроль, чтобы не сорваться и не набросится на Глеба, раз за разом вновь целуя его сладкие, мягкие губы и упиваясь теплом, которое сам того не подозревая дарит ему этот юный человечек. Миша тяжело вздохнул и перевел взгляд на мангал, между углей вырвался неосторожный маленький язычок пламени, Миша взял бутылку с водой и залил негодника. Ели бы было так же просто затушить и то, что разгорается у него в душе, когда рядом появляется Глеб. Хотя, огонь его желания горит уже постоянно, вне зависимости от того видит он Глеба или же просто думает о нем, мечтая сжать в своих руках, спрятаться от всего мира и целовать до разноцветных пятен перед глазами.

Глеб все же отвлек брата от занимательной игры и выпросил разрешение выпить одну бутылку пива, когда все сядут за стол.

Пиво было темным, с насыщенным горьковатым вкусом и словно слегка загустевшее, оно приятно разбавляло вкус жареного мяса, а когда на дне осталась лишь пара глотков, в голове мальчика появился легкий туман. Они уже закончили с ужином и теперь разместились под навесом террасы, прячась от сильного ветра, который поднялся совсем внезапно. Игра в карты продолжалась, только теперь она стала азартнее, так как играли на раздевание или на желание. Проиграл, снимай вещь, не хочешь раздеваться, выполняй желание. В этой увлекательной игре не принимали участие только двое. Глеб, который с любопытством наблюдал за игроками и Миша, который не мог оторвать взгляда от Глеба. Особенно сильный порыв ветра забрался в их укрытие и обдул мальчика холодной волной. Глеб вздрогнул, обнял себя за плечи, чтобы согреться, но все равно его начало мелко потряхивать от холода. Он поднял голову и взглянул на темное небо, его заволокли тяжелые темно-фиолетовые тучи. Будет дождь. Глеб почему-то в этом не сомневался. Мальчик опустил голову, игра становилась все горячее, Вера уже сидела только в джинсах и белом топике, Дима в футболке, а Саша демонстрировал всем шикарный обнаженный торс. Но интерес полуобнаженный парень вызывал только у Димы, или младшему брату показалось, что тот слишком горячо смотрит на Сашку. От таких странных мыслей его отвлекла старая куртка, которая с тихим шуршанием опустилась на его плечи.

- Ты замерз, - шепотом произнес Миша и вернулся на свое место.

Ребята продолжали играть, разгоряченные алкоголем мозги не давали замерзнуть молодым телам. Лились разговоры, подобно вину, взрывался дружный смех. Но вскоре все это начало меркнуть, голоса слышались отдаленно, а приступы смеха заставляли вздрагивать и неодобрительно морщится. Глеб засыпал, разморенный свежим воздухом, сытой едой и небольшим количеством пива, мальчик все быстрее и быстрее погружался в сладкий сон. Но стоило ему только, действительно, крепко уснуть, как его принялись теревить за плечо. Глеб поморщился и отмахнулся от руки, настойчиво трясущей его.

- Глеб, - позвал, кажется, Мишин голос, его он проигнорировать не мог и распахнул глаза.

Рядом с ним, и правда, на корточках сидел Миша, рассматривая с заботой во взгляде.

- Глеб, иди в кровать, - шепнул он, как только увидел, что мальчик проснулся.

- Не хочу, - буркнул тот и прикрыл глаза.

- Пошли, я тоже иду спать, - Миша встал и потянул его за руку.

Парень проводил его до комнаты, не удержался и поцеловал в лоб, который закрывали веселые прядки волос.

Глеб быстро отстранился, чувствуя, как горит место прикосновения Мишиных губ, и исчез в своей спальне. До сюда голоса гуляющих доносились едва слышно, за окном подвывал ветер. Он быстро подхватил легкое, как пушинка, тело мальчика и понес в мир снов. Проснулся Глеб от громкого раската грома, вскочил, садясь на кровати. За окном горизонт озарила яркая вспышка молнии. Гроза. Дождь, крупными каплями, в одно мгновение забарабанил по железному подоконнику, деревья недовольно шелестели листвой, клонясь то вправо, то влево от порывов ветра. Глеб перевел взгляд на часы, около четырех часов утра. Мальчик встал, приоткрыл дверь комнаты и прислушался. Дом спал, казалось, что гром разбудил только его. Глеб медленно спустился на кухню, достал из холодильника бутылку с молоком и жадно напился сладковатой жирной жидкости. Громыканье вновь прокатилось по небу, заставив Глеба подпрыгнуть на месте. Нет, он не боялся грозы, но чувствовал себя неуютно, ему казалось, что небо вот-вот расколется, и на голову полетят огромные осколки небосвода. Возвращаться в свою постель не хотелось, кроме того, сон беззастенчиво его покинул. Глеб чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Непозволительные ощущения для такого раннего времени. Мальчик закрыл бутылку и убрал ее обратно в холодильник, в это время в его черноволосой голове появилась одна очень не высокоморальная идея. Плевать, последствия будут потом. Глеб вышел из кухни и на цыпочках, словно вор, прокрался на второй этаж. Прислушался. Тихо, все мирно спали в своих постелях. Глеб прошел мимо двух дверей и остановился возле следующей. Осторожно приоткрыл ее и подошел к кровати, стоящей возле самого окна. Дождь за ним отбивал причудливую дробь, а свет от вспышек молний освещал лицо парня, спящего на этой кровати. Миша не изменял себе и спал обнаженным, одеяло было сбито в ногах парня, предоставляя жадному взору Глеба все тело. Мальчик обласкал его взглядом и едва не захлебнулся слюной. Миша был великолепен. Идеал мужской красоты, в его понимании. Глеб громко сглотнул, решаясь на последний шаг.

Одеяло аккуратно скользнуло по телам, устроившихся рядом друг с другом и скрыло их наготу от посторонних глаз, хотя в эту ночь разве, что дождь и ветер могли стать свидетелями того, как тесно прижимает во сне парень хрупкое и гибкое тело младшего брата своего лучшего друга.

- Глеб? - Миша открыл глаза, чувствуя, как согревается его тело до самых кончиков пальцев, - Что ты здесь делаешь? - осознавая, что мечты иногда сбываются, спросил он.

- Миш, там гроза, не выгоняй, пожалуйста, мне страшно, - Глеб смотрел прямо в глаза парню,

хлопая пушистыми ресницами и добавляя, как можно больше дрожи в голос.

Глеб не надеялся, что Миша в темноте увидит его надутые губки, его жалостливое выражение лица, его полные страха синие глаза, но без всех этих нюансов игра была бы не полной. Миша, может, и не увидел, но поверил, что мальчику страшно, поэтому прижал его к себе, как можно ближе, закутывая в одеяло.

Глеб в свою очередь тоже прижимался теснее, давая понять, что обнажен, что тело хочет быть еще ближе. Он уткнулся Мише в шею, осторожно высунул кончик языка и провел по шершавой коже, на которой уже проросла щетина. Миша вздрогнул, но не отстранился, тогда Глеб уже смелее провел языком, от самого основания до подбородка. Миша гулко сглотнул, стискивая талию мальчика. Глеб позволил себе небольшую шалость и укусил парня, втянул кожу в рот и пососал, отчетливо понимая, что на этом месте утром будет засос, но ему так хотелось оставить это клеймо на Мише, что он не удержался.

- Глеб, остановись, - тяжело выдохнул парень, прижимаясь уже твердым членом к ноге мальчика, - Остановись, я не железный, - в его голосе появились умоляющие нотки.

Глеб не стал долго раздумывать над дальнейшими действиями, Мишино «я не железный» открыло все карты, душа мальчика ликовала. Это взаимно, он желанен! Он немного подтянулся, заглянул Мише в глаза, хотя ничего не увидел в темноте, и коснулся губ парня. Миша замер скалой, не шевелясь, практически не дыша. Это слегка остужало пыл Глеба, но он понимал, что если сейчас остановится, как просит парень, то сам уже никогда не решится повторить нечто подобное, поэтому он не отлипал от любимых губ, лаская их языком, покусывая, умоляя приоткрыть рот и впустить его внутрь. И Миша впустил, приоткрыл рот, чтобы выпустить страдальческий стон, и язык Глеба быстро скользнул внутрь, а дальше разорвать этот сладкий поцелуй не было сил ни у одного, ни у другого. Миша отпустил талию мальчика, которую с силой сжимал до сих пор, провел по спине, наслаждаясь гладкостью кожи, и опустил руки на упругие полушария ягодич, подтягивая Глеба выше.

- Что же ты делаешь, чертенок? - хрипло выдохнул он, подминая желанное тело под себя.

Чертенок не ответил, прижимаясь губами еще плотнее, исследуя его тело в ответ, даря ласки, нежность, тепло и солнечный свет, которого так не хватало им обоим. Глеб раздвинул ноги, обнимая ими парня, притягивая к себе еще ближе, стараясь, растворится в этом безумно любимом человеке, слиться с ним в единое целое, задохнуться в его объятиях, столь желанных и столь необходимых. Их напряженные члены оказались плотно зажаты между тел, медленно скользящих и потирающихся друг о друга. Сочающаяся с них смазка размазывалась по коже, аромат тел сводил с ума, заставляя желать все большего и большего, поцелуи перестали быть нежными, а Миша отпустил повод своего контроля и тонул в неге, жадно целуя Глеба.

- Глеб, подожди, Глеб, - Миша с трудом оторвался от припухших, слегка потрескавшихся губ, поставил обе руки по сторонам от головы мальчика и посмотрел на того нежным взглядом, - Глеб, ты соображаешь, что творишь? - парень старался быть, как можно серьезнее.

Чтобы двинуться дальше, ему необходимо было знать, что Глеб понимает, чем эта ночь закончится для него, для них обоих.

- А как ты думаешь? - ехидно отозвался он, подаваясь бедрами выше, и потерся о Мишин живот твердым членом.

- Глеб, ты будешь снизу, - решил все же уточнить парень.

- Миш, хватит трепаться, - Глеб обвил руками шею Миши и притянул его к себе, топя очередные глупые разговоры в жарком поцелуе.

Парень с рыком накинулся на его губы, вжимаясь в Глеба всем телом, давая возможность прочувствовать всю величину его желания. Глеб застонал, прогнулся в спине, словно гибкая кошка, он ластился и требовал ответной ласки, горячих, безудержных прикосновений. И Миша решил, отбросив все условности за двери этой комнаты, выкинул под проливной дождь. Его рука быстро скользнуло с бока мальчика, прошла по ноге и устроилась между его бедер, поглаживая и пощипывая их внутреннюю сторону. Глеб снова изогнулся, подставляясь под руку. Миша скользнул губами к шее, лаская нежную кожицу, просунул руку чуть дальше, провел между ягодиц и коснулся пальцем тугой дырочки. Там было сухо и горячо, Миша слегка надавил, а Глеб сжался в его руках. Пропустить даже часть пальца он не мог, сжимаясь словно пружина.

- Глеб, у тебя ведь никогда этого не было, - скорее уточнил, нежели спросил Миша.

- Не было, - кивнул тот и коснулся щеки губами.

- И как ты сейчас себе это представляешь? - Миша очень боялся причинить Глебу боль, испугать, оттолкнуть, навсегда поселить в теле страх от занятий любовью.

- А как ты это делаешь с девушками? - вопрос должен был быть наполнен сарказмом и ехидством, но голос мальчика дрожал, выдавая его страх.

- Мм-м-м, это не совсем одно и то же, - Миша поцеловал уголок губ, - но я попробую, постараюсь причинить как можно меньше боли. Но Глеб, будет больно, все равно будет.

- Я догадываюсь, - скривился тот.

Он не хотел этих ненужных разговоров, все тело жаждало действий, пусть и слегка болезненных, но действий, поэтому он дотянулся до Мишиных губ и вовлек того в поцелуй.

Сложно сказать, кто из них больше боялся сделать последний шаг, чтобы стать самыми близкими существами на планете, но они оба до зудящей дрожи во всем теле жаждали этого действия. Миша неловко перевернул Глеба на живот, облизал палец и снова надавил на

маленькую дырочку, что пряталась между белых ягодич. Мокрому пальцу удалось скользнуть неглубоко внутрь тела Глеба, отчего мальчик слегка всхлипнул и спрятал лицо в подушке, зажимая чистую ткань между зубов. Он не хотел пугать Мишу своими воплями, которые рвались наружу, потому что держать в себе ожидание, наслаждение и страх перед предстоящим, было слишком тяжело. Мышцы ануса слишком плотно обхватили палец, сдавливая его внутри. Миша понимал, что так ничего не получится, но взять смазку им негде. Парень вздохнул, наклонился и провел языком по дырочке, что так крепко держала его внутри. Глеб удивленно застонал и слегка расслабился, Миша вытащил палец и стал быстро вылизывать попку мальчика. Когда понял, что никаких неприятных эмоций это действие в нем не вызывает, а скорее даже наоборот, заводит еще больше, скользнул внутрь языком, надавливая на стенки вынуждая открыться. Глебу нравилась эта ласка, мальчик стонал в подушку и начал подаваться назад, желая получить еще и еще. Тогда Миша снова намочил пальцы в слюне и вновь просунул один внутрь. В этот раз он вошел легко, давление стенок не было таким сильным, Глеб расслабился, погружаясь в новое наслаждение с головой. Миша добавил еще один палец, просовывая как можно глубже и пытаясь найти ту точку, которая по слухам соответствовала точке G у женщин. Но пока не мог этого сделать, тайное местечко постоянно ускользало от его пальцев, только Глеб расслаблялся все больше и больше, и вскоре Миша смог погрузить три пальца в тело мальчика, он продолжал ласкать языком вход, смачивая анус Глеба и свои пальцы слюной еще больше. Возбуждение было настолько сильным, что сводило зубы, пах невероятно сильно ныл, все существо требовало более решительных действий. Миша провел рукой по мокрой от пота спине, куснул за ягодичу, но тут же зализал красное пятнышко, след от зубов.

Когда Глеб почувствовал, что внутри него вновь пусто, хотелось взвыть от несправедливости, мальчик поднял голову от подушки, наволочка была вся мокрой и обмусоленной, губы искусаны, но тело горело от дикого желания, дрожало, ожидая ласки. Глеб обернулся и сел. Миша сидел, по-турецки сложив ноги, а его плоть гордо стояла, покачиваясь в такт дыханию.

- Что-то не так? - спросил мальчик, подползая ближе.

- Иди сюда, - Миша протянул руки и заключил его в объятия.

- Миш, почему ты остановился? - спросил Глеб, а рука Миши накрыла его член.

Мальчик прогнулся и застонал, движение на плоти стали более сильные и быстрые, Глеб медленно уплывал к вершине удовольствия. Но мальчик совершенно не хотел, чтобы все закончилось так. На сегодня решимости дойти до конца у него предостаточно, но завтра ее может не быть вовсе, поэтому Глеб вывернулся из Мишиных рук и поймал удивленный взгляд карих глаз.

- Тебе не нравится? - спросил парень, приподнимая брови.

- Нравится, - Глеб кивнул, - но....но..., но это не совсем то, чего я хочу, - он смущенно отвел взгляд, разглядывая ворох тряпок, в который превратилась постель Миши.

- А чего ты хочешь? - Миша приблизился к нему.

- Миш, я..., я..., ты сам знаешь, чего..., - Глеб никак не мог произнести вслух свои желания и совершенно не понимал, зачем Миша спрашивает.

- Этого? - Миша слегка наклонил мальчика назад и просунул в анус два пальца.

- Да! - выстонал Глеб, сотрясаясь в дрожи ожидания и обжигающего желания.

- Глеб, смазки нет, - наконец, совершенно серьезно сказал парень, - я боюсь сделать тебе очень больно.

- Там, там же мокро, - еле выдавил из себя мальчик.

- От слюны, но здесь, - Миша провел пальцем по головке своего крупного члена, - здесь ее недостаточно.

Глеб уставился туда, где была Мишина рука, медленно поглаживающая плоть. Вздохнул и резко наклонился к паху парня. Если для того, чтобы получить, в конце концов, желаемое, ему нужно облизать эту штуку, то он это сделает, кроме того, что в этом нет ничего отталкивающего или неприятного, только вкус кожи на языке, смешивающийся с чем-то терпким и солоноватым, Миша ласкал его языком, куда в более интимном месте. Глеб посасывал головку члена, когда Миша сильно дернул его за волосы, пытаясь отстранить от себя. Но его действия никак не соответствовали его громкому, полному удовольствию стону, который, казалось, шел из самой глубины души. Мальчик слегка сжал зубы и рыкнул, чтобы Миша не мешал ему и вернулся к столь увлекательному занятию.

- Глеб, Глеб, я больше не выдержу, - просипел Миша, настойчиво отстраняя мальчика от своего члена.

- Почему? - обиженно спросил тот, опасаясь того, что Мише не понравились его неумелые ласки, - Тебе не понравилось? - осмелился все же спросить он.

- Наоборот, - усмехнулся Миша, наваливаясь на мальчика и прижимая его к кровати, - слишком понравилось, - выдохнул парень ему в губы, удобнее устраиваясь между длинных ног.

Миша приник к губам, чтобы заглушить громкий стон, рвущийся из груди парня, когда он все же оказался внутри его тела. Полностью Глеб его не пустил, только головка растянула мышцы ануса, когда мальчик сжался от боли и не пустил Мишу дальше в тесную жаркую глубину.

- Глеб, расслабься, маленький, - шептал Миша, целуя широко распахнутые глаза. Ресницы мальчика, щекотали его губы, а член еще больше сдавило внутри желанного тела, - Глеб, пожалуйста, ты делаешь больно нам обоим.

Глеб послушался и начал расслабляться, отвлекаясь на нежные касания Мишиных губ, стараясь не сосредотачиваться на боли, которая терзала его вход. Миша, ведь, предупреждал, что будет больно. Почувствовав свободу, Миша начал мелкими толчками протискиваться внутрь еще глубже и глубже, пока не оказался в мальчике по самое основание члена. Глеб мелко дрожал под ним, кусал губы, прикрывал рот рукой, чтобы не закричать. Миша привстал на колени, забросил ноги мальчика себе за спину, немного вышел и толкнулся вперед. Глеб застонал, но в этот раз не отболи, а от чего-то другого, мальчик выгнулся и раскрылся еще больше, позволяя погружаться в себя, как можно глубже.

- Миш, Миш, Миша! - шепотом кричал он, осторожно подаваясь бедрами назад и насаживаясь на член.

- Нравится? - спросил парень, - целуя мальчика туда, куда смог дотянуться, под губы попали мелкие сосочки, острые ключицы, открытая шея и снова мягкие губки Глеба.

- Да! - выдохнул Глеб, ерзая и извиваясь под ним все сильнее и нетерпеливее.

Неужели, он нашел эту заветную точку? Миша резко подался назад и вновь резко вернулся обратно, заполняя Глеба до предела. Мальчик застонал, громко, протяжно. В этом стоне было столько пошлости и неприкрытого удовольствия, что Мишины сомнения и опасения улетучились. Он начал двигаться быстрее, сильнее, наполняя все глубже. Старался заткнуть рот Глеба поцелуем, чтобы тот не перебудил весь дом, но стоны все равно рвались наружу, смешиваясь с его собственными. Острые ощущения огромными шагами уносили их к долгожданному оргазму, удовольствию, которое заставляло забыть обо всем на свете. Глеб сотрясался так, что дрожь передавалась Мише, заставляя его вновь и вновь вбиваться в тело, даря мальчику то, что тот так долго ждал. Миша положил руку на горячую плоть Глеба, провел несколько раз рукой, чтобы задохнуться от особенно громкого стоны и обжечься горячей жидкостью, которая выплеснулась ему на руку. Но парень так и продолжал двигать рукой и вбиваться в попку Глеба, пока тот не затих под ним, растекаясь удовлетворенной лужицей. Как только Глеб обмяк и растянулся на кровати, Миша подхватил его под ягодицы и стал еще более яростно вдавливать в расслабленное тело, стремясь получить и свою порцию острого наслаждения. Оргазм, что затопил все тело, был несравним ни с чем, испытанным ранее, это было что-то нереальное, фантастическое, выходящее за рамки того, что возможно представить.

Излившись в жаркое тело, Миша уткнулся лбом в лоб Глеба, отдышался, а потом коснулся губ, легким поцелуем. Глеб даже глаз не открыл. Миша скатился со своего юного любовника и лег рядом, заключая его в объятия.

Дождь за окном кончился, только ленивые капли стекали с крыши с громким стуком падали на подоконник. Ветер утих, унося с собой тяжелые тучи, и на горизонте робко и осторожно появлялось утреннее солнце.

- Саша меня убьет, - прошептал Миша, поглаживая голый живот мальчика.

Глеб практически целиком забрался на него, тесно прижимаясь спиной и мокрой попкой,

сперма, медленно вытекающая из мальчика, размывалась внизу Мишиного живота, но это не волновало ни одного, ни другого, они нежились в объятиях друг друга. Теперь все встало на свои места. Миша был уверен в том, что не отпустит больше Глеба, и ни за что не скажет ему вновь тех ужасных слов, что произнес в их последнюю встречу. А Глеб наслаждался близостью любимого человека и отходил от первого занятия любовью в своей жизни, раз з разом прокручивая пошлые картинки перед глазами.

- Не убьет, если не узнает, - лениво ответил мальчик, скатываясь с Миши на кровать, - а я ему не скажу, - он улыбнулся, а сердце Миши замерло, наслаждаясь теплом, что ниагарским водопадом лилось на него.

- Я тоже, - Миша сел и не смог удержаться от того, чтобы не поцеловать Глеба.

- Пойду в свою кроватку, - скривился он и медленно встал, подобрал с пола свои штаны и осторожно одел.

- Сладкого утра, чертенок, - шепнул Миша и повалился на кровать, закрывая глаза.

Глава 7.

Глеб быстро слетел с лестницы, сердце набатом стучало в груди, отдаваясь эхом в ушах и мешая слышать окружающую реальность, грудь перехватывало легкой болью от недостатка кислорода, так как дыхание сбилось. Быстро заскочить на кухню, поприветствовать родителей, которые собрались за ранним завтраком в выходной день, глотнуть кофе, запивая оладьи с яблоками, поблагодарить мать за завтрак и выскочить за дверь. Быстрее, пока никто из них не остановил, не потребовал объяснения лихорадочно горящим щекам, блестящим в предвкушении встречи глазам. Быстрее на шумную улицу, по которой медленным густым потоком разливается утренний зной. Быстрее на встречу к нему. Они вновь договорились встретиться у Атриума. Глеб спустился в подземку, легко лавируя между немногочисленными пассажирами, заскочил в синий вагон поезда, когда двери уже были готовы захлопнуться перед его носом. Ни секунды промедления, никакой заминки его сердце не выдержит. Вперед, скорее, в ласковые, теплые руки, которые сомкнутся на талии, притягивая еще ближе, сокращая расстояние между ними до мизерного и незначительного.

- Привет! - крикнул мальчик, стоило ему только увидеть фигуру своего парня, ожидающего возле вращающейся стеклянной двери.

Да, именно так. Его парень. Уже целую неделю они встречаются.

- Привет, чертенок! - Миша радостно улыбается и целует, не обращая внимания на удивленные взгляды посторонних людей.

Какое им дело? Они всего лишь посторонние, безликие тени, стертые грани лиц в толпе таких же невидимок.

- Я соскучился, - шепчет Глеб в приоткрытые и влажные от поцелуя губы.

- М-м-м, мы расстались только вчера вечером, - Миша тепло смотрит на него, в глазах застыла радость, - но знаешь, я тоже скучал, - с улыбкой на лице заканчивает он и вновь целует.

Прекрасно, невероятно, неправдоподобно. Так, как бывает только в книгах и фильмах со счастливым концом. Глеб до сих пор еще не мог поверить, что получил свой кусочек пирога «счастья» на празднике жизни.

- Я бы скучал, даже если бы не расставались, - буркнул мальчик, понимая, что это не просто слова.

За эти слова Глеб получил еще один легкий поцелуй и был отпущен из крепких рук, которые удерживали его, не давая отстраниться от сильного тела.

- У тебя есть какие-то особые пожелания или мы можем следовать моему плану? - Миша изогнул бровь и слишком серьезно посмотрел на своего юного парня.

Настолько серьезно, что Глеб не выдержал и прыснул со смеху, схватил Мишу за руку и потащил в сторону стоящей невдалеке машины.

- Нет у меня никаких планов, - сквозь глупое хихиканье выдавил Глеб.

Ехали долго, не так, чтобы очень, но достаточно для того, чтобы Глеб извелся от любопытства. Мальчик ерзал в кресле, которое казалось ему сейчас жутко неудобным, ремень безопасности давил на грудную клетку, из-за чего Глеб постоянно натягивал черную ленту полоски, раздражаясь от издаваемого ей звука. Смотрел на Мишу и обиженно сопел, надеясь, что тот все же обратит на него внимание. Но парень молчал и сосредоточено смотрел на дорогу. Его забавляла несдержанность Глеба, но и уступать он ему не собирался. Хотел сделать сорванцу сюрприз, значит, сделает. Нельзя потакать детским капризам.

- Долго еще? - захныкал Глеб, переключая волны радиостанций.

- Почти приехали.

Еще через долгих двадцать минут мучений Глеба, они все же припарковались возле какого-то центра.

- Приехали! - оповестил Миша и выскочил из машины.

Пока Глеб изучал строение из окна автомобиля, Миша обошел его и распахнул дверцу с пассажирского места, вытаскивая своего чертенка из недр авто. Глеб удивленно тараторил на

здание, за которым громоздился воздушный шатер.

- Картинг? – тихо спросил Глеб, когда его глаза натолкнулись на вывеску, венчающую здание.

- Он самый, - кивнул Михаил, сиюсь разобраться в эмоциях своего мальчика.

Глеб уточнил таким бесцветным тоном, что понять рад он или разочарован, невозможно.

- Мы будем кататься?

- Нет, я привез тебя сюда, чтобы ты посмотрел, что в Москве есть такое заведение, - хмыкнул Миша.

Глеб перевел на него непонимающий взгляд, и уже хотел было очень расстроиться, но вовремя понял, что Михаил изволит шутить.

- Пошли скорей! – мальчик, наконец, пришел в себя и оценил масштаб предстоящего веселья.

Они быстро вошли внутрь, где Миша подошел к улыбающейся девушке на ресепшене. Пока парень оплачивал их развлечение, Глеб с интересом осматривался. Внутри было светло, на стенах, висели множество фотографий с различных гонок, фото пьедесталов и моменты вручения наград победителям, фото картинговых машин и людей, радующихся жизни. Многие пилоты были облачены в настоящие гоночные костюмы: фирменные комбинезоны разных цветов, шлемы, перчатки, все, как у реальных гонщиков.

- А нам тоже такие дадут? – прошептал он, когда почувствовал, что Миша стоит за его спиной.

- Если захочешь, но по правилам необходим только шлем и перчатки.

- Тогда лучше обойтись ими, в таком скафандре, - мальчик кивнул на одну из фотографий, - наверняка, безумно жарко.

Миша только усмехнулся и повел его по одному из коридоров, где в специальной комнатке им выдали необходимую экипировку.

- Миш, а ты уже катался когда-нибудь? – спросил Глеб, заглядывая в глаза своему парню.

Теперь на лице мальчика отчетливо читался восторг. Глеб с неподдельным интересом разглядывал хитросплетение трековых дорожек, многочисленные табло, мерцающие зелеными и красными цветами, следил за шустрыми приземистыми машинками, летающими по треку. Их визг и рев оглушал, но от того нетерпение нарастало с удвоенной силой. Обоим уже страшно

хотелось сесть за руль такой машинки.

- Один раз...

Миша хотел сказать что-то еще, но к ним уже подошел мужчина в желто-черном комбинезоне с вежливой улыбкой на лице.

- Добрый день, молодые люди, - произнес инструктор, окидывая их взглядом.

Мише показалось, что мужчина осмотрел Глеба более пристально и слишком долго задержал взгляд на фигурке мальчика, казалось, что он, словно запутался в разноцветных прядках волос. Миша вскипел и с трудом подавил в себе желание схватить мальчика за руку и заткнуть себе за спину, чтобы хищные зеленые глаза инструктора, наконец, выпустили его из поля своего зрения.

- Меня зовут Павел, - продолжил мужчина, так же вежливо улыбаясь новым клиентам, - я сейчас проведу инструктаж, потом вы сможете выбрать себе машины и наслаждаться заездами.

- Спасибо, - кивнул Миша, все же переплетая свои пальцы с пальцами Глеба и несильно дергая его ближе к себе.

Пока Павел рассказывал им о системе работы маленьких машинок и технике безопасности, Михаил сверлил его тяжелым взглядом. Он понимал, что ревнует на пустом месте, но не мог подавить в себе это упертое чувство. Ревнует. Господи, он ревнует. Миша мысленно вздохнул и приобнял Глеба за талию. Мое. Только мое. Мальчик доверчиво прижался к его боку, неотрывно слушая то, что говорил инструктор, все его внимание сейчас было сосредоточено на этом человеке, но Мише стало легче, когда он почувствовал его тепло.

- Можно выбрать любую?! - воскликнул Глеб, когда Павел, наконец, закончил свою лекцию и отвел их в небольшой загон, где своего часа дожидались карты.

- Абсолютно, - снисходительно кивнул инструктор.

- Эту тогда хочу, - Глеб ткнул указательным пальцем в черно-красную машинку.

Словно игрушка для взрослого ребенка. Яркая, милая, приковывающая взгляд. Не просто несколько железных балок с креслом и рулем, а настоящая небольшая гоночная машинка с металлическим обвесом и яркой расцветкой.

Когда выбор был окончательно сделан, они оказались на трассе. Под шатром, занимающим огромную площадь, разметался широкий гоночный трек, без единой колонны, огражденный пластиковыми отбойниками. Вязь замысловатых поворотов плавных и крутых на сто

восемьдесят градусов, сочетающихся с прямыми отрезками, позволяющими развить приличную скорость. Световое табло в режиме реального времени оповещает о результатах заезда, а после сотрудник клуба выдает распечатку на память.

Глеб выиграл три из пяти заездов и был необычайно доволен собой. Миша на проигрыш никак не обиделся, радуясь вместе со своим мальчиком. А за его детский восторг был награжден нежным поцелуем и заверениями о том, что он самый лучший парень на свете, тот, о котором можно только мечтать.

На ресепшене они получили еще несколько фотоснимков, отчего Глеб светился от счастья, с удовольствием рассматривая себя за рулем картинговой машинки.

- Проголодался? - спросил Миша, когда они уже садились в его машину.

- Спрашиваешь? - голос мальчика все еще звенел от переполняющего душу ликования.

Глеб с трудом сдерживал ликование, рвущееся наружу сильнейшей волной, готовой затопить все вокруг. Удерживать тело на месте, и не лезть к Мише с поцелуями каждую секунду было невероятно тяжело. Пришлось вцепиться пальцами в обивку сиденья, чтобы не совершать глупых поступков и не отвлекать водителя от дороги. У него еще будет время выразить свою благодарность.

Михаил привез их в небольшой уютный ресторанчик в одном из спальных районов Москвы. В тесном помещении располагалось только пять столиков, окруженных небольшими диванчиками, больше похожими на увеличенные кресла. Мягкие и глубокие, в которых можно утонуть. Миша сел рядом тесно прижимаясь к своему парню, чувствовать тепло его тела и чуть ускоренное дыхание рядом - это было именно то, в чем он отчаянно нуждался.

Пусть появление Глеба в его жизни успокоило душу и расставило все на свои места, но парень все еще опасался этого страшного чувства одиночества, когда наполненный людьми мир кажется безлюдным и черным, а в душе живет только холод. Миша вздрагивал каждый раз, когда вспоминал, как ему было тяжело делать каждый последующий вздох, как ему приходилось заставлять себя жить дальше, улыбаться друзьям, не бросать то, что дорого. В те времена хотелось свернуться комочком и исчезнуть, чтобы пропала боль.

- Миш, что ты будешь? - от приводивших в уныние мыслей Мишу отвлек задумчивый голос Глеба, который с интересом изучал меню.

- Пасту, - быстро ответил парень, отгоняя от себя злополучные думы.

- А я хочу еще мяса, - произнес мальчик с кровожадной улыбкой.

- Зверь, - усмехнулся Миша, притянул его к себе и с удовольствием поцеловал.

Девушка, пришедшая принять заказ, тактично отвернулась, чтобы не помешать мимолетной ласке, которая все же несколько затянулась. Оторваться от пухлых губ Глеба, вытолкнуть его юркий язычок изо рта, было невероятно сложно, а убирать цепкие теплые руки, которые уже успели забраться под футболку, совершенно не хотелось. С неохотой разорвав объятия, парни быстро сделали заказ, чтобы вновь насладиться теплом друг друга, пока девушка не поставит на стол перед ними большие белые тарелки с вкусно-пахнущим обедом.

- Миш, мне иногда кажется, что так не бывает, - тихо сказал Глеб, укладывая разноцветную голову ему на плечо.

- Чего именно не бывает? - переспросил Михаил, нежась в ласке мальчика.

- Такого счастья, чистого и безоблачного. Мне кажется, что я его не заслужил, поэтому я всегда боюсь, что ты исчезнешь или кто-то помешает нам быть вместе...

Глеб сам не осознавал, что только что озвучил страхи самого Михаила. Тот не стал отвечать, а только прижал парня к себе еще ближе, с силой сжимая его плечо, и поцеловал в макушку.

- У нас все будет по-другому. Ведь человек сам создает свое счастье, - через некоторое время все же ответил он, больше успокаивая самого себя, чем Глеба.

Жаль, но все в этом мире имеет свойство заканчиваться, так и этот день подошел к концу. Цифры электронных часов поочередно сменялись, приближая время к полуночи. Солнце давно уже скрылось за высокими зданиями из бетона и стекла, сумерки уступали место темной, непроглядной ночи, на улицах зажглись фонари, озаряя мир искусственным светом.

Миша никак не мог заставить себя оторваться от припухших сладких губ, никак не мог выпустить Глеба из своих рук, чтобы мальчик, наконец, отправился домой. Они стояли в укромном темном уголке, спрятанные от посторонних взглядов и увлеченно целовались, лишая себя так необходимого воздуха. Их мир сосредоточился только вокруг них, имели значение только руки, губы, тепло тел, жаркое дыхание, безудержные, сумасшедшие ласки, уносящие за грани реальности. Никто из них не обратил внимания на то, что во двор въехала трехдверная BMW, как из нее вышел знакомый обоим парням, человек. Они не заметили, как знакомая фигура приблизилась к подъезду, как человек зацепился за целующуюся парочку взглядом, занеся ногу над ступеньками, но так и не сумел опустить подошву дорогих туфель на бетонную плитку, переводя дух от шока, испытанного, когда Саша понял, кто целуется в темном уголке.

Первое, что парень страстно пожелал, когда осознал, что Миша целует его собственного брата, было подойти и расцепить их жаркие объятия, отобрать друг от друга и дать другу в морду, чтобы не совращал мальчишку. Саша с трудом подавил его в себе, решив все же, что драка с Мишей не входит в его планы. Глеб в последнее время, не ходит по земле, а летает, паря высоко над облаками. Если это Миша делает мальчика таким счастливым, то стоит все обдумать, а затем принимать какие-то меры. Превращение брата и лучшего друга в геев, которых Саша недолго любил, задело за живое. Саша молча прошел мимо и вошел в подъезд.

Глеб появился дома спустя десять минут сияющий, словно натертая золотая монета. Глаза блестели, губы распухли и налились красным. Волосы взъерошены. Весь вид выдавал его недавние действия. Отец, осмотрев младшего сына с ног до головы, только усмехнулся и вернулся к чтению книги, не став ругать мальчика за получасовое опоздание в родные пенаты. Знал бы папа, что Глеб целовался не с длинноволосой красавицей, а с парнем, не был бы таким довольным. Но сдавать братишку родителям было бы последним делом. Отец просто на просто убил бы пацана, на этот счет Саша не обманывался.

- Я ненадолго, - бросил Саша, выскальзывая за дверь.

Ему было крайне необходимо поговорить с Мишей, услышать в то, что это вышло случайно и вообще, у Саши начались галлюцинации и ему привиделся этот чертов поцелуй. Машина сорвалась с места, ловко выскальзывая из ряда, тесно припаркованных друг к другу, автомобилей. Саша надавил на педаль газа, стремясь как можно быстрее выскользнуть из двора, но на выезде ему пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в морду спортивного мерседеса.

- Охренел совсем! - крикнул Саша, выскакивая из машины.

- Саш, ты чего орешь? - Дима, как всегда, элегантен и спокоен.

Парень быстро оценил нервное состояние друга.

- Паркуй машину, я поработаю твоим личным водителем сегодня.

Саша только шумно выдохнул, но послушался, и через некоторое время из двора его уже увозил черный приземистый автомобиль.

- Саш, что случилось? - тихо спросил Дима, опасаясь, что Саша взорвется и устроит истерику в его машине.

Истерики Дима не любил, как и любые громкие проявления чувств, и чрезмерную эмоциональность. Поэтому Саша его слегка раздражал своей излишней нервозностью.

- Миша, сука, - прошипел брюнет в ответ, чем ввел Диму в полное недоумение, ведь эти двое были лучшими и давними друзьями.

- И? - подтолкнул его Дима.

- Он трахает Глеба, - выплюнул Саша.

- Твоего брата? - изумился светловолосый парень, но на лице не промелькнуло ни одной

эмоции.

- Именно.

- Ты собрался набить ему морду?

- Нет, пока поговорить.

- Значит, едим к нему?

- Да.

- Саш, а что тебя в этом смущает? – произнес Дима, выкручивая руль и поворачивая во дворы.

- По-твоему не должно вообще ничего?! – вскипел Саша.

- Нет. То, что они оба парни, то, что Миша твой друг, а Глеб твой брат? – начал перечислять Дима.

- Не знаю, не могу пока тебе ничего сказать.

Дима остановился в Мишином дворе, и Саша выскочил из машины, быстро взбежал по ступенькам и скрылся в подъезде. Домофон был отключен, что позволило парню не предупреждать друга о своем визите.

От сладких воспоминаний сегодняшнего дня и от горячей чашки чая, Мишу отвлек требовательная трель дверного звонка. Миша поднялся с дивана, быстро скинул влажное полотенце с бедер и надел штаны. Он не так давно приехал домой и только успел принять душ и сделать чай, как к нему заявился незванный припозднившийся гость.

Стоило только щелкнуть дверному замку, как дверь резко распахнулась, едва не сметя Михаила.

- Как давно это происходит? – тихо спросил Саша, оказавшийся в дверном проеме.

Миша не стал тешить себя бесполезными надеждами, он прекрасно понял, о чем говорит друг. Саша узнал. По спине пробежал противный холодок.

- Чая хочешь? – спросил хозяин, отступая вглубь квартиры.

- Нет, я хочу услышать ответ на свой вопрос.

Саша остановился в коридоре и захлопнул за собой дверь, но не стал разуваться, показывая, что не намерен задерживаться в гостях.

- Неделю.

- Ты его трахал? - зло прорычал Саша.

- Саш, не задавай вопросы, ответы на которые не хочешь слышать, - ответил Миша, опасаясь подходить к другу близко, драться не хотелось, а Саша был настроен весьма воинственно, хотя и пытался взять себя в руки и ограничиться простым разговором.

- Я хочу знать ответ на этот вопрос! - выделяя слово «этот» произнес Александр.

- Саш, мы встречаемся, со всеми вытекающими, - Миша взял в руки чашку, внимательно следя за реакцией собеседника.

- Ты знаешь, сколько ему лет?

- Знаю. Саш, он уже взрослый мальчик.

- Мальчик. Он мальчик, Миш. Ты, - он ткнул в его сторону пальцем, - парень, а он мальчик. Не кажется, что здесь что-то не так?

- Мы сами разберемся, - огрызнулся Миша, Саша был последним человеком, от которого он был готов терпеть критику в адрес их с Глебом отношений, просто потому что знал, что отношения между братьями были отвратительными.

- О, да! - Саша поднял руки и возвел глаза к потолку.

- Не тебе, мне что-то выговаривать, ты брата ненавидишь.

- Это он тебе сказал? - Саша удивленно поднял брови и уставился на друга немигающим злым взглядом.

- Я видел достаточно, что бы сделать такие выводы самостоятельно.

- Ты ошибаешься. Я голову за него сверну и не посмотрю, что ты мой друг.

- Саш, я сам за него любому голову сверну, - выдохнул Миша, понимая, что буря миновала, друг успокоился и вроде принял то, что между ними происходит.

- Любишь?

- Пока это слишком сильно, но очень близко к истине.

- Надеюсь, ты понял, что я тебя по асфальту раскатаю, если увижу хоть одну его слезинку из-за тебя.

- Вполне, - Миша уверенно кивнул.

Саша распахнул дверь и ушел не прощаясь. Но можно было с уверенностью сказать, что он смирился и дал свое негласное согласие на их отношения. Знает ли Глеб? Миша быстро набрал номер парня, но прослушал только гудки. Видимо, мальчик уже видит десятый сон, утомленный их насыщенным днем. Миша тепло улыбнулся, вспоминая горящие восторгом глаза своего чертенка, и тоже отправился в кровать. В конце концов, завтра их ждет новый, не менее приятный денек.

Глава 8.

От мыслей, скачущих в голове, словно салатные кузнечики в зеленой высокой траве, Диму отвлек звук открывающейся двери автомобиля. На сиденье рядом с тяжелым вздохом опустился Саша. Парень быстро скользнул по другу взглядом серо-стальных глаз, убедился, что повреждений нет, значит, и драки между парнями не случилось, и выдохнул. Он и не заметил, как сильно сжимал в руках теплую жесткую кожу руля, пока ждал Александра.

- Ничего не скажешь? - нарушил молчание Дима, нажимая на черную круглую кнопку и заводя машину.

Подсветка на приборной панели мигнула и вновь озарила салон нежно-голубым светом.

- А что я должен сказать? - Саша безразлично пожал плечами и зачем-то открыл бардачок, - Глеб никогда не отличался нормальностью, не удивлен, что он предпочел женской груди мужской член, - его слова прервал громкий щелчок замочка нужного любому автомобилисту ящичка.

Дима только ухмыльнулся, краем глаза наблюдая, как Сладков щелкает крышкой, чтобы унять свою нервозность.

- Считаешь это ненормальным? - осторожно спросил светловолосый молодой человек, сосредотачивая все свое внимание на дороге, желая и не желая услышать ответ одновременно.

- Дим, это извращение, - хмыкнул Сашка, - и от Миши я такого не ожидал. Видимо, последняя

барышня убила в парне всю любовь к прекрасному, раз о бросился на моего сумасшедшего брата.

Дима, быстро закусил нижнюю губу, сильно, до крови, чтобы не дать сорваться с них словам, которые приведут к словестной перепалке и вызовут у Саши ненужные подозрения.

- А если это любовь?

- Любовь?! – Саша расхохотался, громко, от души, - Дим, сколько тебе лет? Какая любовь? Ты сам думаешь, что говоришь?

- Не веришь в светлые чувства?

- Нет.

- Почему?

- Никогда не ощущал на себе нечто подобное.

- Ясно все с тобой, - хмыкнул Дима, въезжая во двор, где жили братья.

Машина плавно вплыла в темный двор, где только несколько фонарей выигрывали схватку с ночной темнью и пылали яркими круглыми пятнами света. Фары разрезали воздух, как остро-наточенный нож масло, выхватили из темноты несколько припаркованных автомобилей и черно-серый пласт асфальта. Дима развернулся и замер, ожидая, пока Саша выйдет из машины.

- Дим, а ты зачем приезжал? – спохватился Саша.

- Неважно, - отмахнулся парень и медленно нажал на педаль газа, вынуждая bruneta захлопнуть дверцу и отступить на несколько шагов.

Утро немного задержалось в этот день, не спеша разбудить мальчика с разноцветными прядями волос. Глеб медленно выплывал на поверхность реальности из объятий своего сна. Подгонял его только чей-то взгляд, сверлящий спину и постороннее тихое дыхание, которого никак не могло быть в его комнате. Когда сонное сознание четко идентифицировало присутствие чужого человека на его территории, Глеб резко развернулся и сел на кровати, протирая руками глаза и смаргивая остатки сновидений с длинных черных ресниц.

- Что ты здесь забыл? – хрипло спросил он, повернув голову в сторону старшего брата, который по-хозяйски развалился на его кровати и спокойно смотрел на мальчика, ожидая полного пробуждения последнего.

- Хочу поговорить, - едва слышно ответил Саша.

- Есть о чем?

Вместо ответа Александр резко дернул мальчика за руку, Глеб не удержался и уткнулся носом в грудь брата, которая быстро вздымалась. Мальчик поднял голову и встретился с такими же, как у него синими глазами, пылающими злостью.

- Нравится, когда тебе в зад член пихают, да? - грубо спросил Саша, сжимая тонкую руку выше локтя.

- Не твое дело, - рыкнул мальчик, внутри холодея от осознания того, что старший брат все знает.

Если он не сможет видиться с Мишей, то просто напросто покончит с собой. Глеб не хотел лишаться смысла жизни, своего солнца, которое грело, наполняло радужными красками все его существование.

- А чье? Может отца? - прищурился Александр.

- Не посмеешь, - прошептал Глеб, а сердце пропустило несколько ударов.

- Не посмею? - зло усмехнулся Саша.

Парень понимал, что поступает не хорошо по отношению к брату, он не собирался делать ничего, чтобы помешать им, пусть трахаются сколько хотят, но Саша не мог упустить возможности поиздеваться над братишкой и посмотреть в наполненные первобытным страхом глаза Глеба.

- Что ты хочешь за молчание? - Глеб знал, что с Сашей можно договориться, вопрос только в том, что старший брат попросит за неразглашение его тайны.

- Ничего, - пожал плечами Саша и поднялся с постели брата.

- Саш! - взмолился Глеб, протягивая руку к уходящему парню, - Саш, прошу тебя, не говори отцу, он же меня убьет, - синие глаза светились особенно ярко, подчеркнутые прозрачной полоской скопившихся слез, готовых вот-вот сорваться с глаз и зачертить мокрые дорожки по щечкам.

- Успокойся, не скажу, - Саша вышел, громко хлопнув дверью.

Глеб упал на кровать и спрятал лицо в ладонях. Он не задавался вопросом, откуда брат узнал об их отношениях. Он винил себя за то, что так подставил Мишу, ведь теперь их дружбе, наверняка, придет конец. Саша не будет общаться с другом, который «поголубел» по каким-то причинам. Соленые капельки все же не удержались на глазах и намочили ладошки мальчика. Глеб всхлипнул, перевернулся на живот и спрятал лицо в подушке, продолжая корить себя за свое желание, за свой эгоизм, за то, что заставил Мишу посмотреть на него не только, как на младшего братишку друга, а как на любовника, как на парня.

Немного успокоившись, Глеб отыскал свой телефон и не глядя на экран набрал номер Миши.

- Да, чертенок! – раздался веселый голос парня в трубке после нескольких гудков.

- Миш, Саша все знает, - прошептал мальчик хриплым голосом.

- Глеб, я знаю, он приезжал ко мне вчера, - голос молодого человека приобрел усталые нотки, - Я звонил тебе, чтобы предупредить, но ты, видимо, уже спал.

- Что он тебе сказал? – откашлявшись, чтобы голос не звучал так хрипло, спросил Глеб, - Вы подрались?

- Нет, - Миша усмехнулся, - Он предупредил меня, чтобы я не смел тебя обижать.

- Не может быть, - выдохнул Глеб.

- Может. Саша переживает за тебя, хоть и ведет себя, как последняя сволочь. По этому, - в трубке раздался хлопок двери автомобиля и городской шум стих, - не обращай внимания на то, что он говорил тебе, все в порядке.

- Вот, козел! – выпалил мальчик, чувствуя, как огромный валун с оглушающим грохотом скатывается с его плеч.

- Я думал, что за столько лет совместного проживания с братом, ты это давно уже понял, - усмехнулся молодой человек.

- Понял, понял. Просто каждый раз в этом убеждаюсь вновь в своей правоте.

- Малыш, мне ехать надо, давай до вечера, - со вздохом сообщил Михаил.

- До вечера, - Глеб тепло улыбнулся в трубку, хотя Миша и не мог видеть его улыбку, но был уверен, что парень поймет, что он улыбается.

Дышать стало проще. Глеб быстро понял, что тот факт, что Саша узнал об их отношениях, вовсе не так уж плох. Теперь нет необходимости прятаться от каждой тени, бояться того, что правда выплывет наружу и Сашка устроит обоим разнос. Все уже позади и решилось весьма благополучно.

Мальчик быстро выскочил из постели и пошел приводить себя в порядок. Краснота глаз уже пропала, и ничто не выдавало утренних слез. На кухне за завтраком собрались все, кроме отца. Сладков старший был на работе. Сашка с удовольствием уплетал бледно-желтый воздушный омлет, который приготовила мама, и запивал это великолепие приторно-сладким свежесваренным кофе. Все его внимание было сосредоточено на тонкой черной пластинке электронного девайса, он даже не заметил появление младшего брата.

- Доброе утро, - Глеб легко поцеловал маму в щеку и сел за стол, ожидая и свою порцию вкусного завтрака.

- Глеб, а ты не хочешь пригласить свою девушку на ужин? - внезапно спросила мама, пристально смотря на младшего сына.

- Что?! - удивленно воскликнул мальчик, а Саша подавился глотком кофе и спрятал глаза в планшет.

- Ну, ты в последнее время ходишь такой окрыленный, - мягко улыбнулась родительница, - Мы с отцом подумали, что у тебя появилась девушка.

- Вы ошиблись, - Глеб залился густой краской и спрятал глаза в тарелке.

- Ну, пусть пока будет так, - мать снова улыбнулась и потрепала мальчика по разноцветным прядкам.

Александр вдруг ни с того, ни с чего громко засмеялся, заставив всех присутствующих вздрогнуть от громкого, не культурного ржача. А Саша всего на всего представил своего друга в легком летнем платье, чинно сидящего за их столом в компании отца.

Глеб быстро сообразил, что вызвало такой неконтролируемый взрыв эмоций, и зло посмотрел на старшего брата, чем позабавил последнего еще больше.

- Что, малой, стесняешься? Пригласи свою вторую половину на ужин, думаю, ОНА не откажет тебе в такой малости, - сквозь смех произнес Саша.

- Заткнись, - ошетинившись, прошипел Глеб.

- А то, что? Пожалуйтесь своему парню? - шепотом, прикрывая ладонью рот с одной стороны, спросил Саша, когда мама вышла с кухни.

Глеб не стал ничего отвечать на выпады злобного старшего брата, быстро доел свой завтрак и поспешил спрятаться в своей комнате до вечера, до того момента, пока не сможет оказаться в крепких и любимых руках Михаила.

Вечер заставил себя ждать, долго. Глеб не знал чем себя занять уже к середине дня. Минуты тянулись бесконечно долго, словно густой насыщенный сироп. Терпение давно кончилось, мальчик нервно ходил из угла в угол и бросал недовольный взгляд на часы, затем брал в руки телефон и смотрел время на нем, в надежде, что прошло уже больше одной минуты. Но время не желало подчиняться его воли и тянулось неимоверно долго.

«Я соскучился» - Глеб набрал короткое смс-сообщение и отправил его тому человеку, которого ждал, стремясь всем сердцем.

«Я тоже, малыш» - ответ не заставил себя долго ждать.

Глеб перевел дыхание, он получил еще каплю терпения, которого, он надеялся, хватит для того, чтобы пережить оставшиеся до встречи часы.

- Свали отсюда, - рыкнул Глеб, как только черноволосая голова брата появилась в его комнате.

- Ну, что ты шипишь, как дикий кот? - недовольно пробурчал Саша, но все же вошел в комнату и по-хозяйски устроился на кровати мальчика, - Я только поговорить пришел.

- Тебе не кажется, что ты зачастил со своими разговорами?

- Нет. Глеб, ты его любишь?

- Что-о-о-о? - мальчик опустил в кресло, стоящее возле компьютерного стола, так как ноги подкосились от удивления.

- Мишу, ты его любишь?

- Какое тебе дело? - мальчик наморщил курносый носик, Саша был последний человек, с кем он был готово обсуждать свои отношения с Мишей.

- Хочу понять..., - Саша развалился на неубранной постели и положил руки за голову, внимательно изучая потолок.

- Зачем тебе?

- Просто это удивительно, - Саша сел, скрестив ноги.

Он сам не знал, зачем затеял этот разговор, но что-то в его сознании требовало понимания. Ему необходимо было знать, что могло сподвигнуть друга сменить ориентацию. Миша никогда не заглядывался на свой пол, никогда не обсуждал парней, никогда не имел видимых гейских замашек. И если бы Саша не видел тот поцелуй своими собственными глазами, то никогда бы не поверил в то, что Миша влюбился в его брата.

- Ты идиот, - буркнул мальчик.

- Ага, а вы извращенцы. Тебе так нравится то, что происходит у вас в постели?

- Саш, иди на хер. Я не буду обсуждать с тобой это.

- Ну, ты его любишь? Можешь хотя бы на этот вопрос ответить, не строя из себя невинную девицу?

- Люблю, - кивнул Глеб только для того, чтобы брат отцепился от него со своими разговорами.

- А как ты это понял? - Саша внимательно смотрел на младшего брата, силясь прочитать ответ в синих глазах.

- Саш, уйди отсюда.

- Глеб, а вдруг меня тоже на мальчиков потянуло, а ты не даешь мне возможности разобраться в себе? - криво улыбнулся Александр.

- Саш, сходи к психологу, - хмыкнул Глеб и решил начать собираться, до того, как Миша приедет за ним осталось около получаса.

- Злой ты, - буркнул старший брат, поднимаясь с кровати.

- У меня есть, у кого поучиться, - ответил Глеб и скрылся в ванной.

Сборы прошли быстро. Глеб уже заранее продумал, что наденет на встречу. Голубые джинсы и белая футболка, несколько тонких полосок кожаных браслетов на руках, сумка через плечо, взъерошенные волосы, в цветных прядях играют лучики теплого вечернего солнца. Мальчик посмотрел на свое отражение в зеркале. Оно несмело улыбнулось и покрылось легким румянцем, сегодня Глеб хотел снова оказаться в гостях у Миши и уже совершенно не для того, чтобы просто спать в его кровати.

- Привет, - шепнул мальчик в приоткрытые и готовые для поцелуя губы.

- Привет, - ответил Миша, с трудом отрываясь от сладких мальчишечьих губ, - м-м-м, ты такой сладкий, - парень не смог сдержать то, что чувствовал, когда касался мягких ярко-розовых полос.

Глеб улыбнулся, пропуская в синие глаза светящиеся искорки, положил раскрытую ладонь на грудь парню и скользнул вниз, поглаживая твердый пресс.

- Глеб, что ты делаешь? - Миша легко отвел руку мальчика и снова поцеловал его на этот раз в самый край губок.

- Глажу тебя? - смеясь, спросил мальчик.

- Ты меня возбуждаешь, - Миша притянул своего чертенка ближе и куснул за мочку уха.

- Что тебя останавливает, чтобы насладиться этим чувством?

- Ни-че-го, - по слогам произнес Михаил, - но у нас есть еще одно большое дело, перед тем, как мы сможем отправиться домой.

Именно так, домой, не «ко мне домой». Миша сказал то, что хотел сказать. Он очень хотел бы, чтобы Глеб жил с ним и очень ждал начала учебы, тогда у него будет возможность поговорить с мальчиком и предложить переехать, ведь у него появится неоспоримая и очень весомая причина. Дом Миши находился к учебному заведению куда ближе, чем дом Глеба.

- Какое? - Глеб заинтересовался, и уперся ладошками в твердую грудь, чтобы услышать их планы на сегодняшний вечер.

- Глеб, раз Саша узнал, - Миша отстранился и задумался на несколько коротких мгновений, - Понимаешь, то, что происходит между нами не просто увлечение или праздный интерес.

Сердце мальчика забило быстрее, распространяя приятные слова по телу вместе с потоками крови.

- Это кардинальное изменение в наших жизнях, - Миша пристально всмотрелся в синие серьезные в этот момент глаза, чтобы убедиться, что Глеб воспринимает правильно то, о чем он хочет сказать, - Я не хочу жить двойной жизнью и скрывать наши чувства. Я хочу, чтобы мои друзья знали о тебе, о нас.

Глеб замер, он не верил до конца в то, что Миша решиться на такие откровения перед друзьями. Сам он был не готов признаться в своей любви так легко, хотя и осознал ее значительно раньше, чем Миша.

- Глеб, ты меня слушаешь? – уточнил парень, когда мальчик отвернулся и устремил свой взгляд куда-то далеко за окно машины.

- Да, Миш, - мальчик повернул голову и грустно улыбнулся.

- Но тебе не нравится эта затея?

- Не знаю. Мне кажется, они не поймут, - мотнул головой Глеб, отчего прядки на миг взмыли в воздух и снова легки разноцветным дождиком на голову.

- Малыш, преподносить людям такие неожиданные сюрпризы – это хороший способ проверить истинность их отношения. Настоящий друг никогда не отвернется и примет такой выбор.

- Миш, ты слишком добрый и хорошо относишься к людям, - по-взрослому серьезно произнес Глеб, - и понятия о дружбе у тебя завышенные.

- Такие, какие есть, - горько усмехнулся парень и откинулся на спинку водительского сиденья, - И если мои друзья им не соответствуют, это повод пересмотреть к ним свое отношение.

- Твое право, Миш.

- Ты не против, дать им понять, что мы не просто знакомые?

- Нет.

- Тогда поехали, - Миша коснулся щеки мальчика пальцами и завел машину.

Вскоре они вновь входили в помещение знакомой кафешки. Только теперь душа Глеба не замирала в предвкушении и ожидании увидеть любимого человека, теперь он шел рядом с ним, в качестве его парня, которого вскоре представят друзьям. Миша переплел их пальцы между собой, как только они вышли из машины и до сих пор не отпускал хрупкую ладошку, несильно сжимал, демонстрируя свою поддержку. Парень выглядел абсолютно спокойным, словно ему не предстояло почувствовать на себе несколько неодобрительных взглядов не просто посторонних людей, а тех, что являлись его друзьями и грозили вмиг перестать быть таковыми. Глеб же нервничал и не пытался скрыть этого.

- Привет, - кивнул Миша тем, кто уже сидел за столиком.

Дима, Кирилл и красавица Вера, сегодня их было немного.

- Привет, - отозвались они практически хором.

Щелкнула зажигалка, пламя лизнуло кончик длинной сигареты, Вера закурила, осматривая парней цепким, внимательным взглядом. Когда он остановился на переплетенных пальцах Миши и Глеба, глаза девушки удивленно распахнулись, но она ничего не сказала, ожидая начала представления.

Они сели за столик, дождались девушку, которая обслуживала этот столик сегодняшним вечером. Миша заказал чашку кофе.

- Что ты будешь? - спросил он, повернув голову в сторону Глеба, который усердно грыз нижнюю губу, пытаясь унять нервную дрожь во всем теле.

- А? Кофе, - не думая, ответил он и его глаза вновь начали перескакивать с одного лица на другое.

- Где твой старший брат, малыш? - лениво спросил Кирилл, жадно затягиваясь.

- Не знаю.

- Он скоро придет, - вместо Глеба ответил Дима, скользя пальцем по гладкому экрану телефона.

После этих коротких фраз повисло напряженное молчание. Кирилл пускал в потолок колечки белого дыма, Дима, кажется, был поглощен своим телефоном. Миша не знал, как начать разговор и привести его в нужное русло, Глеб просто слишком нервничал, да и не о чем ему было разговаривать с этими людьми, они друзья Саши и Миши, не его. Вера же не спускала глаз с их пары, сигарету девушка положила на край пепельницы и теперь она тлела, отравляя и без того тяжелый воздух, никотином.

- Вы вместе? - не справившись со страшной силой, именуемой женским любопытством, спросила Вера.

- Да, - усмехнулся Миша.

О чем они говорят, понимали только эти двое и Глеб, парни так и остались увлечены своими занятиями.

- То есть, как пара? - глаза девушки стали еще больше и теперь она выглядела, как дечонка из мультлика-анимэ.

- Именно, - кивнул Миша, а радостная улыбка продолжала расползаться на его красивом лице.

- Ух ты! - Вера подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши, ее эта ситуация явно умиляла.

- Педики, - бросил Кирилл, презрительно кривясь, но, в общем-то, ему было все равно с кем спит Михаил.

- Похвально, - усмехнулся Дима, поднимая голову и окидывая их взглядом серых глаз, спрятанных за тонкими стеклами стильных очков.

- Ты знал? - спросил Миша, заметив, что парень не сильно удивился этой новости.

- Был вчера свидетелем Сашкиной истерики, - грустно улыбнулся парень, отложил телефон на гладкую деревянную поверхность стола и потер переносицу.

- Даже так?

- А ты думал, кто его таким спокойным к тебе привез?

- Спасибо, тогда.

- Да не за что, - Дима махнул рукой.

- Уже поделились радостной новостью? - сквозь гул голосов других посетителей и звон посуды, послышался голос Саши, наполненный какой-то вселенской усталостью.

- Привет, Саш, - на его появление отреагировал только Дима, послав парню грустную полуулыбку.

- Глеб, ты пригласил Мишу на ужин? - поддел парень вмиг вспыхнувшего младшего брата.

- Какой ужин? - переспросил Миша, а Глеб отвернулся к стене, не желая разговаривать с желчным братишкой.

- Мама просила Глеба привести на ужин свою девушку, не хочешь сходить, Миш? - продолжал издеваться Саша.

- Саш, оставь их в покое, - неожиданно вмешался Дмитрий.

- Миш, поехали домой, - шепнул Глеб на ушко своему парню, слегка задев кончиком розового язычка самую кромку уха.

- Поехали, - Миша подарил ему ласковую и многообещающую улыбку и легко дернул за бордовую прядку.

- Не забывайте предохраняться, детки, - напутственно произнес Саша им вслед, за что получил сильный подзатыльник от Миши.

Глава 9.

- Зачем ты цепляешься к ним? - недовольно спросил Дима, когда дверь кафе закрылась за Мишей и Глебом, чьи руки вновь переплелись и не желали отпускать одного от другого дальше, чем на расстояние одного шага.

- А должен пожать руки и пожелать счастливой семейной жизни? - Саша скомкал в руках салфетку и с раздражением бросил ее на стол.

- Я бы вообще на твоём месте Михе морду набил, - Кирилл поднялся из-за стола и бросил на него несколько сотенных купюр.

- А я согласна с Димой, это не наше дело, пусть будут вместе, если любят, - Вера, наконец, выкурила новую сигарету, размышляя о крутых поворотах судьбы.

- И ты туда же? Какая, к черту, любовь? - вскипел Александр.

- Такая, - девушка перегнулась через стол, чтобы не повышать голос и не кричать на все помещение кафе, - когда ждешь встречи с этим человеком, отсчитывая секунды, когда единственное, что ты хочешь видеть - это его глаза, когда хочешь чувствовать только его прикосновения, когда этот человек становится воздухом, пищей, водой, смыслом твоей жизни.

- Вер, ты несешь бред, - скривился Саша, представляя, как Миша с трепетом держит его брата за руку и преданно заглядывает в глаза.

- Угу, бред. Просто ты бестолковая, эгоистичная сволочь, Саш.

- Ну, спасибо, - Саша усмехнулся.

- Саш, ты сам сказал, что никогда не любил, зачем тогда споришь? - Дима говорил спокойно, но внутри кипел от злости и ярился, его бесило нежелание Саши хотя бы сделать попытку, чтобы понять чувства брата и друга.

- Да, ну вас! Любители педиков! - отмахнулся Саша и откинулся на спинку стула, понимая, что спорить с этими двумя бесполезное занятие, а Кира и след простыл, пока он препирались.

- Дурак! - бросила девушка, - Глупый, слепой и недалёковидный дурак! - Вера легко поднялась со своего места, забросила на плечо маленькую бледно-розовую сумочку и направилась в сторону выхода.

- Ее я могу понять, она - женщина, ей свойственна сентиментальность, - Саша встал со стула и пересел на диван к Диме, чтобы было проще разговаривать в заведении, в котором шум и гул голосов нарастали с каждым новым посетителем, - но ты, Дим. Почему ты их защищаешь?

- Потому что я люблю, Саш и знаю каково это сгорать в своих чувствах, в невозможности подарить их человеку, который будит огненный ураган в душе, - произнося эти слова, Дима придвинулся еще ближе, чтобы поведать свою тайну другу на самое ухо.

Теперь парни сидели настолько близко друг к другу, что их руки, бедра, ноги соприкасались, от Димы шел жар, не тепло, а именно жар, горячий, обжигающий, посылающий по телу толпы мурашек, которые перекатывались маленькими искорками, вспыхивающими в самых неожиданных местах. Саша поерзал и отсел, смущаясь такой близости блондина.

- И какая дурочка не отвечает тебе взаимностью? - Саша решил перевести все в шутку, атмосфера вокруг них слишком накалилась, мешала дышать сильным давлением на области груди.

- Есть одна слепая личность, - улыбнулся парень, но улыбка вышла грустной, отражающей глубокую боль, что терзает сердце уже не один месяц.

Кто бы знал, насколько Дима сейчас завидовал Глебу. Его смелости, целеустремленности, решительности. Диме очень не хватало именно этого, он не мог осмелиться, даже намекнуть Саше о своих чувствах, а теперь, после того, когда он узнал, как Саша относится к таким парам, он вообще никогда не сможет об этом даже заикнуться. Лучше быть просто другом, чем тем, кого отвергли. Дима тяжело вздохнул. Такая близость Саши, они ведь остались вдвоем, одновременно наполняла сердце радостью и разрывала его на множество ноющих осколков.

- А как насчет того, чтобы признаться?

Саша не мог понять, как случилось так, что Дима страдает от неразделенных чувств. Кто угодно, только не этот парень. Дима же он такой, такой... Стильный, красивый, богатый, с чудесным характером, человек, который способен свернуть горы и покорить моря. Надо быть глупой болонкой, чтобы отвергнуть его. Взгляд Саши еще раз скользнул по лицу, фигуре друга. Задержался на серо-стальных глазах, спрятанных за тонкими стеклами, под правым красовалось маленькое пятнышко. словно некий художник ткнул в это место тонкой кисточкой с темно-коричневой краской. Тонкие губы, были сейчас плотно сжаты, вытянувшись в две ниточки, Дима о чем-то напряженно думал. На подбородке аккуратная ямочка, притягивающая взгляд, светлая щетина едва углядывается на правильном лице, и белые от природы волосы, стильно подстрижены и уложены. Он идеален, всегда во всем, в любом месте. Саша усмехнулся, наверняка даже, когда друг спит, на его голове идеальный порядок и волосок лежит к волоску, опасаясь выбиться и прически.

- Не тот случай, Саш, - наконец, произнес Дима, - и оставь своего брата с Мишей в покое, - перевел тему Дима, не желая больше говорить о себе.

- Я их не трогаю, - фыркнул Саша.
- Трогаешь, - не согласился блондин, - просто сделай вид, что ничего не знаешь.
- Но Дим, я знаю, знаю! - Саша повернулся к Диме лицом и с силой сжал руку друга.
- Ты так и не понял, что тебя коробит больше всего в этой ситуации? - спросил Дима холодным тоном, но руку не одернул, позволяя Саше хвататься за нее, как за успокоительную веточку.
- Глеб, - выдохнул Саша.
- Считаешь, что твой младший братишка еще слишком мал?
- Нет, ты не понимаешь..., - брюнет вздохнул, разжал сведенные судорогой пальцы и откинулся на спинку диванчика, - рано или поздно они спялятся, Миша не будет скрывать этих отношений, он вообще до идиотизма прямой человек. А когда отец узнает о них, то он просто убьет Глеба. И не могу сказать, что выражаюсь сейчас в переносном смысле.
- Волнуешься за него? - Дима немного улыбнулся, понимая, что такое отношение вызвано переживанием за будущее брата, а не тем, что Сашку тошнит от отношений между мужчинами.
- Да, черт возьми, пусть и никто из них мне никогда не поверит, - брюнет потер глаза.
- Тогда просто сделай так, чтобы их секрет таким и оставался, как можно дольше.
- Дим, какой тебе интерес в этом? Почему ты постоянно защищаешь их?
- Я тебе уже говорил, что любой достоин права на счастье, и если он счастлив вместе, не считаю правильным им мешать.
- Ты, как всегда, логичен и тактичен, - рассмеялся Саша, положив руку другу на плечо.
- Саш, пойдем, прогуляемся, здесь душно, - Дима дернул плечом, скидывая руку друга, ибо от нее волнами побежало тепло, граничащее с возбуждением.
- Пошли, - Саша первый поднялся из-за стола и положил на стол несколько крупных купюр, покрывающих их заказ и чаевые для ненавязчивой девушки - официантки.

На улице оказалось, действительно, намного свежее. Спертый воздух небольшого заведения, напрочь пропахший никотином и пропитавшийся запахом чужих тел, заменила вечерняя

прохлада, наполненная ароматами большого города. Но к этому воздуху парни уже давно привыкли и не замечали удушливых выхлопов машин, запаха нагретого за день асфальта, бетона и стекла. Они даже не посмотрели в сторону своих одиноко стоящих в ожидании владельца автомобилей, а пошли в другую сторону, наслаждаясь сумерками, опустившимися на город. Тона притихли, наполнились сине-сиреневой гаммой. Местами вечерние цвета разбавляли яркими красками фонари, вывески, витрины магазинов, проезжающие мимо машины резали фарами воздух, словно торт большим ножом.

- Зайдем в магазин? - спросил Дима.

- Зайдем, ты что-то хочешь или просто так?

- Хочу, - парень кивнул с серьезным лицом, - бананов, - Дима рассмеялся и зашел в раздвижные двери одного из сетевых супермаркетов.

Сладков только покачал головой и последовал за другом. Искомое нашлось очень быстро. Яркие желтые длинные плоды банановых пальм лежали грудой в большой коробке. Дима выбрал небольшую связку, завесил и направился в сторону касс.

После магазина молодые люди завернули в сторону парка, небольшого, чудом как появившегося в этом мире бетона, мире высоких зданий и вечно спешащих жителей.

Конец лета. Дыхание осени еще не ощущалось днем, когда город был залит солнечным светом, но вечером чувствовался прохладный осенний ветерок, забирающийся под тонкую ткань одежды, темнело рано, и люди исчезали из тихих мест, оставляя их в полном одиночестве. Парни не стали углубляться далеко в парк, а расположились на третьей по счету лавочке, в пятне света от одинокого фонаря. Дима сел и наполовину очистил от кожуры длинный желтый плод, а затем засунул его в рот, смакуя и посасывая. Он еще в детстве полюбил есть бананы именно так, сначала слизывать беловатый налет, а потом наслаждаться сладкой серединой.

Саша перевел взгляд на друга и едва не поперхнулся, от соблазнительной картины. Дима не делал этого намеренно, парень просто наслаждался любимым фруктом, прикрыв глаза.

- Дим, ты можешь есть по-человечески? - буркнул Саша, с трудом отводя взгляд.

- М-м-м? - блондин непонимающе посмотрел на друга.

Чем ему не угодила его манера есть бананы? Но, видимо, брюнета, и правда, это задело. Глаза, светящиеся особенно насыщенным синим светом в искусственном освещении, горели как-то особенно странно, руки парень засунул в карманы, оттягивая джинсы, а нижняя губа закушена. Дима предположил бы, что парень возбужден и пытается это от него скрыть, если бы не знал, что такого быть не может.

- Съешь его уже, - брюнет отвернулся.

Дима только передернул плечами и расправился с лакомством, выкинув ярко-желтую кожуру в мусорный бак.

- Интересно, как это целоваться с парнем? - спросил Саша и вечерней темноты.

- Хочешь узнать? - Дима сам ошалел от своей смелости, но слова уже вырвались из его рта.

Парень встал и подошел к Саше вплотную со спины, облизал сладкие губы и замер, дыша через раз. Любимый человек так близко, еще маленький шаг и он сможет прижаться к нему всем телом. Но сделать этот шаг Дима боялся еще больше, чем признаться Саше в своих чувствах.

- Что если хочу? - брюнет резко развернулся и столкнулся со стальными глазами.

- Вот что, - выдохнул Дима уже в Сашины приоткрытые губы, а в следующий миг сократил разделяющее их расстояние.

Он прижался к Сашиным губам, провел языком по нижней, втянул ее в рот и слегка сжал зубами. Саша весь сжался, стиснул кулаки, но не отталкивал парня и не отстранялся сам. Ему было любопытно и приятно, черт возьми, от прикосновения губ друга не тошнило, он не вызывали гадливости, более того, хотелось продолжить. И Саша поддался своим желанием, приоткрыл рот, чем Дима незамедлительно воспользовался, проникая кончиком языка внутрь, провел по ровным белым зубам, углубил поцелуй, коснулся неба, а затем и Сашиного языка, приглашая присоединиться к игре. Саша сделал и это шаг, больше не думая ни о чем. Руки взлетели вверх, оплетая шею блондина, поглаживая короткие волосы на затылке. Поцелуй в итоге вышел горячим и страстным настолько, что Саша сам испугался запретного возбуждения, прокатывающегося мягкими бархатными волнами по телу. Губы Димы были сладкие от фрукта, дыхание горячим, от тела исходил еще более дикий жар. Казалось, что он что-то сжигает внутри, заставляет все пылать диким, ревушим и яростным пламенем.

- Твою мать, - шепотом выругался Саша, отступая на шаг и разрывая этот нереальный, неправильный поцелуй.

- Противно? - зло и как-то по-детски обиженно спросил Дима.

- В том и дело, что нет, - Саша развернулся и направился к выходу из парка, надеясь каждой частью своей души, что Дима не последует за ним.

Брюнет вылетел из парка, направляясь в сторону брошенной машины. Сейчас он сядет за руль, поедет домой, прочь от незваных ощущений, прочь от воспоминаний. Ничего не было. Не было поцелуя, не было возбуждения, не было тепла, исходящего от Диминых губ, не было его языка

во рту, не было Сашиних рук, оплетающих крепкую шею, не было сильного тела, прижимающего его к себе. Не было пресловутых бабочек в животе, размахивающих своими гигантскими крыльями и разгоняющих сладкую патоку желания по всему телу, не было сбившегося дыхания и желания раствориться в этом блондинистом парне. Не было НИЧЕГО.

Пискнула сигнализация, хлопнула дверца дорогой иномарки, и машина сорвалась с места, подрезая ярко-красную малолитражку, взвизгнули тормоза, машина замерла на светофоре, но ее водитель никак не мог успокоиться и восстановить свое дыхание. Саша постоянно облизывал губы, он сам не знал, зачем это делал, для того, чтобы еще больше распробовать вкус Димы или же слизать остатки этого бесшабашного поцелуя. Господи, почему так дрожат руки? Почему дрожат ноги, грозя соскочить с плоских черных педалей? Почему дрожит все тело, а сердце никак не может биться в нормальном и привычном для него ритме?

Тишину салона разорвала настойчивая мелодия телефона. Саша перевел взгляд на аппарат. Так и есть звонил Дима. Парень врубил музыку, заставляя колонки хрипеть и захлебываться от высокой громкости. Все, для того, чтобы не слышать настойчивую трель. Саша подъехал к дому, припарковался на единственном свободном месте, выключил музыку и вытащил ключ-карту из замка зажигания, а телефон все звонил, прерываясь только на короткое мгновение, чтобы затем вновь разорвать тишину. Дима настойчив, как всегда.

- Да? - коротко и четко, чтобы дать понять собеседнику, что его не рады слышать.

- Саш, забудь, ничего не было, - произнес Дима хриплым голосом, наполненный такой смесью эмоций, что Саша не мог разобрать ни одной.

- Уже забыл, - сердце, наконец, перестало стучать в ушах, разрывая перепонки.

Знал бы Саша, как дались блондину эти слова, то, возможно, отказался бы от принятого решения выкинуть их поцелуй из жизни, как ненужный мусор.

Раз за разом набирая номер друга, Дима продолжал сидеть на той самой лавочке, ломая свою сущность, переступая через все мечты и желания, кроша кости своей любви, которая еще и не начинала жить, но уже была обречена на смерть, мучительную и долгую. Одна рука блондина держала телефон, держа его возле уха, чтобы слушать методичные гудки, вторая же сжимала древо лавочки до такой степени, что оно крошилось в руках, впиваясь занозами в ухоженную гладкую кожу.

- Дим, прости это я идиот, - Саша откинул голову на кожаное сиденье, - дурной пример - он заразительный. А Глеб, Глеб не самый лучший образчик для подражания.

- Ок, Саш, прожевали, проглотили, переварили, - Дима старался улыбаться и добавлять в голос нотки веселья и шутки, но получалось плохо. Он не знал, понимал ли Саша его интонацию, но с трудом боролся с собой, чтобы не вывалить на парня всю правду со злости и обиды, цветущие у него в душе прекрасными лилиями.

- Увидимся на выходных, - произнес Сладков и сбросил вызов.

Главное не думать, запретить себе возвращаться к тем чувствам и ощущениям, что он испытал при этом поцелуе.

- М-м-м, Глеб, ты хочешь чай или кофе? - спросил Миша, пристально глядя на своего парня, сидящего на его кровати.

- Нет, Миш, иди сюда, - мальчик протянул к нему обе руки.

Миша подошел, оперся на колено между ног Глеба, наклонился и коснулся сладких, манящих губок. Глеб же не хотел терять ни минуты, физически ощущая, как свободное время уходит сквозь пальцы. Мальчик быстро обвил руками шею и потянул Мишу на себя, падая на спину, на кровать. Миша только усмехнулся и увеличил напор, проскальзывая языком в сладкий ротик, глядя руками извивающееся тело. Глеб выгнулся и простонал, требуя еще более настойчивой ласки.

- Миш, хочу, не могу ждать, - выдохнул он, закидывая ноги за спину парня, и переплетая их, чтобы удержать парня на себе.

- Глеб, ты портишь весь момент своей торопливостью.

- Миш, пожалуйста, - Глеб распахнул синие глаза.

Парень рассмеялся, отстранил от себя цепкие ручки, подцепил край футболки и рывком оголил торс, затем настала очередь джинс, их Миша стащил вместе с нижним бельем, услаждая свой взгляд видом обнаженного мальчика. Его бурно вздымающейся грудью, плоским животом, с напрягшимися мышцами, стройными длинными ногами и прижимающимся к животу твердым членом, тонким, но длинным, головка доставала практически до пупка, пачкая белую кожу прозрачной смазкой.

- Глеб, ты восхитительный! - прошептал парень и наклонился, чтобы лизнуть сосок.

За ним следующий, Миша втянул упругую горошинку в рот и слегка пососал, вырывая нетерпеливый стон. Парень проложил мокрую дорожку по животу, лизнул головку, размазывая во рту вкус Глеба.

- Невероятный, - снова похвалил он, прежде, чем взять его плоть в рот.

Глеб застонал и выгнулся навстречу жаркому рту, стараясь погрузиться еще глубже. Руки комкали тонкое покрывало, сминая мягкую ткань.

- Миш, хочу! – снова потребовал Глеб, извиваясь и борясь с рвущимися громкими неприличными стонами.

Миша ничего не ответил, не хотел отрываться от своего занятия, настолько увлекательного и занимательного. Парень не хотел останавливаться, он хотел продолжать слушать стоны Глеба, хотел погружать его плоть в рот раз за разом, хотел играть с налитой головкой языком, но оторваться все же пришлось. Миша дотянулся до тумбочки, куда заранее положил тюбик со смазкой, выдавив немного себе на пальцы, он вернулся к понравившимся ласкам. Член мальчика снова исчез в его рту, а пальцы медленно размазывали вязкую субстанцию вокруг дырочки.

- Сладкий, мой, - прошептал Миша в область пупка, прикусил нежную кожу и ввел в тело Глеба один палец.

- Нн-н-н, Миш! – выстонал Глеб, сам опускаясь на палец, требуя большего каждым движением, каждым стоном и громким вздохом.

Миша не стал тянуть и как только палец свободно заскользил в жаркой глубине, добавил второй. Еще несколько скользящих движений и Миша погрузил три пальца. Теперь он не ласкал плоть мальчика, он не мог оторвать взгляда от лица Глеба. Пряди разметались по светлой ткани покрывала, на лбу выступили мелкие капельки пота, в руках зажата измятая ткань, губы то распахиваются, чтобы выпустить изо рта громкий стон, то смыкаются вновь. Глеб периодически закусывает нижнюю губу и уже искусал ее до крови. Миша подтянулся и поцеловал мальчика, втягивая в рот пострадавшую губку, лаская ее языком и слизывая солоновато-металлическую жидкость. Глеб жадно ответил на поцелуй, бросаясь в омут с головой, желая большего, требуя от Миши всего и сразу. Он хотел, хотел, хотел принадлежать своему парню, чувствовать его в себе, отдаваться этим рукам, губам, ласкам, которые они дарят. Глеб приподнялся и впился зубами в Мишину шею, оставляя на ней красный след, помечая своего парня, чтобы все знали, что он только его и ни чей больше.

Миша с трудом разорвал их поцелуй, чтобы резким движением перевернуть Глеба на живот, приподнять бедра и приставить изнаывающий член к сжатому мокрому входу. Толчок и он погрузился в тесную глубину, наслаждаясь теплом и мягкостью, сомкнувшимися вокруг его плоти. Глеб застонал, немного сжался под ним и замер.

- Потерпи, малыш.

Миша поцеловал спинку, проложил дорожку из поцелуев по позвоночнику, слегка поднялся вперед, погружаясь еще глубже, и прикусил шею, там, где начинали расти короткие черные волоски. Глеб шевельнулся под ним, еще больше выпячивая попку, раскрылся, расслабился, позволил продолжить.

Резкие и быстрые толчки сменялись медленными и тягучими, грубые ласки сменялись нежными, по телам, слившимся воедино, прокатывались то волны нестерпимого жара, то ледяные цунами, остужающие пыл и страсть, дающие возможность сделать вдох, впустить в

грудь кислород, разбегающийся по венам, перемешивающийся с удовольствием и наслаждением, которыми были заполнены все части тела. Чувствуя, что Глеб больше не способен сдерживаться, Миша вышел из него, перевернул мальчика на спину и вновь оказался в нем на всю длину. Ноги Глеба оказались за его спиной, он выгнул спину, раскрываясь еще больше, позволяя протиснуться в себя еще глубже. Миша провел руками по его телу и снова медленно толкнулся вперед. Глеб распахнул закрытые до этого глаза и особенно громко застонал.

- Миш, сделай так еще раз, - прохрипел он.

Миша сделал, медленно вышел и толкнулся обратно под тем же углом.

- Господи! - взвыл Глеб, выгибаясь, раскидывая ноги в стороны.

- Так хорошо? - спросил парень, прекрасно зная ответ на этот вопрос.

- Миш, еще!

И Миша сделал еще, а потом еще и так раз за разом, пока гибкое тело мальчика под ним не забилося в сладких судорогах, выплескивая на живот и грудь, белесые капельки спермы. Зрелище то еще. От такой картины Миша сам не смог сдерживаться ни секунды более, а теснота вокруг его члена стала невероятно жаркой, обжигающе горячей, невыносимо приятной.

- Миш, мне домой пора, - Глеб оторвался от рисования только ему понятных рисунков на груди парня.

- Остайся, - просил Миша, мало веря в то, что мальчик согласится, но ему так не хотелось отпускать своего чертенка.

- А что я родителям скажу?

- Ну, у тебя же вроде девушка появилась, весомый повод не находишь? - парень легко коснулся искусанных пухлых губ.

Глеб со вздохом взял телефон и набрал номер матери. Если отпрашиваться, то только у нее. Миша встал и решил сварить кофе, пока Глеб рассказывал родительнице сказки о том, что он хочет остаться у девушки, и что ее родители уехали куда-то на всю ночь.

- Мне никогда еще не было так стыдно врать маме, - покаялся Глеб, вставая за спиной и касаясь, поцелуем Мишиного плеча.

- Почему?

- Потому, что моя ложь еще никогда не была столь неправдоподобной, - хрипло рассмеялся мальчик.

- У нас вся ночь впереди, чтобы сделать ее таковой, - Миша развернулся и заключил Глеба в объятия, нежно целуя.

Глава 10.

Последняя суббота перед началом учебы, последняя суббота лета. Миша открыл глаза и осторожно потянулся, чтобы не потревожить сладкий спокойный сон Глеба, устроившегося на его груди. Рука мальчика покоилась поперек живота, а одна нога была перекинута через Мишины ноги. Парень только усмехнулся и легко коснулся поцелуем разноцветных прядок. Чертенок. Миша осторожно освободился от тесных объятий и встал с кровати. С него завтрак в постель, но первым делом душ. Они уснули уже в утренние часы, когда солнце показало свой край из-за горизонта, пробуждая спящий город, усталые и изнеможенные, удовлетворенные и вымотавшиеся, сил на принятие водных процедур не было ни у кого.

Слегка холодноватая вода приятно ласкает кожу, скатываясь светящимися капельками по всему телу, гель для душа кажется особенно ароматным, да и вообще, весь мир выглядит ярче, насыщенней, блистательней. Все на отметке – лучше быть не может. А все только из-за того, что в его постели спит черноволосый мальчик, дарящий ему свое тепло и любовь. Глеб сам шептал слова признания между поцелуями и Миша был уверен в том, что это не просто порыв под давлением возбуждения, эти слова шли из самого сердца, проходя насквозь душу мальчишки. Парень сам был готов признаться в ответных чувствах, но все же пересилил себя и решил сделать это в более торжественной обстановке, а не в постели, когда его плоть движется внутри тела объекта любви.

Миша закрутил краны и выбрался из душевой кабины, преследуемый клубами молочно-белого пара. Овальное зеркало отразило его лицо с темной щетиной и мокрые, взъерошенные волосы, с которых потоками стекала вода. Парень снял с крючка еще одно полотенце и вытер волосы, устраивая на голове полнейший хаос. На шее красовались красные пятна небольших засосов и синеватые следы зубов, такие украшения плавно спускались на ключицы, грудь и живот. Миша и не предполагал, что в его мальчишке скрывается такой ураган кипучей страсти. Ласковая улыбка выползла на лицо. Миша взял с полки гель для бритья и тщательно растер белую массу по лицу, он не хотел случайно оставить красные следы на личике Глеба, поэтому от щетины следовало избавиться. Парень распахнул дверь в ванну и приступил к бритью, весело напевая про себя мотивчик незамысловатой песенки. Едва не порезаться безопасной бритвой Мишу заставил звонок в дверь. Он не боялся, что мелодичная трель разбудит Глеба, мальчика может сейчас поднять на ноги только взрыв атомной бомбы и то не факт. Но кто мог прийти в такую рань в субботу? Разве что Сашка заявился, желая проверить, что он вытворял с его младшим братом всю ночь.

Полностью уверившись в этой мысли, Миша резко распахнул дверь квартиры, остолбенев на пороге. Из-за железной перегородки на него смотрели улыбающиеся родители.

- Привет, родной! - весело махнула ухоженной ручкой женщина с темными, как у Миши волосами, струящимися тяжелыми кудрями до плеч.

- Мам, пап, - выдохнул Миша, стремительно делая несколько шагов назад, чтобы впустить незваных гостей.

- Сюрприз, - улыбнулся отец.

Миша едва успел поймать ускользающее полотенце. Такого сюрприза он никак не ожидал. А уж, какая неожиданность ждет их самих! Родители вошли, поставив небольшой чемодан у входа.

- Сынок, мы с дороги, голодные, - обрадовала мама.

- Угу, - Миша зашел в ванную, одел домашнюю одежду и вернулся на кухню.

Мама уже сама стояла возле плиты, намешивая в большой прозрачной миске яйца и молоко для омлета. Отец сидел на диване, прихватив с полки какой-то журнал.

- Миш, мы не вовремя? - спросил он, кивнув в сторону закрытой двери спальни.

- Да, нет, все нормально, - парень через силу улыбнулся, не выгонять же родителей со словами, что он не один.

Молодой человек подошел к маме, отобрал у нее сковородку с нагретым маслом и сам занялся приготовлением завтрака, лихорадочно соображая, как ему выпутаться из сложившейся ситуации. Посему выходило, что никак. Скоро проснется Глеб, и придется рассказать родителям правду, об их сменившем ориентацию, сыне. По помещению поплыл аромат жарящегося омлета и запах вареного кофе, где-то забормотал телевизор. Миша не замечал ничего вокруг, ожидая момента истины.

Когда завтрак был готов, парень решил опередить события и сам рассказать гостям все об изменениях в своей жизни, но не успел. Дверь в комнату открылась, и на пороге показался заспанный Глеб. Миша выдохнул, слава Богу, что не голый. Мальчик одел на себя только джинсы и сладко потягивался стоя в дверях. В голове стучали барабаны, выводя какой-то марш. Миша глупо хихикнул.

- Доброе утро! - радостно крикнул он, не сходя с места.

Глеб опустил руки, обвел взглядом комнату и замер с распахнутым в зевке ртом. Синие глаза удивленно смотрели на окружающий мир, а сонный мозг пытался понять, что здесь делают еще два совершенно незнакомых человека. Взгляды родителей переключались то на чужого юношу, то на сына, стоящего с турчанкой в руках и глупой улыбкой безнадёжного идиота на

лице.

- Миш? - произнесла мама, но тут же замолчала, не зная, что говорить дальше.

Миша понимал, что мог бы легко спасти ситуацию, сказать, что Глеб брат Сашки и случилось так, что переночевать ему пришлось у него, но врать совершенно не хотелось. Будь, что будет. Он быстро пересек разделяющее их с мальчиком расстояние, наклонился и поцеловал, нежно, без намека на былую страсть, только для того, чтобы сказать «держись».

- Mam, pap, это Глеб, мой парень, - с последними словами он захлопнул крышку саркофага, в котором они с Глебом в ближайшие секунды будут похоронены, судя по налившемуся яростной краснотой лицу отца.

- Твой кто? - уточнила мама, прикрыв рот ладонью.

- Парень, мам. Возлюбленный, любовник, называйте, как хотите, - он обнял Глеба и стиснул его плечо.

- А-а-а, давайте завтракать тогда, - натянуто улыбнулась женщина.

- Пойду, оденусь, - это были первые слова, которые смог произнести пораженный до мозга костей Глеб.

Такого веселого утра он не ожидал. Мальчик быстро спрятался в спальне, словно эта комната превратилась в непробиваемый бункер, способный уберечь от разрушительного торнадо, который, вероятно, сейчас начнется за этой самой дверью. Глеб ошеломленным взглядом отыскал свою футболку, сиротливо лежащую около кровати, надел ее и сел на перевернутое ложе, опасаясь возвращаться к Мише и его родителям.

- Парень, значит? - ухмыльнулся отец.

- Значит, - Миша стоял на месте, готовый защищать себя, своего чертенка и свое право на счастье до последней капли крови.

- Миш, зови его, давайте садиться за стол, - женщина уже быстро расставила тарелки и разложила на них бледно-желтую массу.

Наташа, как могла, пыталась разрядить обстановку, но сердцем чувствовала, что муж не сделает вид, будто все так, как должно быть. Не простит единственному сыну, наследнику таких выкрутасов.

- Я не собираюсь сидеть за одним столом с его шлюхой! - рыкнул отец в тот момент, когда

дверь спальни распахнулась, и появился уже одетый Глеб.

Парень распахнул рот от неожиданности, слышать такие слова в свой адрес было весьма неприятно, но и высказать что-то этому сильному и властному мужчине язык не поворачивался.

- Пап, не смей так говорить, - голос Миши больше походил на утробное рычание, тихое, медленное, опасное и сам парень выглядел, как оцетинившийся волк, готовый броситься на врага в любой момент.

- Рот закрой! - вспыхнул мужчина, - Я даже видеть эту мразь не хочу!

Миша сделал шаг в сторону отца, сжимая кулаки, борясь с собой. Поднять руку на отца - неправильно, непростительно, но и оскорблять Глеба в его присутствии нельзя.

- Миш, отвези меня домой, пожалуйста, - тихо произнес Глеб, удерживая парня за руку.

Он не мог не вмешаться, хотя задетое самолюбие требовало отмщения. Но не так, не таким способом.

Мгновение и парни вышли из квартиры. Миша вызвал лифт, все еще умиряя свой гнев, и только когда двойные створки закрылись за их спинами, заметил, что по щекам мальчика течет горячая влага, которую тот пытается стереть рукой, чтобы он не увидел этих слез. Парень нажал на кнопку «стоп» и кабина послушно замерла между этажами.

- Эй, малыш, ну, что ты? - парень прижал мальчика к себе, поцеловал в мокрые, соленые губы, стер капельки со щек, поцеловал и их.

- Миш, не надо сейчас, все нормально, просто неожиданно, - хрипло сказал Глеб, голос дрожал, обида растекалась внутри груди.

Что он сделал, чтобы заслужить такое отношение к себе? За что эти обидные слова?

- Я поговорю с ними, хотят или нет, но мой выбор им придется принять.

- Ты как всегда, веришь в лучшее, - горько усмехнулся мальчик, наконец, справившись с ручьями слез, - вернись в реальность. Ни один родитель не примет этого.

- Ты просто мне поверь, хорошо? - Миша подцепил мальчика за подбородок и снова поцеловал.

Через полчаса Глеб уже был дома. Всю дорогу они молчали. Не хотелось обсуждать утренний

инцидент. Но Глеб стал кое-что осознавать. И чем больше он вспоминал эти события, тем дальше улетали розовые очки, которыми были занавешены его глаза. Он не знал, в каких отношениях Михаил со своими родителями, но раз они могут наведаться к тому в гости, вот так, без предупреждения, то, наверняка, в хороших. Но скандала избежать не удалось, не удалось усмирить гнев раздосадованного отца, не удалось стереть беспокойство и горечь с лица матери, пусть эта милая женщина и пыталась вытащить ситуацию из конфликта. Рано или поздно вести об их с Мишей отношениях дошли бы и до его родителей, что произошло бы в этом случае, даже представлять не надо. Глеб прекрасно понимал, что с ним поступили бы по принципу «я тебя породил, я тебя и убью».

Хорошо, что удалось проскочить мимо внимания мамы, она не смогла бы не заметить, что его душа скомкана в тугой комок. Так отвратительно плохо ему не было никогда в жизни. Сказка кончилась, вернулась жестокая реальность, в которой нет места их с Мишей паре. Дверь спальни, как всегда, отрезала от остальных домочадцев, прятала от их пристальных взглядов и вопросов, жаль, что так же просто нельзя спрятаться от собственных проблем. Просто закрыть створку и оставить их снаружи, укрывшись в теплом и уютном мирке, где не существует ничего, кроме любви, счастья и возможности быть с любимым человеком, прикоснуться к нему, дышать одним воздухом на двоих, целовать его вздохи, греться в его объятиях и дарить свой свет и свои чувства в ответ.

Мальчик лег на кровать, спрятав лицо в подушке, потекли бесконечные минуты. До чего, к чему? Неизвестно. Просто время не пожелало останавливаться и дать обыкновенному человеку все обдумать. Слезы жгли глаза, мочили приятную гладкую ткань, впитывались в синий прямоугольник, не оставляя следов на белой коже лица. Плечи не вздрагивали, грудь не перехватывало от невозможности сделать вдох, ее не сжимали рыдания, только слезы, вмиг исчезающие в ткани. Решение пришло само собой. Принято и не будет возврата. Нет дороги назад. Нельзя вернуться в сказку, которую ты написал самостоятельно, когда тебе показали окружающую действительность. Сердце медленно умиряет свой бег, кровь остывает, густеет в венах. Все становится таким ясным, понятным и очевидным, что Глеб сам не осознает, почему верил во что-то другое, почему надеялся? Разве не было понятно с самого начала, как все закончится? Понимал, но все равно хотел проверить, убедиться? Что же, это случилось. Ясность холодным кристаллом взрывается в голове, отравляя, рана головной мозг, он отзывается сильнейшей болью, из-за которой мир меркнет, ускользает, затягивает в другое измерение. Сон – защита организма от стресса, накрывает незаметно, укутывает своими черными жесткими крыльями, чтобы отбросить боль, подарить передышку. Глеб уснул, продолжая прятаться в мягкости подушки, словно она способна защитить от упавшей плиты горькой правды жизни.

Миша еще никогда не вел машину так резко, кидая автомобиль из полосы в полосу, никогда не было такого, чтобы он не считался с другими участниками дорожного движения. Но сейчас ему было плевать и на других автомобилистов и на правила дорожного движения, которые он мог и среди ночи рассказать наизусть. Хотелось, как можно скорее, добраться до дома, высказать отцу все, за обидные слова в адрес его чертенка, переубедить, доказать, что он не прав.

- Какое право ты имел, так о нем говорить, если видишь в первый раз в жизни?! – с порога сорвался парень, скидывая на ходу белые кроссовки.

- Миш? - отец оторвал уже спокойный взгляд от плоского экрана телевизора и похлопал ладонью рядом с собой, - Успокойся сначала, потом поговорим.

Парень осмотрелся, но матери не увидел, видимо, она решила благоразумно не вмешиваться в мужские разговоры. Миша выдохнул, загоня свою ярость под маску спокойствия и сел с отцом.

- Я жду, - сквозь зубы бросил парень, одаривая родителя неприятным взглядом темных глаз.

- Миш, это неправильно, - мужчина пожевал губу, - спать с представителями своего пола.

- Плевать, - злая усмешка в сопровождение к реплике.

- А мне нет, не хочу, чтобы мой сын портил себе жизнь. Если тебе на нее плевать, то меня волнует твое будущее, - отец обернулся к сыну и протянул руку, очень надеясь, что все это временная блажь, запоздалый подростковый бунт, не более.

- Как изменится моя жизнь от того, с кем я сплю, кого люблю, в конце концов? - тон спокойный, но внутри все бурлит, кипит, взрываясь крупными пузырями, грозя перелиться через края посуды.

- Миш, ты еще не сталкивался с этим, но поверь, геев не любят у нас в стране. Мы не Европа.

- Ага, мы жопа, - усмехнулся Михаил и поднялся с дивана, не было душевных сил усидеть на одном месте.

- Миш, прошу тебя, подумай. Не поддавайся порывам, обдумай все хорошо. Этот мальчик, он ничего не сможет дать тебе в этой жизни.

- Глеб дает мне намного больше, чем ты думаешь.

За окном шумит двор, люди занимаются своими делами, дети играют на детской площадке, делят формочки в песочнице, вверх-вниз летают качели, вознося девочку в салатовом платье к вершине восторга. Она смеется, ее волосы, заплетенные в два пышных хвоста, развиваются на ветру, на лице оставило свою отметину счастье. Как мало иногда человеку необходимо для того, чтобы почувствовать его.

- Не хочу даже представлять, что он тебе дает, - в голосе мужчины целый океан презрения и брезгливости.

- Мысли выше, пап, - бросил парень и зашел в свою комнату.

Мать сидела на кровати и смотрела в окно пустым взглядом. Глаза сухие, не покрасневшие, нет расстройства на лице, но это не значит, что ее не задела за живое утренняя сцена. Задела, еще как. Ни одна мать не хочет иметь сына-гея. И не потому, что это неправильно или противоречит законам природы. Эти факты не играют никакой роли.

- Мам, ты тоже так думаешь? Думаешь, что это временная блажь и это пройдет? - Миша сел позади нее, опуская взгляд в пол.

- Нет, Миш, - тихий безэмоциональный голос, голос человека, который однозначно уяснил свою обреченность, - я видела, что ты был готов броситься на отца с кулаками, если бы этот мальчик не остановил тебя. Это говорит совершенно о другом. Любишь?

- Люблю.

- Миш, любовь проходит. Год, два, три, затем все изменится, - Наталья обернулась к сыну и взяла его лицо в руки, чтобы он не мог спрятать глаза, - А что будет, когда тебе будет тридцать, сорок? Когда ты захочешь иметь детей? Этот мальчик не сможет тебе родить.

- Мам, прошу, не надо. Постарайся хотя бы ты меня понять, - голос дрогнул, в глазах застыли предательские капельки слез, - мне очень это важно.

- Я понимаю, сынок, - женщина притянула ребенка к себе и обняла, слегка укачивая, как в далеком детстве, - только не хочу, чтобы ты жалел, когда уже ничего нельзя будет изменить.

- Я не буду, мам. Клянусь, что не буду, - Миша прикрыл глаза, успокаиваясь под нежными материнскими руками, медленно скользящими по спине.

День прошел быстро. Напряжение, повисшее в квартире, поглощало минуты, растворяло их, превращая в прозрачное ничто. Миша несколько раз набирал номер Глеба в течение дня, но мальчик не брал трубку. Миша злился, переживал и снова заводился, ругая отца, себя, глупое упрямство мальчишки.

- Да? - раздался хриплый голос в трубке только тогда, когда на столицу уже опустилась темнота, рассеиваемая искусственным светом фонарей.

- Глеб, ты как?

- Сплю, - тихий шорох, звук шагов и перелив льющейся воды.

- Я приеду минут через сорок? - Миша хотел поставить перед фактом, но получился жалобный вопрос.

- Приезжай, - разрешил Глеб.

Голос мальчика звучал слишком отстраненно и как-то медленно, глухо, словно он устал и хочет избавиться от раздражителей как можно быстрее. Миша мотнул головой, отгоняя нехорошее предчувствие, заключающее в объятия его сердце.

- Я наберу, когда подъеду к дому.

- Хорошо, - и гудки, механические, неживые.

Миша отложил телефон, делая вдох. Все неправильно, не так, как должно быть. По коже прополз легкий страх. Парень сам не понимал, что он ждет от этой встречи чего-то, но то, что должно что-то произойти, что-то не хорошее, ускользало от его понимания.

- Скоро вернусь, - бросил он родителям, с которыми больше и не обмолвился за сегодняшний день ни словом, обулся и вышел за дверь.

Инстинктивные, рефлекторные движения. Подойти к машине, снять ее с сигнализации, сесть за руль, завести, надавить на педаль, влиться в поток других автомобилей.

Вечер, суббота, дороги свободные. Миша припарковался и набрал номер Глеба спустя ровно сорок минут. Ожидание тянулось, небо наливалось тяжестью, тучи закрыли насыщенную синеву, россыпь блестящих ярких звездочек, отчего темнота казалась особенно непроглядной. Воздух душный, спертый, ветер опасно притих, прячась от предстоящей грозы. Миша резко повернул голову. Словно почувствовал. Дорогу переходил Глеб. Руки спрятаны в карманах джинс, футболка, куртки нет. А ведь на улице ощутимо прохладно.

- Привет, - сухо, скомкано, мальчик не потянулся за поцелуем, не улыбнулся.

- Привет, - Миша сам наклонился и поцеловал, легко коснувшись губ, не осмеливаясь углубить поцелуй, не осмеливаясь обнять, притянуть ближе, спрятать от ночной прохлады, чтобы он перестал дрожать, чтобы исчезли пупырышки, покрывшие бледную кожу.

- Миш, - Глеб слегка оттолкнул его, упершись ладонью в грудь, - нам, неверно, лучше пока не видится, - мальчик говорит себе под нос, низко опустив голову и смотря только на серо-грязный асфальт под ногами, но Миша отчетливо слышит каждое слово.

Каждое из них падает огромным валуном на едва дышащее тело, которое буквально несколько секунд назад сорвалось с высоченной отвесной скалы, скоро камнепад погребет его навсегда, но прежде человек будет испытывать нестерпимую мучительную боль, медленно умирая.

- Значит, ты меня бросаешь? - выдавил из себя Миша, голос дрожал, парню не удалось этого скрыть. Хотел услышать в ответ «нет», оправдания, что это лишь временно, пока родители не

уедут.

- Да, - зеленый сигнал светофора вновь сменился на красный, а вдалеке, в черном небе сверкнула первая яркая вспышка, - Ты сам видел, какую реакцию вызывают наши отношения, я не готов испытать на себе гнев отца, - ответил мальчик с разноцветными прядями в черных волосах, разметавшихся под порывом внезапно поднявшегося ветра.

- Глеб, ты просто трус, - губы Миши искривились в презрительной усмешке.

- Пусть так, но разве не ты учил меня самостоятельно принимать решения. Я его принял, смирись, - последние слова прозвучали особенно резко и грубо, полоснув ножом по натянутым нервам.

Мальчик быстро пересек улицу и скрылся в темноте двора. Пародия на выдох. Все тепло мигом улетучивается из тела вслед за тем, кто его дарил, вливая в каждую клеточку тела, заставляя жить им, заменяя своей необходимостью кислород. Не стало тепла, не стало такого нужного для жизнедеятельности газа. В глазах искры, остатки пожара, которым вспыхнул костер, согревавший душу еще совсем недолгое время назад. Кажется, теперь Миша понял, что такое попасть в Ад. Именно так, должно быть, мучается грешник, оказавшись на раскаленной сковородке. Лава вместо крови, огненное дыхание, кружащееся вокруг, заполняющее все пространство.

Несколько шагов до двери, щелчок ручки, дверца автомобиля распахивается, пальцы впиваются в холодный металл, только бы устоять на ногах. На нос капают первые теплые капли дождя. Выдох, вдох, дверца захлопывается, отрезая от падающей с неба влаги, укрывая, пряча от непогоды. Но Мише все равно, его буря разыгралась в душе, в сердце. Снова срабатывают приобретенные рефлексы, парень заводит машину и плавно отъезжает от обочины. Дворники работают как сумасшедшие, стряхивая с лобового стекла блестящие серебристые капли. Дождь льет, как из ведра, выбоины моментально заполняются водой, машину ведет, руки непроизвольно вцепляются в руль крепче, глаза и сознание следят за дорогой, чтобы не улететь в кювет и не врезаться в соседние автомобили. В ушах шум дождя, заглушающий все, в горле першит, во рту пересохло.

Вдох-выдох, вдох-выдох, газ-тормоз, газ-тормоз. Дворники мечутся еще быстрее. Небо сошло с ума, обрушивая настоящий водопад на землю, на людей, на здания. Все утопает в этой влаге, ее слишком много. Кажется, что она попадает в легкие, не дает дышать. Нечем. Дышать. Вместо воздуха только вода. Забивается везде. Еще два шага и козырек подъезда скрывает вымокшую до нитки фигуру парня от воды. Теперь можно сделать вдох. Но холодно. Опять этот холод, пустота. «Чем я заслужил эту вечную мерзлоту в душе?» В душе закипает ярость. Миша сжимает кулаки, быстро поднимается на свой этаж, распахивает дверь, едва успев вытащить ключи из замка.

- Доволен! - кричит он, ураганом проносясь по комнате.

Обувь оставляет мокрые следы, с одежды, с волос течет вода, кажется, что и в квартире идет

дождь. Родители, внимательно смотрящие до этого вопля в экран телевизора, поднимают головы и непонимающе смотрят на разъяренного молодого человека. Где их сын? И что это за существо с черными провалами глаз?

- Можешь, радоваться! – крик не приглушенный ни чем, плевать, что услышат соседи, - Он меня бросил! Бросил! Доволен?!

Мужчина медленно встает, несколько осторожных шагов и лицо парня опалает пощечина. Голова дергается, но мозги, кажется, становятся на то место, на котором должны быть.

- Успокойся, Миш, - тихо.

На руке сжимается стальной захват. Мать подходит сзади, осторожно снимает мокрую одежду.

- Пойдем, - шепчет Наталья и уводит сына в комнату, грозный взгляд в сторону мужа, чтобы не смел, идти за ними.

Комната. Постель, пропахшая им. Парень брыкается и не дает себя уложить. Мать быстро понимает, в чем дело, сметает постель, стелет покрывало, вновь укладывает. Где-то раздастся деликатный стук в дверь, но Наталья запрещает мужу входить. Не сегодня, не сейчас.

- Миш, он еще маленький, твой мальчик, он испугался, - шепчет женщина, перебирая короткие мокрые пряди волос.

- Глеб, его зовут Глеб, - парень рычит, хочет избавиться от надоедливой ласки, но нет сил пошевелиться.

- Глеб, - покорно поправляется, - дай ему время.

- Мам, он добился того, что я обратил на него внимания, он добился моей любви, он подарил мне свое тепло, он меня отогрел. Он не мог настолько испугаться, чтобы перечеркнуть все, что было.

Руки взмываются вверх, обхватывают голову, рвут волосы, зажимают уши, чтобы не слышать слова матери. В горле комок, на душе стужа, там кружат белые мухи, вьюга усиливается, погружая сознание в сон. Заморозка. Остановка времени. Потеря связи с реальностью. Ее больше нет. Вокруг только снега и льды Антарктиды. Теперь это – его реальность. На всю жизнь, навсегда. Освободившееся от тепла Глеба места занимает боль. Готов был, сказать люблю. Может, если бы Глеб услышал эти слова, то все было бы по-другому. Может. А может, и нет. Но все равно в сердце поселилась любовь. Сильная. Безнадежная. Всепоглощающая.

- Мам, хочу спать, - язык заплетается, липнет к небу.

- Спи, я посижу, - как в детстве, она всегда рядом, когда нужна, она мама, нет Мама.

Саша, есть еще Саша, он может помочь, может убедить. Может...

Глава 11.

Темно. Темно так, что режет глаза. Шаг на ощупь, под рукой шероховатая поверхность стены. Еще несколько шагов вперед. Саша, наконец, нащупывает в темноте ручку двери комнаты Глеба. В помещении так же темно, как в коридоре. Даже огромные окна пропускают сквозь себя только ночную темноту. По ненормально большой, гладкой поверхности неровными, искривленными прозрачными дорожками бегут дождевые капли. Ветер воет, грозит, ругается, рвет воздух на множество небольших полотен.

Саша подходит к кровати брата, ему не послышалось. Брат рыдает, громко, взхлеб, давась слезами и рваными вздохами, что удастся сделать сквозь плотный кокон из одеяла.

- Глеб, - молодой человек перетягивает завернутую мумию к себе ближе.

Ответа нет. Саша забирается с ногами на постель, скидывая тапки на ковер.

- Глеб, ты чего? - голос вздрагивает, сердце ускоренно стучит от беспокойства, - Мишка, козел, да?

Завывания из-под одеяла громче, тело трясется в каких-то нездоровых судорогах.

- Глеб!

Саша распутывает кокон, с трудом отдирая намокшую ткань, выдирая ее из цепких, скрюченных пальцев. Наконец, показывается черноволосая макушка, волосы мокрые, будто малой был в душе. За растрепанной головой миру является зареванная мордашка. Глаза, опухшие и красные, нос, как у алкоголика со стажем или у Деда Мороза, что, в общем-то, одно и то же, губы истерзаны, искусаны до крови.

- Красавец, - тянет Саша, притягивая брата к себе.

- Са-а-а-аш-а-а-а, - ревет младший брат и прячет лицо на груди брата, утыкаясь в теплую кожу, смачивая ее слезами.

Саша не знает, что делать. Как успокоить эту истерику, которая длится уже видимо не один час. Что сказать? Как успокоить? Какие слова подобрать, чтобы не сделать еще хуже? Что друг мог сделать, что Глеб ревет половину ночи? Саша подтягивает одеяло и снова закутывает вздрагивающее тело, по плечи, чтобы укрыть от холода. Руки сами по себе перемещаются на лицо, утирают слезы, вытаскивают нижнюю губу из плена зубов, поднимают за подбородок. Саша легонько дует брату в лицо. Синие глаза на миг скрываются за шторками век, чтобы

потом посмотреть на мир осмысленно. Глеб вернулся в этот мир, оставляя свой кошмар без внимания. Шмыгает носом, усаживается удобнее, теснее прижимаясь к старшему брату, трет глаза кулачками, как маленький карапуз.

- Что произошло? Миша бросил? - тихо, зверея от догадки, обещая другу все возможные смерти и не по одному кругу.

- Я его бросил, - через некоторое время, хрипло, не удержав горестный вздох.

- Зачем? - Саша потрясен, ошеломлен, шокирован.

- Так будет лучше.

- Я смотрю, тебе очень сейчас хорошо, - хмыкнул Саша.

- Ты не понимаешь, - Глеб немного отстранился и попытался разглядеть выражение лица брата в темноте, - Что будет, когда об этом узнает отец?

- Испугался? - Саша поразился еще больше, Глеб всегда был неадекватным человеком, но не трусом.

- Да, - кивнул мальчик.

- Поэтому порвал с Мишкой?

- Да, - снова кивок и горестный стон.

- Тогда соберись и перестань реветь, словно брошенная беременная баба, - Саша отчего-то сильно разозлился на братишку, хотя, должен бы быть рад этой новости.

Одумался, взялся за голову, исправил свои ошибки. Но в груди было обидно и грустно за их отношения. Такие радостные и так нещадно загубленные тем, кто их спровоцировал.

- Саш, если я решился с ним порвать, это не значит, что я перестал чувствовать. Мне плохо, - не фраза, болезненный стон.

- А ему? Думал, как ему плохо?

Саша не думал, когда задавал этот вопрос. Если бы поразмыслил немного, то промолчал. Глеб снова тихо заскулил, а через некоторое время скулеж вновь сорвался на вой, раненного и мучающегося в агонии щенка. Глеб оттолкнул брата и упал на кровать, прячась под одеялом.

- Глеб, - с тяжелым вздохом, в эту ночь ему не удастся выспаться, - Глеб!

Саша дернул за одеяло, бесполезно. Мальчик намертво вцепился в него. Еще рывок, из-под одеяла показались розовые ступни, Саша наклонился, силясь содрать истерзанную ткань с головы, но получил пинок ногой в живот. Охнул от боли и со всей силы дернул за одеяло. Послышался треск рвущейся ткани, пододеяльник можно выбрасывать. Но и результат появился. Глеб сел на кровати, но далеко от брата, не желая более находить утешения в его руках.

- Сегодня утром познакомился с родителями Миши, - хриплый, но снова спокойный голос, - его отец назвал меня шлюхой и мразью. Что скажет наш отец, как думаешь?

- Ничего, молча отпинает тебя так, что окажешься в лучшем случае в больнице, - Саша потер переносицу, устал, его вымотали мысли об их с Димой поцелуе, хотя он зарекался думать об этом.

- Саш, не вини меня во всем. Я боюсь, не отрицаю. Мне кажется, что так будет лучше. Надо немного переждать. Время ведь лечит?

- Глеб, я не собираюсь указывать тебе, что делать. Где-то я даже рад, что так случилось, - парень поднялся, - Где-то на самом дне своих мыслей, - он вышел из комнаты, не оборачиваясь и не видя ошарашенного взгляда младшего брата.

Глеб никак не ожидал, что Саша станет тем человеком, который поддержит их с Мишей отношения. Хотя, нечего уже поддерживать, нет никаких отношений. Одни воспоминания и боль, боль, боль.

Саше с трудом удалось уснуть, сначала мысли о Диме, теперь этот глупый поступок Глеба. Хотя, на самом деле, он правильный, со всех сторон правильный, только если смотреть на это с точки зрения человека, лишённого чувств и эмоций напрочь. Саша таким не был. Он видел, как плохо брату, как он мучается, как сгорает изнутри, как корчится от боли, заставляет себя дышать. Уверен, что Миша чувствует себя не лучше. Почему, в таком случае, этот поступок должен быть правильным? Разве правильно, когда двое людей умирают от своей любви? Определенно, нет. Господи! Когда он успел стать таким сентиментальным? Стоило только увидеть истерику брата? Нет, это не причина. За всю жизнь он и так порядком насмотрелся на его слезы и вопли.

«Привет, спишь?» - смс от Димы.

Саша посмотрел на часы. Шесть утра. Шесть!

«Надеюсь, что спишь. Честно, надеюсь, что эти сообщения вообще до тебя не дойдут» - приходит еще одна, когда Саша уже собирается написать не самый цензурный ответ.

Палец замирает, начатое сообщение перемещается в папку «черновик». Саша смотрит на экран и совершенно не понимает, что это значит.

«Саш, я не могу не думать, об этом проклятом поцелуе, прости» - еще смс.

«Я тоже» - теперь парень успевает набрать и отправить ответ.

«Ты не спишь» - смайлик в конце.

«Давай встретимся» - прочитал, только тогда, когда отправил.

Прочитал и только потом понял, ЧТО написал.

- Твою мать! - выругался Саша, но смс - не воробей, улетело, не поймаешь.

«Сейчас? Заеду через пятнадцать минут».

Саша отшвырнул телефон и быстро отправился в ванную. Почистить зубы, бриться не обязательно, умыться прохладной водой. Взгляд в отражение в зеркале. Кто там? Человек с горящими предвкушением глазами. Надо же, как это преображает. Восторг в груди. Щемит. Пьянит. Окрыляет. Из зеркала смотрит молодой человек. Такой, такой, воздушный...? Саша корчит себе рожицы и выбегает из ванной. Короткий взгляд на часы. В запасе еще семь минут. Дима будет вовремя, минута в минуту. Джинсы на голое тело, футболка, серая с ярким салатово-лимонным изображением какого-то инопланетянина. Не иначе, как перекочевала из гардероба младшего брата. Видимо, ему велика. Волосы в беспорядке из-за метания по подушке. Сойдет. Джинсовка. Готов.

Тихо приоткрытая дверь. Бесшумные шаги. Быстрый бег по лестнице. Входная дверь позади. Нет смысла ждать лифт. Улица. Еще темно. Прохладно. Мокро. Дождь лил сильно, долго, лужи кругом. Саша обошел огромную лужу перед ступеньками, ведущими в подъезд. Несколько мгновений, слабая дрожь по телу от утренней прохлады. Справа вспыхивает свет фар, и останавливается черный мерседес, он медленно разворачивается и Саша ныряет внутрь салона. Там пахнет приятно, немного сладковато, немного свежести, немного морского бриза.

- Привет, - не глядя в сторону водителя.

Молчание в ответ. Саша поворачивает голову и смотрит в Димины глаза. Сегодня на нем нет очков, и его серый взгляд кажется каким-то голым, обнаженным, рассказывающим о владельце больше, чем раньше. Там на дне серого озера горит, страсть? Именно она.

Дима ничего не говорит, цепляет рукой отвороты джинсовой крутки и тянет на себя. Саша не понимает ничего, удивлен вновь. А его губы сминаются в жестком властном поцелуе. Нет больше нежности, осторожности, исследовательской любознательности. Есть страсть.

Голодная, требующая, подчиняющая. Саша не отстраняется, отвечает на поцелуй, пытается перехватить лидерство, но Дима не дает. Продолжает целовать, пропитывая парня своей властью, своей страстью. Язык Димы то скользит внутрь Сашиного рта, то гладит, нежит губы, то заигрывает с его языком. Руки уже на шее, притягивают, гладят основание черепа, надавливают на какие-то точки, заставляя выгибаться и едва сдерживать стоны. Не может быть простой поцелуй таким крышесносным, нереальным, волшебным.

- Да, так, - шепчет Дима, немного отстраняясь от губ, - мечтал, хотел, - продолжает шептать парень, скользя кончиком языка по нижней губе, - Саш?

- М-м-м? – едва слышный выдох в полумраке салона, и жадный вдох, чтобы пропитаться Диминым запахом, чтобы он застрял в носу, чтобы можно было его ощущать вновь и вновь.

- Хочу продолжить, - не просьба, не вопрос, просто желание, обличенное в словестную форму.

Дима решил быть смелым, требовательным, таким, каким он всегда был для Сашки. Он был таким в дружбе, он будет таким в отношениях. Они будут, уверен.

Саша отстраняется, Димины ладони соскальзывают с шеи. Тянется рукой к кнопкам на приборной панели. Светится подсветка, окрашивая лица обоих призрачно-голубым сиянием. Медленная мелодия течет по салону, дарит какой-то покой, звук бьющихся о грудную клетку сердец растворяется в этой мелодии. Дима неосознанно сжимает в руке край Сашиной куртки, сам парень о чем-то напряженно думает. Дима не знает. А Саша понимает, что не хочет реветь, как Глеб, становясь рабом своей трусости, он хочет смело взглянуть в глаза своим желаниям и удовлетворить их. А сейчас он хочет продолжить. Хочет.

- Волшебное слово хочу, - произносит Саша, улыбаясь только уголками губ, - порой оно творит чудеса. Поехали.

Дима глухо рассмеялся и нажал на педаль газа, заставляя машину медленно выплыть со двора. Мерный гул мотора, тихая музыка, проносящиеся за окном пейзажи. Они не поехали на Димину квартиру, парень гнал тяжелый автомобиль прочь из города. За окном рекой, текли желто-зеленые поля, дачные домики, заправки, деревья и снова поля. Солнце уже встало и теперь зависло над линией горизонта, бросая свои яркие лучи в салон, ослепляя. Оба парня спрятали глаза за стеклами солнцезащитных очков, но озорные лучики все равно доставали их и там.

- Дим, куда ты меня везешь? – все же спросил Саша, вспоминая, что у него нет с собой банально денег и документов, только телефон в кармане с наполовину разряженной батареей.

- Далеко, в тридевятое царство.

- Я не принцесса.

- Нет, конечно, - хмыкнул блондин, - просто только за тридевять земель можно найти покой. А если серьезно, то мы едим к одной женщине, у нее свой небольшой пансионат, только для своих.

- Ясно. А ты «только свой»?

- А то! - Дима улыбнулся.

- Дим, долго ехать?

- Еще час с небольшим, а что? - парень немного повернул к Саша голову.

- Хочу вздремнуть. Не выспался.

- Дерзай. Музыка выключить?

- Нет, не мешает.

Саша облокотил голову, обхватил себя руками и закрыл глаза. Несколько минут мерного покачивания машины на неровной дороге, и он провалился в сон. Дима несмело посмотрел на Сашу. Тот уже спал, спокойно, и как-то умиротворенно. Блондин не сумел сдержать улыбки умиления. Слишком нереальной и фантастической была картина. Но еще более нереальным было то, что они сейчас едут вместе к Марии, в ее пансионат, раскинувшийся среди соснового бора на берегу лесного озера. Рай на земле.

Саша проснулся от беспрестанного чириканья птиц, шуршания крон, тихого стука, с которым на капот машины падали сосновые иголки. Запах хвои опьянял. Саша распахнул глаза, стащил очки и огляделся. Вокруг только сосновые стволы, шершавые, светло-коричневые, уходящие высоко в небо. Деревья, словно касались колючими кронами голубой лазури, перекидывали ветками кусочки облачков. Чудесно. Саша втянул носом воздух и вышел из машины, бесшумно ступая по ковру из сосновых иголок, желтых, зеленых, укрывающих темно-зеленый мох. Димы нигде не видно. Брюнет передернул плечами и ступил на крыльцо деревянного домика. Не прогадал, навстречу вышел улыбающийся Дима, поигрывая ключами.

- Пошли, - парень подошел к машине, взял из нее небольшую спортивную сумку, поставил на сигнализацию и подхватил Сашу под локоть, уводя прочь.

Они ступили на тропинку, уходящую вдаль, петляющую между плотно прижавшимися друг к другу деревьям. Через несколько сот метров, слева показалась гладь лесного озера, солнце золотило его своими переливающимися лучиками, раздавались тихие всплески рыбешек.

- Красота! - воскликнул Саша, потягиваясь на ходу, чтобы размять уставшие мышцы.

- Это только начало, - отозвался Дима, не оглядываясь.

Они обошли озеро, чтобы оказаться на противоположном его берегу, там, среди сосен и кустарников с дикой малиной затерялся маленький домик. Только тесная прихожая, закуток под душ и туалет и кухня, совмещенная со спальней.

- Охренеть! - выдохнул Саша, когда увидел, что большую часть спальни занимает кровать.

Огромный матрас, рассчитанный на шестерых, высокие кованые шпильки уходят к потолку, смыкаются посередине, чтобы удержать пенно-прозрачный кружевной балдахин.

- Дим, это домик для новобрачных? - сквозь смех выдавил Саша, опуская голову, чтобы скрыть предательски покрасневшие скулы.

- Именно, все, что свободно. Прости, но я не очень надеялся на положительный ответ с твоей стороны, поэтому не до конца готов к свиданию.

- Свиданию? - Саша вскинулся, прожигая друга отчаянным взглядом синих глаз.

- Да, - Дима кивнул, отслеживая реакцию bruneta.

- Я думал, мы просто трахнемся, - Саша, как можно более безразлично, передернул плечами.

- А ты к этому готов? Готов стать педиком? - Дима медленно приблизился, не отрывая взгляда от Сашиних глаз.

- Дим, не стоит, - Саша покачал головой, в момент сократил расстояние между ними, притянул парня к себе и впился губами в его губы.

Дима охнул от неожиданности, но Саша уже успел воспользоваться секундной заминкой, чтобы углубить поцелуй. А дальше... Дальше одежда полетела в разные стороны. Джинсовка осталась валяться в прихожей, легкая ткань футболки спикировала на кухонный стол, джинсы. Да кому нужны джинсы? Нет белья? Супер, то, что надо. Саша оказался прижатый полуголым телом блондина к гигантской кровати. Парень шарил по его телу руками, лизал, целовал, втягивал в рот соски. Все портили только брюки, трущиеся грубой тканью о разгоряченную кожу. Так не хочется, хочется большего.

- Сними, - хрипло, нетерпеливо дергая за пряжку кожаного ремня.

Дима приподнялся, усмехнулся многообещающей улыбкой. Встал с кровати, расстегнул ремень, рассматривая жадным взглядом красивое тело, раскинувшееся перед его глазами. Саша. Такой доступный, развратный, сводящий с ума. Самая заветная и запретная мечта,

внезапно ставшая реальностью. Может это сон? Дима избавился от одежды, притянул Сашку ближе к краю кровати, опустился на колени и лизнул головку Сашиного члена. Стон, больше похожий на вой, тело бьется в его руках, извивается, умоляет о большем. Нет, сон не может себя так вести.

- Ты мне не снишься? – все же решает уточнить блондин.

- Дима, твою мать, заткнись! – рука грубо сжимает его пряди и толкает к паху.

Саше нравится. Это главное. Дима снова лизнул головку, взял ее в рот, пососал, провел языком по всей длине плоти, проглотил до середины и начал двигать головой, плотно обхватывая Сашин стояк губами. Брюнет стонет громче, сжимает волосы в кулаке сильнее, натягивая, причиняя боль. Но эта грубость заводит еще сильнее, подстегивает к более решительным действиям.

- Дим, сюда иди, - раздается хриплый голос, который может принадлежать кому угодно, но не его другу.

К голосу добавилось конкретное действие. Диму вновь потянули за волосы, вынуждая оставить понравившуюся игрушку в покое. Саша ловко подмял его под себя, целуя в губы, слизывая свой вкус, смакуя его. Насладившись губами, Сашины поцелуи перетекают на шею, губы целуют ямку у основания, прикусывают ключицу, сползают ниже, чтобы поласкать соски. Руки бродят по Диминому телу, изучая, лаская, приручая к себе и к своему теплу. Его ладони согревают не только кожу, их тепло просачивается глубоко внутрь, в самую суть, в самую душу. Это тепло, как яд, всасывается в кровь, как наркотик вызывает зависимость и желание получить снова и снова в гораздо большем количестве.

Дима запрокинул голову и тяжело дышал. Саша лежал между его ног, лаская тело, терся своим членом о его пах.

- Нет, - блондин приподнял голову и встретился глазами с Сашей, когда палец друга толкнулся в сжатое колечко мышц.

- А ты определил на роль пассива меня? – Саша изогнул черную бровь и еще раз нажал на анус.

- Я никого никуда не определял, - прошипел Дима, отодвигаясь от настырной руки.

- Дим, не обламывай кайф обоим, иди сюда, - Саша ласково улыбнулся и поманил друга пальцем.

Дима пошел. Парень встал на колени и подполз к брюнету, обнял одной рукой за шею, чтобы тот не разорвал поцелуй, вторая рука обхватила их члены. Вверх-вниз, вверх-вниз. Привычная любому мужчине, незамысловатая ласка, но сейчас она дарит жгучее наслаждение, сейчас она с каждым нехитрым движением приближала к тому, чего жаждали тела обоих, к разрядке.

Саша не выдержал первым и кончил с громким стоном, впиваясь пальцами в нежную кожу ягодиц Димы пальцами, оставляя синяки. Горячая вязкая жидкость, вплеснувшись из плоти, размазалась по стволу Димы, запах спермы пробрался в нос, а Сашин стон свел с ума. Несколько быстрых резких движений, и Дима последовал за другом, кончая, смешивая их семя.

Из оцепенения, переоценки жизненных ценностей и пересмотра мировоззрения, с целью изменить последнее, Сашу выдернул телефонный звонок. Дима никак не среагировал на громкую мелодию, парень лежал, заложив руки за голову, и смотрел в потолок, точнее изучал узор кружева на балдахине.

- Алло? - Саша откашлялся, чтобы голос не звучал настолько хрипло.

- Привет, - тихо произнес Миша.

- Привет. Я знаю, - Саша сразу оповестил друга о том, что в курсе их с Глебом отношений, чтобы не мучить Михаила, тому и без того сейчас тяжело.

- Есть шанс его вернуть?

- Пока он трясется от страха перед отцом, нет, - Саша покачал головой, сердце обливалось кровью за Мишу, брата же хотелось хорошенько встряхнуть.

Мелкий гаденыш, решился, рискнул, приручил, влюбил, понял, что совершил ошибку и в кусты. Выпороть надо.

- Ясно, - в голосе прозвучала горькая усмешка, - Поговоришь?

- Миш, я не буду....

Саша хотел сказать, что не будет обещать, но проведет воспитательную беседу с Глебом, но у телефона были другие планы. Он отключился.

- Блять! Дим, дай телефон.

- Возьми, - глухой и пустой голос, но Саша даже не обратил на это внимание.

Парень схватил черный тонкий аппарат, быстро отыскал в телефонной книжке номер Миши и позвонил.

- Да, Дим, - тон такой, что ясно с первого звука, собеседник не хочет общаться.

- Это Саша, Миш, - с другой стороны молчание, - Я хотел сказать, что поговорю с ним, но не буду тебе ничего обещать. Пока Глеб сам не дойдет до всего, никто не заставит переменить его свое решение. Упрямый. Слишком.

- Спасибо, Саш. Пока.

- Счастливо.

- Дим, жрать охота, - Саша перевел взгляд на друга, который уже даже глаза прикрыл, но не спал, пребывая где-то на границе сна и яви.

Брюнет не уловил реакции на свою реплику и наклонился ближе, поцеловал в уголок губ, поддавшись внезапному порыву.

- Дим, я хочу кушать, - повторил он, когда ресницы парня дрогнули, и мутные серые глаза вновь увидели окружающий мир.

- Здесь есть ресторанчик, - лениво бросил блондин, - сходи, поешь, - Дима перевернулся на бок, избегая продолжения разговора.

Сашу такой поворот событий совершенно не устраивал, поэтому он перегнулся через Диму и вновь заглянул тому в лицо.

- Дим, ты мне свидание обещал, - улыбнулся брюнет.

- Зачем? - брови собеседника удивленно взлетели, губы искривились в усмешке, - Зачем, если ты хотел просто потрахаться? - Дима дернул плечом и наклонился немного назад, стряхивая Сашу с себя.

- Дим, я думал, у нас обоюдные желания, нет? - Сладков сел на кровати, сверля взглядом спину друга между лопаток.

Он не мог, конечно, не мог, раньше даже предположить, что Глеб не один такой ебанутый среди его знакомых. Оказывается еще и Дима. Дима запал на него. Теперь он отчетливо это понимал. Как? Когда? Почему так сложилось? Что будет дальше? Масса вопросов без единого ответа. Саша только понимал, что заводить отношения, встречаться и, тем более, заявлять об этом во все горло, он не хотел. Пусть этот эпизод останется его маленькой, грязной тайной. Но тогда, Диму не вытащить из этой гребанной избушки, и домой он не повезет. Денег у Саши нет, телефона теперь тоже. Видимо, придется обзавестись не одной, а парой грязных тайн.

- Саш, отвали, - буркнул блондин.

- Дим, ну, Дим, - как можно больше сладости в голос, нежности, немного хрипотцы.

Это так хорошо действует на девушек. Это подействует и на парня. Какая, по сути, разница, оба пола падки на ласку. Едва осязаемое касание к волосам, провести по спине костяшками пальцев, слегка надавливая, запустить вторую руку в густые волосы, пропуская светлые пряди между пальцами. Поцеловать сначала одно плечо, затем другое. Нежная кожа, приятно пахнет, ее хочется целовать, хочется провести языком и распробовать на вкус. Саша уступает своим желаниям. Дима тихо вздыхает и оборачивается, встречаясь с горящими голодом синими глазами. Только голод в них отпечатался не физически, моральный. Саше до ломоты захотелось обласкать Диму, исследовать все его тело, но не переходить вновь грань. Это возможно? Нет. Вновь безумные ласки, страстные горячие, в которых Саша позволил себе намного большего, чем разрешил несколькими минутами ранее. Ему до разноцветных кругов перед глазами захотелось узнать не только вкус Диминой кожи, но и распробовать вкус плоти блондина. Саша не посмел отказывать своим желаниям. Какое странное слово, «хочу»...

Глава 12.

Миша отложил телефон в сторону. Легким прикосновением, сознания коснулось удивление тому, что Саша перезванивает с Диминого телефона в такую рань. Глеб не брал трубку, а затем и вовсе отключил телефон. Бесплезно ему звонить, еще более бесполезно искать личной встречи. Она не принесет ничего, кроме обоюдной боли и Мишиного унижения.

- Миш? - мама встревожено посмотрела на него, когда он выполз из своей спальни.

Парень выспался, чувствовал себя бодро, только душа измята и измучена. Все мысли о Глебе, все желания только о нем.

- Доброе утро, - на автомате, механически.

Дверь в ванную комнату, хлопок, тишина. Робкие приближающиеся шаги. Но никто так и не осмелился постучать. Зеркало отражает лицо несчастного человека. На шее все еще видны следы от поцелуев мальчика. Он оставил свои следы не только на теле, его отпечатки на душе, что жила им, дышала. Всхлип. Но Миша не плачет, нет, он мужчина. Не имеет права расклеиваться. Сейчас он должен взять себя в руки, выйти из этой комнаты и улыбаться всему миру, дышать, жить...

- Ты куда? - взволнованно окликает Наталья.

- Прогуляться, - безразлично.

Нужно выйти на улицу, вдохнуть чистого воздуха, не пропитанного запахом его тела. Здесь слишком много Глеба. Его голоса, улыбок, запаха, задорного блеска синих глаз. Миша тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он столько раз переживал разрывы, переживает и сейчас. Наверно.

Миша заходит в спальню, чтобы собрать вещи, деньги, кошелек, ключи...

- Я совершил ошибку, да? – усталый, печальный голос отца проникает сквозь тонкую щель.

- Да. Не думала, что он будет так любить...

- Почему?

- Потому что эти чувства направлены на мальчика.

- Может, поговорить с этим, как его, Глебом. Пусть вернется.

- Не думаю, что он вернется после разговора с тобой, - женщина качает головой, переворачивая золотистые оладушки на сковороде.

Скорее на улицу, туда, где начинается другой мир, шумный и суетливый. Нужно вырваться из этого состояния больного одиночества. Прогулка – самый лучший способ все еще раз обдумать на свежую голову и проветриться. Миша выходит из подъезда, поток ветра тут же путается в его волосах. Шаг, еще шаг. Не допускать пока мыслей о Глебе, не здесь. Парень направляется в сторону небольшого парка. Только там в тени пушистых деревьев на старой лавочке с облупленной краской можно будет позволить себе... Позволить себе подумать о чертенке, решить, как поступить дальше. Попытаться вернуть или позволить уйти из жизни окончательно?

Но человеческое сознание не властно над мыслями. Мы не можем запретить себе думать об одном и думать только о том, о чем хотим. Каждый шаг, каждый вдох, каждое движение заставляют всплывать в памяти картинки из недалекого прошлого. Кончики пальцев покалывает от того, что они еще помнят, как это, прикоснуться к его гладкой коже. Рисовать слова на латыне, четко следуя по завиткам татуировки. Среди людей идет черноволосый мальчик, а Миша видит в нем Глеба и тут же вспоминает, как это, сминать сладкие пухлые губы в поцелуе, проскальзывать языком в горячий рот. Парень прикрывает веки, оставляя только щель, чтобы видеть дорогу, стелящуюся под ногами. В ушах звучит хриплый голос мальчика, умоляющий, просящий, требующий. Но все это нужно забыть. Необходимо вычеркнуть из памяти, чтобы жить дальше. Пусть холод сковывает душу, но чтобы совершать движения, шаги в будущее, следует вычеркнуть из головы прошлое, следует вычеркнуть Глеба. Может уехать? Купить билет на самолет и улететь вместе с родителями. Сменить город, университет, друзей, окружающий мир. Поможет? Поможет этот шаг забыть о нем, забыть его имя, его улыбку, его глаза? Миша чувствует толчок в плечо, распахивает глаза, встречается с недовольным взглядом какого-то парня, но вновь видит Глеба в постороннем человеке. Нет, от себя не убежишь. Нет даже шанса забыть поцелуи, робкие и одновременно настойчивые прикосновения, его отдачу, ведь Глеб всегда полностью преподносил свое тело, свою душу, позволяя брать все без остатка. Миша звереет, взращивая лютую ненависть к человеку, которого любит всем сердцем. Ненавидит за трусость и любит за то, что тот просто существует в этом мире, дышит этим воздухом, ходит по этой земле. Парень ускоряет шаг, чтобы избежать острых, ядовитых мыслей. Шаг, еще шаг, быстрее. Срывается на бег. Быстрее, еще быстрее, пока не кончится воздух в легких, пока не станет невозможным сделать вдох из-за дикой боли

в боку.

Останавливается, тяжело дыша и уперевшись о железную кованую ограду. Внизу бурным грязно-серым потоком течет узкая река. Следит за течением, за пузырьками, за переливами, за лучами солнца, ласкающими гладь. Он так же ласкал тело мальчика, нежно и бережно, доводя до экстаза, до громких бесстыдных стонов, до вспышек огненной страсти в синих глазах. Еще вчерашним утром Глеб принадлежал ему и только ему, теперь же он вновь стал всего лишь младшим братом друга. Жаль, что мальчик не забрал с собой чувства, что сумел посеять в его душе.

- Миш! - парень поворачивает голову и видит Кирилла.

В спортивном костюме, кроссовках, наушники в ушах, капельки пота на лбу. Удивление. Миша даже не предполагал, что этот много пьющий товарищ ведет спортивный образ жизни по утрам.

- Привет, - кивает Миша.

- Как твоя голубая жизнь? - Кирилл смеется, ему весело, он думает, что пошутил, но понятия не имеет, какую боль причиняет пустыми для него словами.

- Идет, - коротко бросает Миша.

- Составишь компанию?

- Нет, я сам по себе.

- Как хочешь, - Кирилл махнул рукой и побежал дальше.

Миша постоял еще некоторое время, подставляя лицо лучам утреннего солнца и нежным потокам ветра. Если закрыть глаза, то можно представить, как мягкие подушечки пальцев Глеба невесомо касаются его кожи, как прижимаются пухлые губы в осторожном поцелуе. Глеб - его солнышко, его теплое, ласковое, нежное солнышко.

- Так холодно без тебя, малыш, - шепчут губы сами собой.

Миша моргает несколько раз, стряхивая прозрачные капельки с черных ресниц, отталкивается от ограды и уходит. День долгий, город огромный. Он так давно не гулял по нему просто так пешком, сливаясь с его шумом, с его суетой, с его дыханием. А ведь это так чудесно просто идти туда, куда несут ноги, куда смотрят глаза. Смотреть вперед и не искать перед собой цель. Видеть именно то, что есть, а не то, что хочется видеть.

Вечер медленно опускается на город, захватывает в свой плен, окунает здания, людей, машины, редкие деревья в темно-синюю краску, заставляет вспыхивать маленькие яркие точки уличных фонарей, зажигает на иссиня-черном покрывале неба миллионы серебристых звезд. Небо безоблачно, луна льется молочно-призрачным потоком. Организм не чувствует голода, ноги не чувствуют усталости, исходивши половину города за прошедший день. Вместо человека только черная мутная дыра, состоящая из боли, отчаяния и страха не собрать себя вновь. Звонок телефона выдергивает из липкого оцепенения.

- Да?

- Миш, мы уезжаем, - обеспокоенный голос матери.

- Хорошо, но я не успею вас проводить, - парень смотрит по сторонам, пытается идентифицировать место положения.

Район не знакомый. Спальный. Это ясно по плотно стоящим друг к другу домам, по пустым детским площадкам, по тусклому освещению, растворяющему ночную темноту.

- Миш, прости нас отцом. Все получилось...

- Мам, вы не виноваты в том, что Глеб испугался. Он испугался не вас, а своих родителей, их реакции. Не вините себя, - слова, как заученный наизусть стих, рассказываемый учеником-двоечником, без интонации, без чувств, без пыла.

- Прости, сынок...

- Люблю вас, - кривится. Слово «люблю», больно бьет по языку, отзываясь головной болью, не хочется произносить его вновь, даже родителям.

- И мы тебя, позвоним, как будем дома.

- Хорошо, пока, - кладет трубку.

Теперь можно возвращаться домой. В свое уютное одиночество, в свою тишину, в свой холод. Только доехать, лечь, уснуть, перестать думать и вспоминать, перестать искать возможность вернуть все обратно. Хочется исчезнуть.

Миша бредет в сторону, где ему показалось, он видел красную большую букву «М» на серой железной палке. Ноги не слушаются, передвигаются медленно и неохотно, оставляя после себя асфальт, облитый призрачной кровью.

В подземке не много народу, времени слишком много, толпа рассосалась по своим домам.

Упасть на коричневое сиденье в самом углу, не смотреть вперед, чтобы не видеть свое отражение в стекле, за которым с бешеной скоростью пронесется темнота. Смотреть на лица редких пассажиров, думать о них, строить предположения, все, чтобы вновь не увязнуть в своей боли. До нее никому нет дела, мир не рухнул, Земля не остановилась, Солнце не перестало греть, Ледниковый период начался только у него в душе, не затрагивая остальных жителей планеты. Ветка длинная, перегоны большие. Когда же он сможет выбраться из-под земли на улицу, снова вдохнуть городской воздух, такой привычный и родной? Сложно ответить на этот вопрос. На поверхность выйдет его тело, душа же навсегда останется, погреблена в темноте. Она, словно, человек, уснувший на кольцевой ветке, вынуждена пронеситься по замкнутому кругу своих переживаний. Вновь и вновь чувствовать жгучее ничто вокруг.

Звон ключей, тихий скрип двери. Где-то над головой раздаются громкие голоса и взрывы смеха. Гуляют подростки, накачиваясь дешевым пивом и выкуривая сигареты одну за другой. За дверью тишина и темнота. Миша скидывает обувь, проходит вглубь, не включая света. Не хочется видеть ничего. В темноте различимы очертания дивана, это все, что сейчас нужно. Измученный организм берет свое и, как только веки смежены, сознание проваливается в сон. Пустой и черный, без сновидений, без ярких красок, без тепла и солнечного света.

Тишину разрезает громкий настырный дверной звонок. Миша открывает глаза, но не спешит подниматься с дивана. Вероятно, кто-то ошибся дверью, вряд ли он мог кому-то понадобиться. Глаза вновь закрываются, сон не желает отпускать из своих объятий. Звонок повторяется. Еще раз и еще. Мелодия не успевает доигрывать до конца, кто-то очень настойчивый без конца надавливает на черную круглую кнопку. Миша лежит, нет желания вставать и открывать эти чертовы двери и пусть поздний гость убирается ко всем демонам ада. К трели добавляются удары по двери. Глухие и тяжелые, за дверью кто-то матерится и орет. Оживает мобильный телефон, валяющийся где-то под диваном, выпал из кармана, пока парень спал. Какофония звуков сливается, бьет по нервам, заставляет терпение трещать по швам.

- Сука! - вскрикивает Миша, не выдерживая более осаду на свое жилище.

Встает, идет открывать, натываясь в темноте на предметы мебели. Шипит ругательства сквозь зубы. Дверь, замок, поворот ручки. Свет из подъезда бьет по глазам, заставляет щуриться. Его грубо толкают в квартиру, в коридоре вспыхивает свет. Миша прикрывает глаза руками. Слышит, что по его квартире кто-то носится с деликатностью слона.

- Глеб! - его встряхивают за грудки и отнимают ладони от глаз, - Глеб у тебя? - требовательно спрашивает Саша, голос напряженный, но тихий.

- Нет, - Миша мотает головой, не понимает, что происходит и каким чудом Глеб должен оказаться у него дома.

- Блять! - Саша хватается за голову и падает на диван.

Миша рассматривает друга расфокусированным взглядом. Одежда помятая, щетина на лице,

глаза потухли, в них застыла растерянность, злость, переживания и волнение.

- Саш, что-то случилось? - застывая на месте от страха. Саша не на шутку напуган.

- Случилось, - потерянным голосом.

Случилось - это мало сказать. Саша уже не единожды проклял себя за ночной разговор с Глебом, за то, что поддался Диме и уехал, за то, что провел весь день вне дома, за то, что гребанный телефон вырубился. Если бы он не уехал, если бы был дома в тот момент, когда Глеб воспылал приступом всесильной храбрости, то все произошло бы по-другому, он бы смог отговорить, а если нет, то сумел бы защитить.

- Глеб рассказал отцу, - приговор, приведенный в исполнение.

- Что? - Миша сделал несколько шагов и опустился на стул, дрожащие ноги не держали.

- Сказал, что гей. Я домой вернулся вечером. Захожу, гостиная перевернута вверх дном, поломанная мебель, битое стекло, кровь. Отец сидел на лестнице, злой, как дьявол, костяшки сбиты, на руках кровь, рядом ремень, - шепот быстрый, сбивчивый, но звучит, как приговор, зачитываемый судьей, - мать в слезах, Глеба нет. Звонил ему, но телефон не отвечает. Думал, он поехал к тебе. Как видишь, ошибся.

- Где он может быть? - страх сковал сердце. Зачем он это сделал? Пусть лучше все оставалось, как было. Тогда Глеб был бы дома, в тепле. Пусть мучился бы моральными терзаниями. А так он избитый, неизвестно где, один.

- Не знаю, друзей у него нет. Я был уверен, что он с тобой. Может, звонил?

Миша бросился к телефону, быстро просматривая пропущенные вызовы, но все звонки только от самого Саши, нет ни номера Глеба, ни других незнакомых номеров.

- Нет, ничего. Нужно его найти. Пошли, - Миша направился к двери.

- Миш, а если он придет? Давай ты останешься дома...

- Нет, не смогу сидеть на месте, - перебил его парень, - ты останься.

- Я сам не смогу, - произнес Саша, набирая чей-то номер телефона, - Дим, ты занят? - спросил он, когда блондин снял трубку.

- Уже соскучился?

- Нет, Дим, Глеб из дома ушел. Мне очень нужна твоя помощь, - Саша себя чувствовал последней свиньей, но сейчас в мыслях были только поиски Глеба.

- Конечно! Куда подъехать?

- К Мише, нужно, чтобы кто-то посидел дома, пока мы будем переворачивать город.

Дима приехал через двадцать минут. Взлохмаченный и взбаламученный, просто одетый, растерявший весь лоск. Ему было не до этого. Брат Саши и, впрямь, был куда важнее.

- Я прозвоню по участкам, празднично шатающийся подросток не мог не попасть в их поле зрения.

Саша с Мишей быстро выскочили из дома. Вернулись в район, где жили братья. Через час были проверены все близлежащие парки и тихие места, Саша зашел домой. Глеб не вернулся, зато выяснилось, что у парня с собой нет телефона, он остался дома.

- У вас есть какие-нибудь знаковые или романтические места? - спросил Саша, направляясь быстрым шагом вперед, вдоль дороги.

- Нет, были бы, то повел бы тебя туда в первую очередь. Саш, может у него все же были друзья, к которым он мог бы пойти? - Миша отставал на полшага, но где-то отчетливо понимал, что они не смогут его найти.

Искать человека в Москве - это еще тяжелее, чем искать иголку в стоге сена. Нет ни единого шанса.

- Нет, - глухо, безнадежно.

- Твою мать, четыре утра. Где он?! - не вопрос, болезненный вопль.

- Саш, телефон звонит, - Миша остановился.

Саша схватил трубку, выслушал звонившего и облегченно улыбнулся. От этой улыбки у Миши упал камень с души, а скручивающий нутро страх немного отступил.

- Он в участке. Дима оказался прав. Поехали.

Они сели в Сашину машину и помчались в утреннюю, но еще темную даль. Полицейский участок встретил их мерным спокойствием, возней алкоголиков в обезьяннике и недовольным взглядом дежурного.

- Доброй ночи, - Саша наклонился к окошку, где за пуленепробиваемым стеклом прятался полный человек в форме, - У вас мой несовершеннолетний брат, как я могу его найти?

- Сто восьмой кабинет, - сухо.

- Спасибо, - бросил брюнет уже на ходу, схватил Мишу за руку и полетел по длинному коридору, застеленному грязным линолеумом.

Торопливый стук в дверь, каждый удар совпадает с биением сердца. Приглушенное «войдите». Саша распахивает дверь, и они входят в небольшой кабинет. Сердце останавливается, грудь сдавливает болью, невозможно сделать вдох. Миша не видит следователя, смотрит только на подростка. Голова низко опущена, руки сцеплены в замок.

- Чертенюк, - одними губами, но он слышит, поднимает голову, впивается взглядом.

Синие глаза вспыхивают радостью. Но тело Миши все сотрясает от неконтролируемого приступа бешенства. Избит. Сильно. Собственным отцом. Губы синие, с запекшейся кровью, она размазана по лицу, глаз заплыл, превратившись в темно-фиолетовое пятно на половину лица, бровь рассечена и уже заклеена белой полоской пластыря, но кровоподтек так и застыл на бледной коже. Что творится с телом, лучше даже не думать. Рефлекторный шаг вперед и Глеб утыкается ему в грудь, всхлипывает.

- Они могут подождать за дверью? - спрашивает Саша, перебивая следователя.

- Да, - милостиво разрешает полицейский, и Миша уводит Глеба в коридор, не размыкая рук.

- Чертенюк, - ласково, бережно усаживая на одно из кресел вдоль стены.

- Миш, прости меня за все. Я трус. Ты прав, - торопливые слова в отвороты куртки, не осмеливается поднять глаза.

- Ну, какой ты трус? - парень улыбается, ему легко, Глеб, наконец, у него в руках, такой родной, теплый, отогревающий душу, - Ты самый храбрый мальчик. Люблю тебя мой, малыш.

Пусть не торжественная обстановка, нет стола с накрытым ужином, нет свечей и торжественной бутылки шампанского, но сейчас самое подходящее время, чтобы он узнал.

- И я тебя люблю, не переставал ни на мгновение, - наконец, поднял голову и посмотрел в глаза.

Миша наклонился и поцеловал, осторожно, едва касаясь, чтобы не причинить боли разбитым губам.

- Поехали, голубки, - Саша с улыбкой на губах и вселенским облегчением на лице.

В салоне еще прохладно, утренний холод уже вовсю хозяйничал и там. Саша включает климат контроль, и теплый воздух вливается, делая полумрак теплым и уютным. Глеб устраивается в кольце Мишиных рук на заднем сидении. Пусть ему пришлось пережить один из самых страшных моментов в своей жизни, но теперь все так, как должно быть. А главное он рядом с тем, с кем должен быть. Запах любимого человека вновь забирается вновь, проникает в кровь, начинает совместное с ней путешествие по организму, даря облегчение измученному телу, исстрадавшейся душе, утомленному разуму. Теплые ладони медленно и осторожно поглаживают спину, все равно причиняют легкую боль, но от этого становится только спокойнее. Это - доказательство того, что это не сон, Миша здесь, рядом.

- Саш, мы едем ко мне домой. Я не отпущу его, - строго и немного зло.

- Я сам его туда не повезу, - процедил Саша сквозь зубы и сорвался с места.

Глава 13.

- Саш, - Дима сделал несколько осторожных шагов вперед и коснулся кончиками пальцев щеки друга.

Саша вздрогнул и перевел малоосмысленный взгляд на блондина. Он думал, выпуская колечки белого дыма в подъездный полумрак. Его брат теперь был в надежных, заботливых руках. Больше ни тени сомнения в том, что Мишка по уши влюблен в его несносного брата, а тот отвечает ему взаимностью. Правильно ли то, что сделал Глеб? Глупость или осознанный и осмысленный шаг для того, чтобы быть с тем, кого любишь? Глупость, однозначно, глупость. Саша тряхнул головой и все же решил узнать, что от него хочет Дима.

- Что? - в воздухе растворилась очередная бело-сизая струйка дыма.

- Поехали ко мне, - тихо, но умоляюще.

- Дим..., - Саша замолчал, не имея никакого представления о том, как сказать Диме, что он против таких отношений, что не готов к поступкам Глеба, да не нужно оно ему, он удовлетворил свой интерес, потушил пыл, который терзал низ живота после того поцелуя, на этом все, - давай в другой раз, не сейчас, - брюнет выдохнул, наблюдая, как дым поднимается под потолок, он не хотел смотреть Диме в глаза.

- Ясно, пока, - Дима натянуто улыбнулся и стал спускаться по лестнице, лифтом парень пренебрег.

- Спасибо, что помог! - крикнул Саша в спину друга, но тот даже не обернулся, только рукой махнул в знак того, что услышал его слова.

Когда Димины шаги стихли, Саша оперся о стену, прикрыл глаза и откинул голову. Сумасшедшая ночь, за которой последует не менее сумасшедший день. Сейчас ему предстоит вернуться домой. Не хотелось мельтешишь перед глазами брата и Миши, им сейчас не до него. Но дома... Дома его ждет неизвестность. Что будет после того, как отец поймет, что младшего сына он потерял? Будет и дальше отравлять малому жизнь или все же махнет на него рукой, делая вид, что Глеба не существует в природе? А мать? Что мама? Сможет она осознанно потерять сына? Что, черт возьми, будет теперь с их семьей? Только вопросы... Ответы знать на них не хочется. Хочется, чтобы все было по-прежнему. Тишина, мир, покой и уют. Но это невозможно. Отец не простит, не примет, никогда.

- Миш, - парень поднял голову и посмотрел усталым взглядом, эта ночь выпила из них все соки, силы, как моральные, так физические, кончились, - Я поеду, - морщась, сказал Саша.

- Езжай, - устало, на выдохе.

- Как Глеб?

- Спит.

- Я не об этом, - Миша сам занимался обработкой ссадин и синяков, Саша просто не мог решиться посмотреть, не хотел верить, что отец мог сотворить такое, трудно осознавать, что у человека, давшего жизнь и все ее блага, есть черная сторона, с которой они ранее просто не встречались.

- Посмотри.

- Не могу, - не «не хочу», «не могу», невозможно пересилить себя и удостовериться в жесткости отца окончательно, без права на блаженное неведение.

- На нем живого места нет, где нет синяков, есть красные полосы, где нет их, там кровоподтеки и ссадины. Саш, какого черта?! - Миша вскочил и нервным быстрым шагом отошел к окну.

- Оставишь его у себя? - брюнет подошел к другу и положил руку ему на плечо, успокаивая и даря поддержку.

- Есть другие варианты? - парень горько усмехнулся и дернул плечом, скидывая горячую ладонь.

- Нет.

- Я тоже так думаю. Но Саш, - Миша резко развернулся и столкнулся с брюнетом взглядом, - ему нет восемнадцати, ваш папашка может в один миг заставить его вернуться домой.

- Он не будет этого делать, - Саша говорил уверенно, понимая, что отец скорее вычеркнет младшего сына из жизни, чем позволит переступить порог его дома.

- Уверен? - недоверчивый взгляд темно-карих глаз.

- Более чем, - усталость брала свое, глаза закрывались, а движения становились медленными и тягучими, как на замедленной пленке.

- Может, останешься?

- Нет. Не думаю, что вам сейчас крайне необходимо мое присутствие.

- Прав, - усмехнулся Миша, - нам крайне необходимо твое отсутствие.

- Кретин, - буркнул Саша и пошел в сторону двери.

Утро. Раннее утро. Оно уже властвовало за пределами квартиры. Всюду слышались хлопки закрываемых дверей, звон ключей, лай собак, которых заботливые хозяева выводили на утреннюю прогулку. Люди нетерпеливо ждали лифта и судорожно нажимали на металлический кругляш кнопки, не думая о том, что кабина не приедет быстрее от этих нервных действий. На улице пахло осенью. Трудно сказать, почему Саша идентифицировал этот запах именно так. Но по-другому назвать его не мог. Насладиться какой-то только ему заметной медлительностью не дал огромный внедорожник, который пытался выехать с парковки, а маневренная BMW Саши перегородила ему дорогу. Парень тяжело вздохнул и поспешил остановить тщетные попытки водителя черного монстра, чтобы тот не поцарапал его машину. Выехав со двора, он влился в плотный, тугий утренний поток автомобилей, преодолевая каждый метр со словами молитвы на языке и отборным матом в мыслях. До дома добираться таким темпом придется долго, ему следует запастись терпением, что парень и сделал. Но мерное покачивание, тихая музыка, льющаяся из колонок, только убаюкивали, наливали веки свинцом, заставляли их закрываться, перед глазами все расплывалось. Саша бы легко угодил в аварию, если бы не яркие, красные огни фар впередиидущей машины. Они били по глазам и отрезвляли.

Дома его встретила тишина и порядок. В гостиной больше ничего не напоминало о том, что произошло вчерашним вечером, а может днем, Саша понятия не имел, когда брат решил совершить самую большую глупость в своей жизни. Отца, вероятно, не было дома, иначе он не пропустил бы возвращение старшего сына, который всю ночь сбивал ноги, чтобы отыскать брата. Хотя, отец мог и не знать о причинах его ночного отсутствия. Так даже лучше, никакие разговоры не могут его сейчас отвлечь от теплой уютной постели. Сон, только сон.

Странно. Такая тишина. Мягкая, уютная глубокая и теплая. Глеб медленно открыл глаза, позволяя остаткам сна бессовестно сбежать, опасаясь начала нового дня. Тело еще находилось во власти сонной слабости и неги, боль притуплилась, делая пробуждение исключительно

приятным. На мгновение показалось, что все, что произошло, не более, чем кошмарный сон. Но стоило только немного подвинуться, чтобы тяжелая Мишина рука не давила так сильно на грудь, перехватывая дыхание, как реальность обрушилась просыпающейся болью на каждом участке тела. А вместе с ней окончательно проснулась и память, подкидывая картинки воспоминаний вчерашнего вечера и ночи. С этим кошмарным днем мог посоревноваться только тот, в который он решил вычеркнуть любимого человека из своей жизни. Еще раз, прокрутив свои глупые и необдуманные поступки последнего времени, Глеб не сдержал стон злости и разочарования. Что будет теперь? - главный вопрос, который первым всплыл в его сознании.

- М-м-м, доброе утро, чертенок, - выдохнул ему в ушко проснувшийся Миша.

- Считаешь? - хмыкнул Глеб, безысходность опускалась все ниже и ниже, придавливая к мягкой кровати, лишая воздуха, заставляя мысли метаться в панике в черепной коробке.

- Что стряслось? - Миша, вмиг отряхиваясь от сонного состояния, приподнялся на локте и заглянул в синие глаза своего мальчика, наполненные страхом за свое будущее, сожалением, раскаянием и снова страхом.

- Страшно, - одно слово, в котором заложены все переживания.

- Не бойся, я с тобой, - не просто слова, главное их смысл, кроме того Миша сопроводил реплику нежным поцелуем в уголок губ.

- Он может мне всю жизнь испортить, - Глеб лег на бок и спрятал лицо на груди у парня.

- Глеб, - Миша зарылся рукой в мягкие пряди, распушенные и растрепанные после сна, - все будет хорошо, мы с тобой справимся. Ты же большой мальчик, пришло время взрослеть.

- Не хотелось делать это такой ценой, - все еще подавленный тон, без веры в себя и свои силы.

- Не могу с тобой не согласиться. Но нам редко предоставляется выбор, - Миша оставил короткие пряди в покое, погладил изгиб шеи и двинулся ниже, поглаживая спину, пробегая кончиками пальцев по позвоночнику, легко и невесомо, чтобы не причинить боль, только ласка и тепло.

- Миш, мне даже жить негде, - паника, нарастающая с каждым вздохом, отвлечь мальчика от горестных дум не получилось, видимо, слишком мало настойчивости.

- Как негде, ты будешь жить со мной, - поцелуй в лоб, провести пальцами по гладкой коже, чтобы не осталось ни единой морщинки, - Хочешь? - право выбора должно быть всегда.

- Хочу, - на выдохе, через улыбку.

Правильный путь. Поцелуй в растянутые губы, нижняя треснула вновь. Слизать капельку крови, распробовать металлический соленый вкус, углубить поцелуй. Перекатить на спину. Поцеловать шею, провести по ней языком, прикусить тонкую кожу и моментально зализать. Снова коснуться губ, поцеловать синяк, в который превратился глаз, бережно и осторожно, избегая возможной боли. Снова шея, которая уже подставлена под ласки. Руки невесомо гладят тело, язык вылизывает шею, спускается к ключицам, грудь, твердые соски, вновь губы, с которых уже срывается прерывистое дыхание. Осторожно накрыть своим телом и почувствовать, как твердая плоть упирается в живот. Потереться пахом, что дать осознать его возбуждение. Стон и вновь улыбка, которая причиняет легкую боль, но которую нельзя сдерживать. Прочь грустные мысли. Теперь есть другая, взрослая жизнь, которую Глеб будет строить сам, а Миша ему в этом поможет. Поможет не переживать и не сомневаться. Одарит своим вниманием, своей лаской и заботой. Язык забирается в ямку пупка, чтобы пощекотать и вырвать из груди приглушенный смешок. Глеб боится щекотки. Миша это уже давно понял. Улыбка кривит губы, по телу течет огненная кровь, циркулирует, заставляет воспламениться и загораться. Бережливость медленно отступает под натиском страсти, ласки становятся более напористыми, говорящими о том, какого продолжения ждет парень. Глеб отвечает, нетерпеливо ерзает, разводит ноги, позволяя устроиться между ними, вскидывает бедра, чтобы лишний раз проехаться возбужденной, влажной плотью по твердому животу. Мокрая дорожка спускается все ниже и ниже, поцелуйи все бесстыдней и бесстыдней, стоны громче, резкие движения нетерпеливей. Желание захватывает обоих. Глеб уже не обращает внимания на легкую боль, которые ему дарят следы разговора по душам с отцом, только Мишины ласковые, требовательные руки, только его горячие губы, его острый язык, который спускается все ниже, путается в волосках в паху...

- О, Господи! - тело выгибает дугой, Мишины пальцы сжимаются на бедрах, чтобы удержать.

Член Глеба утопает в плену его рта. Язык скользит по головке, ласкает уздечку, слизывает смазку, рука медленно гладит ствол. Руки мальчика вцепляются в плечи, пах ноет, в низу живота тугий узел, закручивающийся все сильнее, жар по всему телу и желание, страсть, возбуждение все больше, все острее, все требовательней с каждым движением головы любимого, с каждым скольжением его языка. Хочется все больше и больше, быть ближе, возместить ласку, отдать себя, вознести на вершину, показать, что только с ним, только так, еще больше, чтобы мир рухнул, а они остались. Мысли бессвязные, невнятные, голова пустая, там только одно желание, пронизывающее каждую извилину. Никаких сомнений, только принадлежать, отдаться, подарить себя ему, совсем, целиком и полностью. Ему принадлежит сердце, душа, пусть возьмет и тело.

- Глеб, солнышко мое, мой неугомонный чертенок, люблю тебя, - сбивчивый шепот щекочет ухо, опалает ни сколько словами, сколько их смыслом.

- Люблю тебя, - шепчут губы в ответ, душа поет, наполняется смыслом, все проблемы и переживания меркнут, становятся незначительными и глупыми, все - ничто, по сравнению с чувствами, которые теперь не прячутся за рамки, не скрываются в тени, теперь они свободны, как и сами те, кто их испытывает.

Миша целует снова и снова, отвлекает, сбивает с мыслей, не дает понять, что его палец уже проскользнул внутрь, размазывает смазку, заводит еще больше. Второй палец добавляет остроты, смывает все ограничители, бесстыдно раскрывает тело, изгибает его. Оно требует

большого. Слова мольбы уже готовы сорваться с языка, чтобы сказать, попросить, потребовать, но Миша знает, какой он нетерпеливый, торопливый, знает его тело, знает его желания, сам сгорает в них. Хочет. Обладать.

Стоны сливаются в развратную мелодию, ласкающую слух любовников, улетающую прочь из комнаты через приоткрытое окно. Миша заполняет тело любимого, чувствует его жар, наслаждается, парит, дарит наслаждение в ответ. Пьянеет от чувств, которые открыто, выражаются через жадные поцелуи, громкие стоны, руки, цепляющиеся за его плечи. Ноги оставляют следы, царапины украшают часть спины снизу, сверху. Губы, зубы заменяют друг друга в попытке доставить сладкую боль и не менее сладкое удовольствие. Они стремятся заклеить, отметить, указать всем, кому принадлежит этот человек. Разум не властен, только голые животные инстинкты живут в этот момент. Реальная жизнь будет позже, потом, через долгие минуты. Сейчас только сказка, сладкая нереальность только для них, только с ними.

- Черт, Глеб, не дергайся! – Миша злится, ему уже, какую минуту не удастся смазать синяки, расцветающие на теле мальчика.

Тот постоянно дергается, извивается, хихикает и шипит от боли, но не может усидеть и секунды.

- Миш, мне щекотно, - с едва сдерживаемым смешком, - и больно, - расстроено и грустно.

- Солнце, потерпи немного, еще пара мазков и все.

Глеб, наконец, замер. Миша быстро закончил и оставил мальчика в покое. Вид избитого тела, до сих пор нагонял лютую злость, хотелось убить одного конкретного человека. Отец Глеба выпьет еще немало их крови. Пусть не напрямую, но косвенно. Парень понимал, что спокойствие Глеба не продлится долго. Скоро он отойдет от стресса и переживаний, оклемается и начнет думать. А когда все еще раз обдумает, то придет к выводам, что совершил глупый поступок. И тогда, тогда Мише придется постараться, чтобы не дать окончательно запутаться в своих страхах и сомнениях, не дать уйти. Парень вздохнул и проводил взглядом фигурку любимого, который слегка сгорбившись, прошествовал на кухню за очередной чашкой кофе. Они старались дотянуть до позднего вечера, чтобы не лечь снова спать. Не хотелось сбивать режим дня перед учебой.

- Саша, Саш, - требовательные касания материнских рук.

Парень открыл глаза. Уже вечер. Ясно по оранжевым с краснотой лучам солнца, которые заглядывали в окно. Он проспал весь день. Голова тяжелая, гудит. Черт его знает, то ли нервы, то ли не стоило столько дрыхнуть, а поставить будильник. Брюнет перевел взгляд на мать. Лицо припухшее, глаза красные, губы искусанные. Нервные переживания. Куда же без них. Саша шумно выдохнул, проклиная отца и Глеба за то, что перевернули привычный мир, разрушили, поселили хаос.

- Ты же знаешь, где он? - вопрос, но в голосе столько мольбы и надежды, что щемит сердце.
- Знаю, - кивает парень, нет смысла врать матери, она не заслужила этой боли.
- Саш, скажи, - мать схватила ладонь и с силой сжала пальцы.
- Мам, с ним все более менее нормально, - Саша поморщился, отнял свою ладонь и сел, потирая глаза и борясь с ноющей болью.
- Где твой брат? - властные нотки.
- Мам, он у своего парня, с ним все нормально.
- Какого парня?! - шок, недоверие, хотя, больше подойдет «неверие».
- Мам, ты думаешь, у Глеба подростковый кризис и бунтарские наклонности, он все это вам вчера выдумал и рассказал просто так, чтобы оценить реакцию? - Саша злился, надоело купаться в этой заварушке, хотелось спокойствия.
- Значит, правда? - женщина всхлипнула и низко опустила голову.
- А ты сомневалась? - полный ехидства вопрос.
- Я думала, что он...он..., - еще один всхлип, плечи судорожно вздрагивают, мать плачет.
- Ага, мам, пошутил, - Саша не выдержал и обнял мать, - мам, он просто влюбился, в мужчину...на этом все. Смирись или отвернись от него, как это сделал отец.
- А ты? - она подняла на него глаза.
- Что я? - не понял Саша.
- Ты принял?
- Да, - парень отвернулся, если бы не Миша, то возможно, он отнесся бы к этому по-иному.
- Почему, Саш? - шепот.
- Он имеет право выбора, разве нет? - горькая усмешка, взгляд направлен в окно.

- Это гадко...

- Мам, пока ты так думаешь, забудь о нем. Глеб прекрасно понимал, чем кончится его честность, он знал, на что пошел. Он был к этому готов, - Саша поднялся с кровати, взъерошил волосы.

Нужно было что-то делать. Занять руки и голову.

- Где все его документы?

- Что? - мать перевела непонимающий взгляд на старшего сына.

- Мам, он не вернется домой, да и отец вряд ли позволит. Вид Глеба весьма красноречив, папа поверил. Поэтому я отвезу ему документы и необходимые вещи.

- Этот мужчина намного старше? - вопрос из тех, на которые не хотят слышать правду в ответ.

- Нет, он мой ровесник, но о Глебе позаботиться в состоянии.

- Собери вещи, я принесу документы, - она порывисто встала и направилась к выходу из комнаты, - Саш, поторопись, пока отец не вернулся, он не позволит сделать и этого.... Видел бы ты, что здесь вчера происходило, - печально сказала женщина, закусывая губу, воспоминания приносили боль.

- Мне достаточно того, что я видел результат, - оборвал Саша и направился в комнату брата, уже бывшую...

Быстро покидал какие-то вещи, телефон, планшет, зарядки от устройств, еще какое-то барахло. Все, что влезло, пока сумка не набилась до краев. Мать отдала паспорта, какие-то медицинские документы, еще нужные бумажки, Саша запихнул все это в сумку и выскочил из дома. Успел. Парень уже выезжал со двора, когда заметил отцовскую машину, сворачивающую ему навстречу.

- Привет, Саш, - двери ему открыл брат.

Судя по ароматам, наполнявшим квартиру, Миша готовил ужин.

- Привет, - кивнул он и сунул малому сумку с вещами, Глеб не стал даже спрашивать что там, понял и так, - Ужином накормите?

- А то! - отозвался Миша.

Саша скинул обувь, прошел на кухню и уселся на одном из высоких стульев.

- Глеб, ты же знаешь, где у него бар? - парень прикурил сигарету и кивнул головой в сторону Миши, - налей мне выпить, - попросил брюнет, когда словил хитрую улыбку Глеба, говорящую о том, что он уже облазил множество ящиков в этой квартире. Обживался.

- Будешь пить в одиночку? - Миша повернулся к нему и со смехом в глазах внимательно посмотрел на друга.

Вот уж кто был счастлив сверх меры, получив в свои загребушие руки молоденького мальчика. Тьфу, блин! Саша поморщился, стоило только представить, что этот извращенец делает в кровати с его братом.

- Нет, вы составите мне компанию, - улыбка вышла натянутой, но Миша не заметил.

Вечер прошел без нервов и происшествий. За предыдущие вечер, ночь и день, все трое слишком многое перетерпели, пережили и перенервничали. Душам хотелось отдыха. Хоть на один вечер отбросить все страхи и просто насладиться спокойствием. Но у Глеба все же не получилось до конца избавиться от тяжелых дум.

- Саш, домой мне путь заказан, да? - грустным тихим голосом, пока Миша отошел в туалет.

- Да, на время...

- А мама?

- Думаю, ей нужно немного времени и она примет, - Саша улыбнулся, она мать и любит Глеба, не смотря ни на что.

- Спасибо, тебе, - мальчик наклонился к нему и порывисто обнял.

- А ты красавчик! - Саша усмехнулся, внимательно исследуя лицо Глеба, ему стало неловко от таких проявлений чувств брата.

- Угу, хочешь такое же украшение?

- Нет, спасибо, воздержусь, - Саша поднял руки и рассмеялся.

Идиллию нарушил телефонный звонок, после которого Саша быстро поднялся и уехал, оставляя новоиспеченную семейную пару в одиночестве. Они и без него найдут, чем заняться. А Мишка чертов извращенец!

Глава 14.

Прошу прощения, еще не проверено...

Торопливые шаги эхом отлетали от каменной плитки под ногами молодого человека. Еще несколько извилистых поворотов парковой дорожки и он, наконец, вышел к месту, где была назначена встреча.

- Я подумал, что с тобой что-то случилось! - облегченно выдохнул Саша, падая на влажное дерево скамейки рядом с блондином.

Дима повернул в его сторону голову и грустно вздохнул. Для Саши его моральные терзания ровным счетом ничего не значили. «Случилось» в его понимании только физические травмы, до души он не заглядывает.

- Случилось, - Дима потер переносицу, сдвигая элегантные прямоугольные очки в тонкой оправе.

Какой смысл врать сейчас о том, что он просто захотел провести вечер в его компании, решимость поговорить, вновь не вернется.

- Что? - Саша уже догадывался о том, что его ждет в ближайшее время, и не желал этого разговора всем своим существом.

Парню казалось, что волоски на теле встали дыбом, он с трудом удерживался от того, чтобы не заскрипеть зубами, переваривая свое нежелание слушать признания Димы.

- Ты же понял, - блондин говорил куда-то в ночную темноту, словно обращался к стоящему неподалеку старому дубу с кривым толстым стволом, покрытым грубой шершавой корой.

Саша только рассмеялся. Дима знает, что он догадался о его чувствах, и знает, что сам Саша слышать о них не желает, но все же затеял этот бессмысленный разговор. Зачем? Зачем сотрясать воздух, переступать через внутренние барьеры, ломать гордость, дружбу, отношения? Зачем? Все равно из-за этих слов ничего не изменится.

- Дим...

Саша поднялся и собрался твердо сказать другу, уже вскоре бывшему, что у них ничего не выйдет и эта любовь ему не нужна, но блондин мягко взял его за запястье и остановил, кивком головы прося сесть на место. Он сел, вымученно отсчитывая секунды и сосредотачивая все внимание на окружающей обстановке. Хотя, что может быть интересного в ночном парке? Прохлада, уже осенняя и весьма ощутимая, мелкая морось тумана, поднимающегося от мелкого пруда, расположенного в нескольких метрах за их спинами. Тусклые лучи редких фонарей, рассеивающих зловещую темноту ночи. И тишина. Полная, тягучая, тяжелая. Такая

же, как и мысли, крутящиеся в голове обоих молодых людей.

- Саш, просто услышь. Мне тяжело говорить тебе это, - парень, наконец, набрался смелости и посмотрел на собеседника, которому собирался признаться в своих чувствах, и которому они не нужны, - Я тебя люблю, - хрипло, через силу, через физическое и душевное сопротивление.

Дима смог произнести эти три таких простых и таких сложных слова, но слышать ответ он не хотел. Поэтому резко поднялся и поспешил уйти.

Зря молодой человек так торопился, зря сбивался с дыхания, практически срываясь на бег. Саша не последовал за ним, чтобы услышать разъяснения, спросить, как так произошло. Почему? Когда он понял? И предположить, что это всего лишь глупость. Влияние Миши и Глеба. Бред и безумство. Брюнет так и остался сидеть на лавке, смотря тяжелым взглядом в спину удаляющемуся человеку. Он не повернулся и тогда, когда Дима исчез с его глаз, только теперь он рассматривал темноту. Темно-синий, практически черный воздух. В глазах рябило от напряжения, на нижнем веке собрались прозрачные капли, чтобы медленно перекатиться и повиснуть на ресницах. Чувства смешались в один невообразимый коктейль. Саша отчаянно жалел о том, что потерял хорошего друга, злился на причину, злился на Диму, решившегося на такие откровенные и никому ненужные признания, но его «я тебя люблю» попали в самый центр сердца, зацепились буквами за душу и теперь эти слова прочно заняли там свое место.

Из легкого небытия парня вырвала мокрая большая и холодная капля, упавшая на самый кончик носа. Саша встрепенулся и вернулся в реальный мир, осознавая, что в парке он остался совершенно один. На лицо упали еще несколько толстых капель, а затем дождь пролился на землю. Брюнет вскочил с лавочки и поспешил к выходу, где его ждал верный автомобиль.

- Как твои сокурсники? - Саша выруливал на дорогу, забрав брата с института, так как у его любовника на сегодня намечалось еще несколько пар.

- Люди, как люди, - отмахнулся Глеб.

Мальчик еще не осознал, не понял и не окунулся в студенческую жизнь. Прошла всего лишь неделя, как он впервые в жизни переступил порог аудитории. В группе было довольно много человек. Парни и девушки. Все разные. Глебу было тяжело. Мальчик слишком сильно отличался от них всех. Не внешне. Но внутренний мир у него так и остался его собственным, личный и маленький. Доступ туда получили только два человека. Миша и, как ни странно, Саша.

- Глеб, тебе стоит завести друзей или хотя бы приятелей, - старший брат недовольно покосился на мальчика, сосредоточенно смотрящего в окно.

- Зачем?

- Ты меня удивляешь...

- Мне не нужны друзья.

- Ты ошибаешься, они нужны.

- Зачем?

- Глеб, ты похож на трехлетнего ребенка, главными жизненными вопросами которого являются «зачем и почему», - Саша злился, брат не хотел понимать очевидного, а объяснить сам он толково и продуманно не мог.

- Их ведь больно терять..., - тихо произнес мальчик, рассматривая людей на автобусной остановке, толпой прячущихся под маленькой крышей от проливного холодного дождя, который не желал прекращаться с самого утра, - да, Саш?

- Ты о чем? - сквозь зубы произнес молодой человек.

- О ком. О Диме. Вы с ним были всегда довольно близки. Если честно, - Глеб сел в кресле удобнее и повернул голову в сторону брата, чтобы не упустить его эмоции из виду, - он единственный, кто нравится мне в вашей компании. Ну, Вера, еще очень неплохая девушка, на мой взгляд. Но не об этом. Куда пропал Дима? Я не видел его уже около двух недель.

- Он, как и Миша, оканчивает институт в этом году. Думаю, занят учебой, - Саша старался говорить безразлично, но получалось плохо.

Он сам уже истосковался по Диме. По его прохладному выражению лица, по серым глазам, смотрящим иногда с насмешкой и укором, словно, сам парень знает намного больше и не считает нужным никого посвящать в тайны мироздания. По его тихому присутствию, которое разбавляет шумную компанию, добавляя в нее спокойствие и уют. Он соскучился по блондину. Факт. Неоспоримый. Но соскучился по нему только, как по другу, не более.

- Врешь сам себе. Миша не настолько занят, чтобы забыть даже о твоём существовании, - фыркнул мальчик.

- Глеб, ты сейчас намекаешь на какую-то голубую хрень между нами? - Саша усмехнулся, но внутренне напрягся, не думал, что кто-то заметил, что между ними что-то происходит. Свести все к шутке парню показалось самым лучшим выходом.

- Я разве что-то такое сказал? - изумился мальчик, поднимая вверх руки, - Это ты сам сделал такие выводы. Значит, что есть да? - Глеб неосознанно повис на руке брата, стараясь заглянуть тому в глаза.

- Иди на хрен! - рыкнул Саша, стряхивая Глеба.

Мальчик засмеялся и откинулся на спинку сидения, понимая, что дальше лучше не давить, но из реакции брата, кое-что понять сумел. Какая-то кошка или собака между Сашей и Димой пробежала.

- Саш, а куда мы едим? – сонно спросил Глеб, когда сквозь дрему осознал, что Саша не везет его к Мише домой.

- Увидишь, - усмехнулся тот, - есть дело.

Расспрашивать, что за дело, Глеб не стал. Мерное покачивание автомобиля убаюкивало, шум дождя и шуршание шин расслабляли. Пробки придумали для того, чтобы в них спать. Мальчик откинул спинку сиденья и решил не бороться больше с мягким покрывалом сна.

Саша растолкал его, когда машина плавно остановилась перед входом в кофейню. Глеб с трудом проморгался и вырвался из теплых и нежных объятий, качающих его на волнах ярких сновидений. Мальчик потянулся, насколько это было возможно в тесном салоне, и грустно посмотрел за окно. Серая стена дождевых капель размывала всю картину. Выходить из теплого салона не хотелось. Но послышался щелчок, и поток холодного воздуха разогнал тепло, заставив тело содрогнуться и сжаться в комок. Дверца с водительской стороны вновь захлопнулась, но былой уют не вернулся. Остатки сна окончательно слетели. Только Глеб потянулся к ручке, намереваясь выбраться из машины, как дверь уже распахнулась перед его носом.

- Прошу! – Саша картинно поклонился и распахнул над его головой большой черный зонт.

Капли тут же забарабанили и по нему, выбивая громкую дробь. Холодно. Глеб поежился и плотнее запахнул короткую черную кожаную куртку, следуя за братом в теплое помещение. Глеб не заметил, как исчез черный купол над головой, он встрепенулся, только когда отчетливый горьковатый запах кофе забрался в нос, а холод сменился на ненавязчивое тепло, плотно окутавшее его фигуру.

- И зачем ты меня сюда привез? – недовольно спросил мальчик, главным желанием которого было добраться до дома и лечь спать до Мишиного возвращения.

На то, что удастся поспать ночью, Глеб не надеялся. Его парень считал, что ночи для сна совершенно не предназначены. Темное время суток существует, по мнению Миши, только для того, чтобы придаваться занятиям любовью.

- Идем, - Саша дернул его за руку и повел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Там находился курящий зал.

- Саш, я не хочу кофе, я хочу домой, - хныкнул Глеб, с неохотой переступая через ступеньки.

- Отвезу скоро. До Мишиного возвращения будешь дома, я ему обещал.

- Ты - придурок. Я сейчас хочу.

- Глеб, захлопнись!

Лестница, наконец, была преодолена. На втором этажа располагалась небольшая терраска, нависающая над первым этажом заведения. Народу здесь было немного, не смотря на обеденное время. Всего лишь две девушки за столиком в углу и женщина с длинной сигаретой, зажатой в трясущихся от волнения пальцах.

- Нам сюда, - Саша потянул его в сторону женщины.

Она словно почувствовала их приближение, а может, услышала. Глеб не дошел несколько шагов до столика, когда она повернула голову и в этой осунувшейся и усталой даме, мальчик узнал свою мать. Первым его желанием, было развернуться и бежать. Прочь из этого заведения, под ледяной дождь. Пусть вода заливается за шиворот, промочит одежду, только бы не вспоминать, что произошло в тот вечер. Больно. Зажившие синяки и ссадины заныли вновь, будто и не прошло ни единой минуты, будто они все еще были свежи и кровоточили. Но Саша предусмотрительно держал его за руку. Хватка брата только усилилась, когда он почувствовал, что Глеб рефлекторно тянется в сторону выхода.

- Глеб, - женщина встала и сделала осторожный шаг на встречу.

- Козел, - прошипел мальчик брату, пытаюсь вырвать запястье из его пальцев и, напрочь, игнорируя мать.

- Глеб, подожди, - тихо попросил брат, - выслушай.

- Ага, сейчас! - рыкнул он громко, привлекая внимание других девушке и, напугав мать, - Пусти, придурок!

Саша отпустил, понимая, что Глеб все же разозлился. Ему трудно было понять, почему он так бесится, и злиться на мать, ведь не она била его, но физически чувствовал яростные волны, исходящие от обычно спокойного мальчика.

- Глеб, прошу тебя! - крикнул женщина в спину сыну, слетающему вниз по лестнице.

Но ее крик, полный отчаяния и слез, Глеба не остановил. Он спустился вниз и покинул заведение.

- Мам...

Брюнет опустился напротив родительницы, которая закрыла ладонями лицо и сотрясалась в тихих рыданиях.

- Господи, как я перед ним виновата, - прошептала она, когда смогла взять себя в руки и успокоится.

- Это ведь папа...

- Нет, Саш. Я не остановила. Я не заступилась. Я позволила. Это еще хуже.

- Мам...

Слов больше не было. Сердце разрывалось от боли и за брата и за мать, теперь страдающую за свои ошибки. Саша закурил, чего не делал при родителях, но сейчас следовало успокоиться и подумать, как их помирить. От мысленного перечисления звеньев цепи, которые никак не желали складываться ни в один подходящий план, отвлек настойчивый звонок телефона.

- Глеб где? - без приветствия спросил Мишин голос.

Саша сразу понял по слишком спокойному тону, что парень злиться. Видимо, мальчишка выключил свой телефон, и друг не смог до него дозвониться.

- Миш, тут такое дело..., - замялся брюнет, понимая, что за потерю брата ему влетит по первое число, Миша трясся за Глеба больше чем насадка за цыплятами.

- Твою мать! Где он?! - заорал парень так, что пришлось отстранить трубку от уха.

- Миш, не ори так, - спокойно произнес Саша, переводя взгляд на удивленную маму, - я хотел его в мамой помирить, он удрал.

- Ты козел, - выдохнул Миша и сбросил вызов.

Саша на оскорбление не обиделся, наоборот, усмехнулся. Он слышал, как позвонили в дверь Мишиной квартиры. Значит, пропажа нашлась. А у него появилась неплохая идея.

- Мам, поехали.

Парень положил в папку со счетом несколько купюр, схватил растерянную мать за руку и потащил в сторону выхода.

Через полчаса они уже парковались во дворе Мишиного дома.

- Мам, ты точно уверена, что переварила и приняла выбор Глеба? – серьезно спросил брюнет, глуша мотор.

- Да, Саш.

- Тогда не удивляйся. Хорошо? – он ободряюще улыбнулся и поцеловал женщину в щеку.

Звонить в дверь пришлось долго и упорно. Но Саша не спускал палец со звонка, продолжая надавливать на кнопку, пока дверь перед его носом не распахнулась. Открыл ее злой Глеб. В спортивных штанах, с голым торсом и мокрыми прядями волос.

- Саш, ты, как всегда, вовремя, – мальчик скривился, но когда его взгляд переместился за плечо брата, попытался закрыть дверь.

Но брюнет успел подставить ногу. Саша толкнул дверь и вошел внутрь.

- Где твой парень? – спросил он, не обнаружив друга в квартире.

Мама парней так и осталась стоять на пороге, внимательно следя за сыновьями.

- Саш, почему ты опять здесь с ней?! – мальчик ткнул пальцем в мать, вновь начиная злиться и закипать.

- Парень твой где? – казалось, что ни один из них не слышит или не слушает вопросы другого.

- Иди на хрен! – Глеб стиснул кулаки и сжал зубы, чтобы не броситься на брата с кулаками, его бешенство и обида достигли своего апогея и направлены они в данный момент были не на мать, а на брата, который посмел привести эту женщину в их с Мишей дом.

- Что за шум? А драки, надеюсь, не будет? – за спиной женщины появился Миша с пакетами в обеих руках, – Здравствуйте, – шепнул парень ей на ухо.

- Скажи ему! – Саша и Глеб выкрикнули хором, тыкая друг в друга пальцами.

Миша рассмеялся, подтолкнул маму парней в квартиру и закрыл дверь, чтобы их семейная сцена не стала достоянием соседей.

- Миш, он привел ее сюда! – выдавил Глеб, стгорая в гневе.

- Я вижу, – Миша бросил пакеты и осторожно обнял мальчика со спины, он заметил его состояние, едва появился на пороге, но как с ним бороться, еще не знал. Таким злым Глеб

предстал перед ним впервые.

- Считаешь это нормальным? – полный ехидства голос, а синие глаза метают молнии, стремящиеся испепелить весь окружающий мир.

- Глеб, я хочу извиниться, - тихо сказала женщина, ее глаза вновь наполнились слезами раскаяния, она уже была готова упасть на колени перед младшим сыном и молить того о прощении.

- Считаешь, что такое можно простить? – теперь мальчик накинулся на нее, но был удержан на месте руками Миши.

- Я очень виновата перед тобой, но...

- Не хочу ничего слушать. Уходи! – из глаз покатались злые слезы, но обида на мать и боль, к сожалению, исчезать с ними не собирались.

- Глеб, - Миша прижал мальчика к себе, прошелся руками по голому животу, поцеловал за ухом, успокаивая, придавая сил справиться со своими эмоциями и немного успокоится, - Малыш, послушай хотя бы, прошу тебя, - шепнул парень ему в ухо и снова поцеловал нежную кожу.

Через некоторое время Глеб был готов выслушать мать. Миша усадил мальчика на диван и кивнул женщине, чтобы она последовала за ними. Поговорить матери с сыном было о чем. Точнее, она говорила, а Глеб слушал. Саша постоял на пороге еще несколько минут, внимательно следя за родными. Убедившись, что на их улице настанет покой и умиротворение, тихонько выскользнул за дверь. Там он был лишним. Маме еще предстояло осознать, кто есть парень Глеба. Но с этим они справятся без его присутствия.

Саша не стал вновь садиться за руль. Дождь, наконец, перестал терзать город своими острыми холодными струями, а свинцовые тучи немного разошлись в стороны, позволив робкому солнцу взглянуть на землю. Брюнет медленно шел между прохожими, заглядывал в лица незнакомых людей, думал о жизни. О своей, о чужой, примерял на себя множество разнообразных ролей. Ему было легко и сложно одновременно. Он сделал шаг вперед в отношении своей семьи, но в отношении с одним конкретным человеком он сделал несколько шагов назад. Сможет ли он нагнать это расстояние, вновь преодолеть его? Хочет ли? Хочет. Пока сам еще не понимает, чего и как, но определено только одно... Саша безумно хотел вернуть Диму в свою жизнь. Как много он готов сделать для этого? Не известно. На что готов пойти? Не известно. Какие границы сломать внутри себя, своей души? Не известно. Хочет ли вновь услышать три заветных слова, что так трепетно бережет в своих недрах его душа? Определенно.